

Д.Т.АХМЕДЛИ

СВОБОДА И
НЕОБХОДИМОСТЬ

Д.Т.АХМЕДЛИ

СВОБОДА И НЕОБХОДИМОСТЬ

**AZƏRBAYCAN SSR ELMLƏR AKADEMİYASI
FƏLSƏFƏ BÖLMƏSİ**

C.T.ƏHMƏDLİ

AZADLIQ VƏ ZƏRURƏT

**AZƏRBAYCAN SSR ELMLƏR AKADEMİYASI NƏŞRİY-
YATI
Bakı – 1960**

**АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР
СЕКТОР ФИЛОСОФИИ**

Д. Т. АХМЕДЛИ

СВОБОДА И НЕОБХОДИМОСТЬ

**Издательство Академии наук Азербайджанской ССР
Баку – 1960**

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Азербайджанской ССР

Редактор Д. ГОРСКИЙ

Джамиль Ахмедли – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки, награжденный орденом Славы, академик Российской Петровской академии наук и искусств

Джамиль Ахмедли (27.10.1931-09.02.2010) родился в семье Мирзы Теймура, работавшего учителем в селе Союдлу Гедабекского района. Дж.Ахмедли, пошедший в первый класс в 1938 году, учился рядом со своим отцом в годы войны, когда в школах было трудно работать. В 1948 году, учась в 10 классе, он выиграл математическую олимпиаду, проходившую в республике. В том же году представитель только что созданного Московского физико-технического института принял участие в выпускных экзаменах школы, где учился Дж. Ахмедли, и заявил, что он принят в этот институт. Однако из-за финансовых трудностей Джамиль Ахмедли не смог поехать в Москву.

Летом 1953 года Джамиль Ахмедли был принят в аспирантуру Института философии АН СССР, сдал конкурсный экзамен. В 1956 году защитил диссертацию на тему «Свобода и необходимость» под руководством академика Теодара Ойзермана и получил степень кандидата философских наук. Книга «Свобода и необходимость» (на русском языке), изданная в Баку в 1960 году, стала первой монографией на эту тему в бывшем СССР.

В 1954-1956 годах преподавал философию в МГУ, в 1958-1962 годах в Азербайджанском индустриальном институте, в 1963-1972 годах в Бакинской высшей партийной школе, в 1959-1974 годах в аспирантуре АН Азербайджанской ССР. . В 1957 году работал в Институте философии (ныне Институт философии и социологии Национальной академии наук Азербайджана) ученым секретарем, старшим научным сотрудником, заведующим отделом. Он работает над «Юридической категорией материалистической диалектики» с 1958 г., а в 1963 г. опубликовал две большие монографии на 20 страницах. В 1964 году эти работы легли в основу докторской диссертации философа.

Первая социологическая лаборатория была создана в Азербайджане в 1969 году по инициативе и под руководством Джамгиля Ахмедли. За 15 лет работы сотрудники лаборатории провели исследования по около 10 актуальным вопросам, опубликовали более 100 книг и научных статей, организовали и приняли участие в более чем 10 международных конференциях.

Дж. Ахмедли, который был заведующим кафедрой философии Азербайджанского института народного хозяйства, восстановленного в 1966 году, работал там заведующим до 1990 года. С 1990 по 2000 год работал заведующим кафедрой философии и социологии Бакинского государственного университета Джамгиль Ахмедли был профессором кафедры философии гуманитарных наук Бакинского государственного университета.

Ахмедли является автором 16 монографий и более 400 статей. У него 12 докторов и около 100 кандидатов. Работал в области проблем теории познания, проблемы философских категорий и принципов, философских проблем современного естествознания, сущности НТР и проблемы социальных последствий. Ученый является автором 54 статей в «Азербайджанской советской энциклопедии».

Джамгилю Ахмедли в 1990 году было присвоено звание Заслуженного деятеля науки, в 1997 году он был избран членом-корреспондентом Российской Петровской академии наук и искусств, а в 2000 году избран академиком. 30 октября 2009 года за заслуги перед развитием образования и науки в Азербайджане ученый был награжден орденом Славы.

В 2001 году была опубликована книга «Библиографический указатель», отражающая основные даты жизни и деятельности Джамгиля Ахмедли, список его работ.

ВВЕДЕНИЕ

В одной из своих философских работ Г.В.Плеханов говорит о проблеме свободы как об очень старой и одновременно всегда новой проблеме. Стара она потому, что старо само человечество, ибо история развития свободы – это история развития человеческого общества. А актуальность ее в том, что любое достижение в практическом осуществлении этой, проблемы с еще большей остротой ставит ее на повестку дня теоретической и практической деятельности общества. Каждый определенный уровень в развитии свободы есть начало ее последующего развития.

Человек как общественное, сознательное существо с самого начала своего существования выделяется активным отношением к природе. Вначале познание человеком окружающей среды непосредственно вплетено в его практическую деятельность. Лишь впоследствии его теоретическая деятельность отделяется от практической и приобретает определенную самостоятельность. В условиях классового рабовладельческого общества возникает наука как относительно самостоятельный вид деятельности людей. Прогресс познания в таких условиях осуществляется несравненно более быстрыми темпами, чем раньше. Каждый период в развитии общества, связанный с познанием закономерностей окружающего мира, знаменует собой определенный этап освобождения человека от рабства «непокорным» природным силам. Человек все более и более убеждается в том, что стихийные, исполинские силы природы не являются силами, абсолютно чуждыми, противостоящими ему в своей враждебности, неподвластными его воле, но при определенных условиях и в определенных формах своего проявления они могут быть подчинены человеком. По мере их познания эти силы начинают выступать как величайшие средства обеспечения существования и развития людей, и поэтому человек стремится отыскать причины, порождающие их, уже не где-то за пределами природы, но в самой природе.

Однако это лишь одна сторона сложного процесса начального этапа духовного развития человека, как общественного существа. Вторую сторону этого процесса составляет совершенно противоположное явление. Накопленные человеком знания первоначально были очень малочисленны и поверхностны, сфера же практической деятельности чрезвычайно ограниченной. Крайне низкий уровень знаний и развития производительных сил в то время не давал возможности человеку составить себе научное представление о мире, объяснить силы природы, вскрыть их действительные причины. Поэтому человек, чувствуя свою беспомощность перед стихийными силами природы, ставил себя в зависимость от них. Более того, люди в своем воображении превращают неизвестные природные явления в сверхъестественные, преклоняются перед ними как перед абсолютно непокоримыми силами, как проявлениями воли какого-то высшего существа и приходят таким образом к обожествлению природных явлений.

Эти два в корне противоположных начала истолкования мира и составляют гносеологические основы соответственно науки и религии, которые боролись между собой на протяжении всей истории человечества. Борьбе этой характерно то, что она ведется не для выяснения того, что понимать под свободой и существует ли таковая, а в связи с решением вопроса о путях и средствах реального процесса освобождения человечества. С одной стороны, религия, основываясь на недостатках человеческого познания и исторической ограниченности человеческой практики, при активнейшем содействии и поддержке господствующих классов, защищает идею бессилия человека перед «непокоримыми» силами природы и общественной жизни. Религия считает, что судьба человека predeterminedена богом, и всякая его попытка выступить против божественной воли есть зло. Человек должен поступать так, как велит ему бог, примиряясь со всеми невзгодами своего существования и уповая на то, что он будет вознагражден «на том свете». Согласно христианской религии, человек обретает свободу, лишь покорившись своей судьбе.

С другой стороны, наука, в противоположность религии, основываясь на теоретической и практической мощи человека, все глубже и глубже отражает объективную действительность и тем самым на каждом этапе развития общества создает необходимые условия для всевозрастающего освобождения людей от рабства внешних сил природы.

Философия не могла оставить вне круга разбираемых ею вопросов проблему свободы, затрагивающую непосредственно жизненные интересы людей, их историческую судьбу, раскрывающую возможность и степень господства человека над природной и исторической необходимостью, иначе говоря, проблему, разрешение которой по сути дела являлось целью общественно-исторического развития.

В истории философии проблема свободы была предметом долгого и ожесточенного 'спора между представителями различных направлений. Ее решение непосредственно связано с решением основного вопроса философии – вопроса об отношении мышления и бытия, сознания и материи. Если исходным пунктом той или иной философской системы является идея, дух, сознание, то решение проблемы свободы не может выйти за рамки идеализма. Если даже автор системы, построенной на таких предпосылках, сумеет высказать ряд верных положений, определяющих соотношение необходимости и свободы, он, тем не менее, не сможет выйти за пределы идеализма, ибо содержание, вкладываемое им в понятия «необходимость» и «свобода», будет идеалистическим. И поэтому свободу он поймет как абсолютную свободу души, как воображаемую независимость от действительного мира.

Следовательно, более или менее правильное решение этой проблемы можно было ожидать лишь от тех философов, которые материалистически решали основной вопрос философии – первичным признавали материю, природу, а дух, сознание считали вторичным, производным продуктом материи. Философы материалисты до Маркса признавали объективность реального мира, его закономерностей, необходимости. Но в силу метафизичности и созерцательности их материализма и, самое

главное, в силу идеалистичности их взглядов на общественное развитие, они не могли дать научного решения вопроса о свободе и необходимости и их соотношении.

Задача, которую мы ставим перед собой, весьма скромна. Мы не претендуем на подробный анализ истории проблемы свободы и необходимости, потому что история этого вопроса не является для нас самоцелью. Мы ее затронем лишь в связи с исторической подготовкой научного решения проблемы. А для этого вовсе не обязательно, чтобы были разобраны учения всех философов; достаточно остановиться на тех из них, кто внес новое в решение этого вопроса. Мы считаем необходимым указать лишь на главные особенности постановки вопроса в домарксистской философии, и на примере учений выдающихся представителей материализма и идеализма показать то положительное, что было уже сделано предшествующей марксизму философией, а также выявить ее недостатки и ограниченность. Эта необходимость продиктована определенными причинами.

Во-первых, буржуазные «исследователи» Спинозы, Гегеля, Канта и других, в силу своей классовой принадлежности, подходят к учениям этих мыслителей всегда односторонне, отбрасывают все положительное, научное и хватаются за их ошибочные положения, которые они используют в борьбе с материализмом и диалектикой для обоснования типично буржуазных точек зрения и взглядов. Поэтому учения прогрессивных домарксистских мыслителей выглядят в их интерпретации односторонними и даже искаженными¹. Изучение воззрений Спинозы, Гегеля, Канта и других с точки зрения марксистской философии должно вскрыть действительное место ряда прогрессивных домарксистских философов в разработке исследуемой нами проблемы.

Во-вторых, без преувеличения можно сказать, что некоторые авторы совершенно игнорируют прежнюю философию. Она, по их мнению, является скоплением сплошных заблуждений. За ее метафизичностью, идеалистичностью и прочими недостатками и ограниченностью они не видят того положительного, что было

---

¹ См. учение Спинозы у Винделбанда, Когена, Кассирера и т.д.

достигнуто ею и в известной мере использовано марксизмом. Для таких «исследователей» Спиноза и французские материалисты – это крайние фаталисты, метафизики и только; Кант, Гегель – идеалисты и консерваторы, и ими в разработке философских проблем не достигнуто ровно ничего. Подобного рода нигилистическое отношение к предшественникам марксизма связано с отрицанием принципа преемственности в философии, с принципом единства процесса и результата. (Сторонники подобных взглядов этим не только высказывают свое, пренебрежительное отношение к научным достижениям прошлого, но также, сознательно или несознательно, ставят себя в неловкое положение, объясняя вопрос о возникновении марксизма. Такая точка зрения означает, что марксизм возник без всякой предварительной теоретической подготовки, так сказать, на голом месте. Он будто бы отбросил все старое, в котором не было ничего ценного.

Между тем, Ленин пишет, что «...в марксизме нет ничего похожего на «сектанство» в смысле какого-то замкнутого застывшего учения, возникшего в стороне от столбовой дороги развития мировой цивилизации»¹, и он (марксизм) завоевал всемирное признание не потому, что он отбросил все завоевания прошлого, а потому, что он «усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры»².

В-третьих, борясь против марксизма, многие буржуазные ученые стремятся завуалировать принципиальное отличие марксизма от предшествующих ему философских систем и пытаются отождествить марксистскую философию или с гегельянством или с механистическим материализмом, пытаются представить марксизм как эклектическое соединение различных философских систем³.

---

¹ В.И. Ленин, Сочинения, т. 19. ю стр. 3

² Там же, т. 31, стр. 292

³ Такая точка зрения восходит к народникам и лидерам II Интернационала, а в дальнейшем она широко распространилась среди меньшевистствующих идеалистов и механицистов. Подобные взгляды очень популярны и среди современных буржуазных философов.

Безусловно, марксизм как цельная философская система, не мог появиться вне исторически накопленного научного опыта. Он должен был использовать все рациональные моменты предшествующей философии, критически пересмотреть их и лишь на их основе создать новую философию, коренным образом отличную от предшествующей. Но это вовсе не значит, что марксизм представляет собой лишь механическое соединение различных философских систем.

Следовательно, чтобы избежать ошибочного взгляда, что марксистское учение о свободе и необходимости есть нечто возникшее на голом месте, не имеющее никакой связи с прежними философскими учениями, и что якобы марксизм не дал ничего качественно нового в изучаемом вопросе, а только механически соединил положительные моменты, имеющиеся в домарксистских философских системах, следует остановиться на учениях о свободе и необходимости некоторых представителей философии, которым, на наш взгляд, принадлежит определенная заслуга в подготовке научного решения этой проблемы.

Наконец, принцип преемственности требует точного определения места того или иного мыслителя в истории науки и философии и выяснения (на основе изучения системы) его влияния на последующий ход развития человеческого знания.

Глава первая

К ИСТОРИИ ДОМАРКСОВСКОГО РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ НЕОБХОДИМОСТИ И СВОБОДЫ

ОБЩАЯ ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Опор, возникший вокруг вопроса о свободе, длился многие столетия. Ученые-философы, психологи, социологи и другие затратили громадную энергию мысли, чтобы решить вопрос: свободен ли человек в своих поступках или он подчиняется каким-то внешним мотивам; если свободен, то, что следует понимать под этой свободой?

Помимо трудности предмета спора, последний осложнялся еще многааспектностью проблемы и многозначностью самого термина «свобода», в результате чего отсутствовало взаимопонимание между спорящими сторонами. Нередко в одни и те же слова – «свобода», «свобода воли» и т.п. – вкладывалось совершенно различное, порою даже противоречивое содержание, что приводило к большим расхождениям во взглядах. Это обстоятельство, безусловно, весьма затрудняет точное определение исторической постановки вопроса, что очень важно как с точки зрения исследования учений домарксистских философов о свободе, так и с точки зрения научного, марксистского решения проблемы. Однако это следует сделать, хотя в нашу задачу не входит ни исследование всей истории проблемы, ни раскрытие всех ее сторон и аспектов. Мы совершенно не будем касаться вопроса о том, какие значения имеет слово «свобода» в обиходе. В любом значении оно вполне удовлетворяет нужды людей, и поэтому о полисемичности этого слова не может быть никакого спора.

Здесь мы коснемся вопроса о свободе воли, которым был подменен в истории философии вопрос о свободе и который был предметом ожесточенных опоров между детерминистами и индетерминистами. Но и сам (вопрос о свободе воли понимался неоднозначно. Поэтому, прежде чем говорить о борьбе

детерминистов и индетерминистов, следует провести дифференциацию в самом вопросе о свободе воли и точно определить предмет спора между различными философскими направлениями.

Как детерминисты, так и индетерминисты выделяют три сановных момента сознательного волевого акта человека – хотение, выбор, действие. В начале появляется хотение. Пока, не вдаваясь в анализ происхождения хотений, только укажем, что они отличаются друг от друга по предметам, на которые они направлены, по утвердительному или отрицательному характеру (желание или отвращение), и по своей интенсивности. Как только побуждение становится желанием или отвращением (хотением), (вместе с ним появляются и другие, желания задерживающие прямой переход первого хотения в действие, непосредственное его осуществление. Здесь напишется новая фаза волевого акта. Вновь появившиеся желания вызывают (разумеется, не непосредственно, а с помощью представлений, примыкающих к прошлым объектам этих желаний) новые чувства. Человек вынужден выбрать одно из этих желаний, которое и переходит в действие. Но бывает и так, что мотив, вызывающий новое желание, бывает настолько сильным, что не остается места для выбора, и хотение непосредственно переходит в действие.

Таким образом, при анализе вопроса о свободе воли следует *строго* различать, идет ли речь о свободе хотения, о свободе выбора или о свободе действия. Только в этом случае мы сможем разобраться в вышеуказанном споре.

Попытаемся вкратце раскрыть суть этих понятий. Для большей ясности мы изложим процесс волевого акта в обратной последовательности. Это даст возможность яснее вскрыть взаимосвязь и взаимообусловленность отдельных фаз волевого акта.

Свободное действие – это вызванное тем или иным конкретным хотением решение и соответствующее ему телесное движение. Вопрос о свободе действия, т. е. о свободе исполнения принятого волей решения, решается в этом случае вне связи с общими законами природы и сознания. Он решается здесь в связи

с выяснением наличия или отсутствия конкретных условий осуществления решения воли в каждом конкретном случае. Что же в таком случае может препятствовать свободному осуществлению решений воли и что представляет собой свобода действия?

Осуществлению решений воли могут препятствовать внешние принуждения, стоящие на пути свободного действия человека. В этом отношении свободен тот человек, действию которого ничто не препятствует. Если человеку захочется поселиться на солнце, то, вполне понятно, что это желание никак не может быть осуществлено, и оно останется только желанием. Препятствием здесь является ограниченность человеческих возможностей и все неудобства, связанные со строением солнца (температура, расстояние до солнца и т. д.).

Имеются еще и другие внешние препятствия, вернее, принуждения, нарушающие свободу действия человека. Это – созданные самими же людьми препятствия, мешающие другим людям осуществлять свои желания. Такие препятствия могут возникать вследствие нарушения гражданской свободы. Если, например, человека заперли в комнате или связали ему руки и ноги, то он уже не может выйти из комнаты или пойти туда, куда он желает. Если мы освободим его из комнаты или же развяжем его, то тем самым мы предоставим ему свободу действия, возможность уйти или остаться. Но это опять-таки не значит, что мы ему дали свободу хотеть уйти или остаться. Наше препятствие и последующее уничтожение его касается лишь сферы того или иного конкретного действия.

Далее свобода действия может быть нарушена внутренними препятствиями и принуждениями, вытекающими из собственной природы субъекта. Однако нельзя смешивать принуждение с необходимостью. Наши хотения могут быть субъективно необходимыми, вытекающими из нашей собственной природы, например, из нашего темперамента, характера, воспитания и т. д. Осуществляя такие необходимые хотения, мы не сознаем никакого принуждения. Принудительными являются действия, совершаемые под давлением внешних сил или же собственного

болезненного состояния (аффекта, помешательства и т. д.). Подобные действия не только не соответствуют нашему хотению, но, более того, чужды, враждебны нашей сознательной субъективной природе. Принуждение сознается также там, где внешние силы и наши органические недостатки не дают возможность осуществить наши хотения.

Указанные внешние и внутренние принуждения тесно связаны между собою и, можно сказать, что одно из них является результатом другого. Внешнее принуждение, например (связывание или заключение человека), является не только физическим. Оно также и психическое принуждение, ибо оно подчиняет волю одного – физически принуждаемого, воле другого – физически принуждающего. Хотя и у заключенного или у связанного человека остается свобода, например, кричать, но он не делает этого, когда знает, что такое действие приведет к худшему. Поэтому он вынуждает себя полностью отказаться от свободы. В этом пункте вопрос о свободе действия переплетается с вопросом о свободе выбора.

Из всего сказанного видно, что вопрос о принуждении или о свободе действия при таком подходе к проблеме, – это вопрос о внешней свободе, о наличии или отсутствии конкретных условий осуществления, принятого волей субъекта решения. Этот вопрос никак не может быть предметом спора. Возьмем, к примеру, таких представителей детерминизма, как Дж. Пристли и Гоббс. Резко выступая против учения о свободе воли (в смысле свободы хотения), они, тем не менее, высказываются за свободу действия. Называя вопиющей нелепостью учение о свободе воли (свободе хотения), Пристли пишет: «...я признаю у человека всю ту свободу или силу, которая сама по себе возможна и о которой вообще говорят, а именно – силу делать все то, что люди хотят или что им нравится, как по отношению к операциям духа, так и по отношению к движениям тела, независимо от вмешательства всякого постороннего начала или причины. Так, например, всякий человек обладает свободой обращать свои мысли к чему ему угодно, рассматривать доводы за или против какой-нибудь теории или положения и размышлять о них столько времени,

сколько это он сочтет необходимым. Точно так же он свободен ходить, где ему хочется и делать всё то, что могут делать его руки и другие члены»¹.

Так же рассуждает и Гоббс, когда он говорит, что свободно то существо, которое может делать все, что хочет, и не делать, если не хочет. Свобода, по Гоббсу, есть отсутствие всех помех действию, которые заключаются не в природе и не в собственном свойстве действующего существа.

Короче говоря, так называемая свобода действия не причастна к спору между детерминистами и индетерминистами, так как она касается лишь вопроса о зависимости наших действий от нашей воли, тогда как спор ведется вокруг вопроса о зависимости или независимости самой нашей воли.

Итак, продолжим нашу мысль. Мы говорили о том, что нарушение свободы действия человека отражается и на свободе его выбора, т. е. строго ограничивает его выбор. Если человек физически подчинен другому, то его воля также подчинена другому, и она должна исполнять то, что ей диктуют, другими словами она лишена возможности выбора, поскольку ей предоставляется один единственный вариант, который она и должна осуществить. Поэтому в сознании человека появляется связь между этими двумя свободами – свободой действия и свободой выбора. Если нарушение свободы действия приводит к нарушению свободы выбора, то нельзя ли миновать это нарушение самому субъекту сознательным ограничением своего выбора. Если человек не будет допускать произвола в выборе хотений, а поступит в соответствии с определенными нормами, то, безусловно, не встретит препятствия в осуществлении своего хотения. Этими нормами являются моральные и правовые нормы, господствующие в обществе в каждом конкретном случае. Нет никакой необходимости распространяться по поводу происхождения моральных и правовых норм общества и выяснять основные причины, определяющие их характер. Поэтому мы ограничиваемся лишь следующим замечанием: от

---

¹Дж. Пристли. Избранные сочинения. Философское учение о необходимости. М., 1934, стр. 84.

характера общества зависят и его правовые и моральные нормы. И естественно, поэтому, что правовые и моральные нормы каждого общества по-разному будут определять сферу свободы выбора человека. Если эти нормы выражают интересы лишь части общества (как это имеет место в классовых обществах), то будут сильно ограничивать свободу выбора остальной части общества и наоборот.

Что же такое свобода выбора?

Предварительно нами было сказано, что фаза выбора волевого акта наступает тогда, когда перед человеком встает разнообразие представлений, среди которых он должен выбрать какое-нибудь с тем, чтобы затем приступить к его осуществлению. Дело в том, что каждое появившееся хотение (не забудем, что пока мы не говорим о причинах появления того или иного хотения) непременно вызывает свою противоположность. И это появляется, в сознании человека потому, что любое хотение он тут же представляет в действии и, следовательно, ясно видит его последствия. А последствия его желания оцениваются им в сопоставлении с возможными последствиями противоположного хотения. Таким образом, противоречат здесь по сути дела не хотения, а волевые импульсы, которые должны осуществлять эти желания и возможные последствия этих хотений. Короче говоря, в данном случае человек должен выбрать одну из двух альтернатив: «сделать это» или «не сделать».

Далее. У человека могут появиться одновременно несколько желаний, которые вовсе не противоречат друг другу. Например, человеку хочется одновременно читать, так как через определенное время ему предстоит сдавать экзамен, и следить за игрой двух футбольных команд. Здесь состязаются между собою два желания, так как оба действия, в которые перешло бы каждое из этих желаний, стоят в противоречии друг с другом, т.е. не могут быть выполнены в одно и то же время. Значит, человек так или иначе должен выбрать одно из них: «сделать это» или «сделать то».

Таким образом, выбор, хотя он является чисто внутренним процессом человеческого сознания, находится в самой тесной

связи с психофизическим процессом действия и наступает только тогда, когда различные хотения не могут перейти одновременно в различные действия. Свобода выбора предполагает свободу действия, ибо если мы заранее будем знать о том, что то или иное наше решение не может перейти в действие, так как имеются внешние препятствия на пути этого перехода, то выбор вообще теряет смысл. К чему выбор, когда заранее известно, что любое твоё решение неосуществимо. Значит, мы выбираем только тогда, когда знаем, что каково бы ни было наше решение, оно не встретит препятствия на пути перехода к действию.

Теперь необходимо остановиться над результатом выбора, иначе говоря выяснить то, почему воля в результате выбора принимает решение А, а не Б.

Принятие того или иного решения обуславливается силой мотива выбираемых желаний. В этом отношении можно выделить три основные формы.

1. Предположим, что у человека появляется желание разбить оконное стекло и войти в дом. Если это желание появляется в момент пожара и когда перед ним встает вопрос спасения ребенка, находящегося в горящем доме, то вполне понятно, что оно не вызовет противоположного желания (не разбить) и непосредственно перейдет в действие. Здесь сила появившегося хотения настолько велика, что она исключает выбор. Ну, а если это желание (разбить стекло и войти в дом) вызвано не указанным мотивом, а целью грабежа, воровства? Безусловно, тогда желание, вызовет свою противоположность. Вор в сознании сопоставит последствия своего поступка. А именно: он будет размышлять, узнает ли об этом владелец дома и если узнает, то к каким последствиям это может привести; далее, узнают ли об этом карательные органы и какие последствия могут быть здесь и т. д. После размышления он делает выбор. Если все-таки сила мотива, вызвавшего первое хотение, окажется больше, чем сила всех других, вместе взятых, то он совершит этот поступок, если же наоборот, то он откажется от этого желания.

Однако в таких случаях часто бывает и наоборот. Если, например, солдату, попавшему в плен, предоставляют выбор: или

умереть или выдать военную тайну, то он после размышления нередко принимает первое решение. Чувство преданности отчизне, чувство любви к своему народу берёт верх над инстинктом самосохранения.

2. Предположим, что перед человеком два желания, не исключających друг друга. (Вспомним вышеприведенный пример с человеком, который одновременно хочет и читать и наблюдать за игрой в Футбол). Человек хочет, чтобы осуществилось и то и другое. Но поскольку это невозможно, то он делает выбор. Опять-таки будет выбрано то желание, мотив которого окажется сильнее. Во избежание всяких недоразумений и всяких односторонностей, следует подчеркнуть, что во всех этих случаях чрезвычайно большая роль принадлежит субъективным особенностям человека, таким, как: темперамент, характер, воспитание и т. д.

3. Наконец, предположим, что перед человеком два абсолютно равнозначащих желания и ему предстоит выбор одного из них. Как же поступит в таком случае человек? Ведь у него нет решающего основания выбрать какое-нибудь из указанных желаний, поскольку силы их мотивов равны, и они находятся в абсолютно равных условиях. Может быть, выбор здесь будет без всякого основания? Никакого решения без основания при отсутствии решающего мотива не может быть. Хотя человек и не решает в пользу какого-нибудь из своих желаний, но он предоставляет этот случай телесному и духовному механизму, который и совершает действие. Это подтверждается тем, что воля сохраняет за собой право вмешиваться в ход действия и принимать определенное решение (даже, может, противоположное ходу действия) при случае, когда она обнаруживает решающий мотив для выбора. Это и есть так называемая свобода безразличия.

Из всего изложенного видно, что свобода выбора также не может быть предметом спора. Она не противоречит закону причинности, необходимости. Поскольку она основывается на сознательном обдумывании всех мотивов, имеющих в распоряжении воли, т. е. на знании, она не может противоречить

необходимости. Наоборот, познанная необходимость и должна лежать в основе свободы выбора. Последняя, следовательно, противоположна принуждению, слепоте¹.

Итак, мы вплотную подошли к проблеме свободы хотения, по поводу которой шел известный спор между детерминистами и индетерминистами. Вопрос ставится так: свободна человеческая воля в совершении акта хотения или при этом она зависит от внешних мотивов? Иначе говоря, является ли воля причиной самой себя или же ее акты вытекают как следствия другой, находящейся вне ее причины? Мы вынуждены будем следовать аргументам, приводимым сторонниками противоположных сторон в доказательство своих точек зрения. Поэтому прежде мы коснемся самой постановки вопроса вообще.

Не требуется большого труда, чтобы убедиться в неправомерности такой постановки вопроса, ибо вполне понятно, что на метафизически поставленный вопрос можно было ответить только метафизически: или да, или нет. Такой ответ предполагается уже в самом вопросе. При дальнейшем рассмотрении мы увидим, что и на самом деле ответы старых философов сводились к принятию одной из альтернатив. Это не столько их вина, сколько беда. Господствующий в то время во всех областях знания метафизический метод мышления не дал им возможности диалектически подойти к вопросу о свободе. Поэтому свобода рассматривалась и в том и в другом случае, как нечто застывшее, навсегда данное и в этом смысле она или отрицалась или признавалась. В тени оставалось самое главное, а именно то, что под свободой нельзя понимать произвол, отсутствие причины, определяющей, то или иное явление или характер человеческих действий, что свобода не есть нечто внесенное в человеческое общество сверхприродной силой. Свобода есть процесс, охватывающий познавательную и

---

¹ Однако необходимо отметить, что некоторые сторонники детерминизма, совершенно отрицая самостоятельность человеческого сознания считают что выбор не является внутренним процессом человеческого сознания, а непосредственно указывается внешними мотивами другими словами, отрицают выбор, считая его непосредственным продолжением хотения

практическую деятельность человека. Она связана в одно и то же время и с проблемами познания и с практической деятельностью, другими словами, свобода основана на их единстве.

На каждом этапе развития общества свобода должна рассматриваться как результат общего хода развития. Следовательно, нельзя говорить об абсолютной свободе, она всегда относительна, неполна. А чтобы выяснить степень свободы общества на той или другой ступени его развития, надо изучить состояние техники, уровень науки, производительные силы, производственные отношения и всю надстройку, возвышающуюся на базе этих отношений. Только такое всестороннее знакомство позволит говорить о конкретной реальной свободе какого-то данного этапа развития общества.

Ответ индетерминистов на вышеставленный вопрос сводится к, следующему: сама воля человека не определяется внешними причинами. Она сама является первой и последней необусловленной причиной своих решений, и поэтому она находится за пределами мирового процесса, где господствует закон причинности. (Многие из них признавали в природе господство причинно-следственной связи, но, считали, что она не распространяется на человеческую волю).

Детерминисты же в своих возражениях опирались на всеобщность закона причинности. В природе господствует причинно-следственная связь. Поскольку человек является частью этой природы, то его воля, как и все другие предметы и явления природы, должна подчиняться всем ее закономерностям, в том числе и закону причинности. Следовательно, любой волевой акт человека имеет свою причину, которая предшествует этому акту и вызывает его необходимым образом. В этой связи мы позволим себе привести, хотя и несколько длинную, но весьма важную для подтверждения наших мыслей выдержку из работы Дж. Пристли. «...Я утверждаю, – пишет он, – что существует некоторый неизменный закон природы для воли, как и для других способностей духа, как и для любой вещи в природе. В соответствии с этим я утверждаю, что воля никогда не определяется без некоторой действительной или кажущейся

посторонней причины, т.е. без некоторого мотива выбора. Иначе говоря, я утверждаю, что мотивы влияют на нас определенным и неизменным образом, так что всякое наше хотение или выбор постоянно регулируется и определяется тем, что предшествует ему. Говоря о необходимости определения духа, я имею в виду это постоянное определение его представляющимися ему мотивами. Если допустить это, то между всеми прошедшими, настоящими и будущими явлениями как духовного, так и физического порядка существует необходимая связь, связь причины и следствия, так что (как бы плохо ни понимало это большинство человечества), согласно установленным законам природы, ни одно событие не могло быть иначе, чем оно было или будет; поэтому все прошедшие, настоящие и будущие вещи в точности таковы, как задумал их творец природы»¹. Ту же самую мысль высказывает Гоббс, когда говорит, что существует не свобода хотеть, а свобода делать то, что хотим, иначе: есть хотение поступка, а не хотение хотения.

Вопрос о свободе воли для церковной философии был неразрешим. С одной стороны, в теологии было твердо «установлено», что начало миру положил бог, создавший его в духе добра. Следовательно, человек, будучи божественным созданием, должен быть по своей природе добр; с другой стороны, теология устанавливала, что человек, какой он есть теперь, зол. Это и является предпосылкой основного религиозного догмата искупления и необходимости существования церкви. Но как же быть, в чем выход? Если бог создал людей добрыми, но, несмотря на это, они все-таки злы, то откуда же появилось зло? Делом чьих рук является оно в конечном счете? Кто виновен в этом, творец или же сотворенные? Может, в появлении зла виновен бог? Но это не допустимо, так как бог абсолютно свободен, и поэтому он делает только добро. Значит виновны сами сотворенные. Но опять-таки воз пикает вопрос: почему же бог создал их способными на зло? Представители церковной философии все же находят выход из этого трудного положения. Они предпочитают меньшее зло

---

¹ Дж. Пристли. Философское учение о необходимости, гл.1, стр.85

большому. По их мнению, бог создал человека по природе добрым. Одновременно он предоставил ему свободу выбора нравственного, доброго. Человек же в лице Адама воспользовался этой свободой, чтобы ввести в мир грех и неразлучный с ним беспорядок. С тех пор постоянно все больше суживается его свобода выбирать добро, и, наоборот увеличивается свобода выбирать зло.

По учению одного из крупных представителей церковной философии Блаженного Августина, бог обладает совершеннейшей свободой. Его воля направлена всегда, всецело и неуклонно на добро и только на добро. Это – высшая форма свободы, присущая только одному богу. Кроме того, Августин признает среднюю и низшую формы свободы. Средняя форма свободы состоит в возможности как грешить, так и не грешить. Наконец, третья форма свободы – это та, в которой воля неуклонно или, по крайней мере, преимущественно, направлена на все злое. Первой формой свободы, как уже было сказано, обладает бог. Адам до грехопадения обладал второй формой свободы. Но после грехопадения первого человека сто потомство потеряло принадлежащую ему способность выбирать добро или зло и приобрело третью форму свободы, согласно которой человек способен только на зло. По выражению Августина, человек через хотение зла потерял способность хотеть добра. «Итак, – говорит Блаженный Августин, – потомки Адама имеют свободную волю, – свободную, говорю я, но не освобожденную, – свободную по отношению к справедливости, но рабствующую греху, ибо через нее, собственно, они отдаются разным злым похотям, одни менее, другие более; но все злые, и все подлежат различному наказанию, сообразно со степенью виновности каждого»¹.

Но какова судьба падших людей? Остаются ли они вечно зараженными грехом, испорченными или есть какой-то выход? На помощь приходит божья любовь. Сила божьей благодати возвращает нам свободу, которой мы обладали до грехопадения, и опять дает нам возможность выбирать между добром и злом.

---

¹¹ Цит. по кн.: Г.В. Малеванский. Опыт о свободе воли. Киев, 1899, стр.139

«Вот каким образом, – пишет Августин, – должно утверждать и защищать свободу воли, не против благодати, но посредством благодати, потому что, в самом деле, мы не благодать получаем по свободе, но свободу по благодати или благодатию»¹¹. Нам кажется, что эта точка зрения даже недостойна критики, ибо она базируется на заведомо ложной основе. Свобода человеческой воли (в каком бы значении не употреблялось это слово) связывается с несуществующей силой – богом, – которая якобы и определяет ее. А так как эта сила вообще не существует, то и незачем говорить о той свободе, которая «определяется» ею.

Теперь перейдем к рассмотрению основных аргументов как индетерминистов, так и детерминистов, приводимых ими в доказательство своей правоты.

Одним из аргументов в руках индетерминистов является утверждение, что только на почве признания свободы воли будто бы можно обосновать моральную и юридическую ответственность человека за совершенный им проступок. Если человеческая воля целиком и полностью определяется внешней причинностью, то мы не имели бы никакого основания считать человека виновником совершенного им злодеяния и наказывать его за это. Любой преступник тогда выставил бы в свое оправдание довод, что в его поступке виновен не он сам, ибо он был лишь механическим исполнителем того, что неизбежно должно было совершиться именно так, а не иначе, потому что таким оно обусловлено мировой причинностью.

Детерминисты утверждают, что этим аргументом индетерминисты доказывают лишь несостоятельность своей точки зрения. Стремясь признанием свободы воли подвести почву для морального и юридического наказания и поощрения они наоборот, уничтожают ее. Если воля человека свободна и не подчиняется в своих действиях никакой причинности, то возможно ли какое-нибудь планомерное, систематическое воздействие на нее, можно ли регулярно контролировать ее действия, с целью направить человека по правильному пути?

---

¹¹ Цит. по Г.В.Малеванского.

Разумеется, нет. Следовательно, теряет смысл всякая мера наказания и поощрения.

Далее индетерминисты ссылаются на так называемое ими внутреннее сознание собственной свободы человека. Мол, каждому человеку присуще внутреннее чувство, по которому он считает себя свободным в совершении или несвершении того или иного поступка. Прежде чем совершить какой-либо (поступок, я сознаю тот факт, что в моей власти также и то, чтобы не совершить его. Следовательно, всякое мое решение является продуктом моего собственного свободного выбора.

Детерминисты же в противоположность индетерминистам считают, что врожденное чувство свободы у человека – иллюзия. Свобода основывается лишь на том, что человек никогда не может до конца проследить всей причинности, обуславливающей его решение. И только потому, что человек не может найти главный мотив своего решения, у него создается такое впечатление, что решение, принятое им, есть результат свободного выбора. Если бы человек имел возможность до конца проследить этот процесс, то он убедился бы, что каждый его акт с безусловной необходимостью вытекает из его характера и из обстоятельств, сопровождающих принятие решения, а характер человека в свою очередь определяется воздействием внешних причин (Гоббс, Спиноза, французские материалисты XVIII в.).

Чтобы выясниться кто из этих спорящих сторон прав, или насколько каждый из них прав, обратим внимание на предмет спора. В каком же смысле каждый из них употребляет выражение «свобода воли?». В самом ли деле столь несовместимы свобода воли с естественной причинностью, как это выступало у крайних представителей этих направлений?

Совершенно очевидно, что обе стороны под свободой воли понимают полнейшую независимость актов человеческой воли от всякой закономерности, необходимости, причинности, другими словами, абсолютную *causa sui* воли. Наша воля не определяется внешней причинностью, а сама является своей причиной. При таком понимании свободы воли между крайними детерминистами и крайними индетерминистами образуется такая

резкая противоположность, что в одном случае неизбежно исключается необходимость, причинность, а в другом, столь же обязательно уничтожается свобода воли.

Признание свободы воли неизбежно исключает необходимость, причинность и, «наоборот, признание последних исключает свободу воли.

При там содержании, которое вкладывается спорящими сторонами в понятие «свобода, воли» их нельзя упрекать и том, что они спорят. Ибо при таком понимании можно утверждать лишь одну из взаимоисключающих вещей: или свободу, или причинность. Значит, их беда заключалась не в том, что они вели между собою спор, а в том, что они не знали, что свобода и необходимость, причинность, которые в их понимании взаимоисключаются, на самом деле не только не исключают, а, наоборот, предполагают и дополняют друг друга.

Таким образом, в основе этого бесплодного спора лежит, с одной стороны, созданная ими самими, но не имеющая места в действительности, так называемая «противоположность» человеческой свободы и закона причинности, с другой же – недialeктический подход к самой свободе воли. И утверждающие ее наличие, и отрицающие ее смотрели на свободу как на нечто готовое, законченное, данное человеку. Сторонники свободы воли полагали, что она внутренне присуща человеческому самосознанию, и поэтому никак не может существовать параллельно с причинно-следственной связью. Противники ее утверждали, что причинно-следственная связь всеобща, т. е. распространяется и на человеческую волю, следовательно, последняя не может обладать никакой свободой. Сторонники свободы воли в самосознании превращают относительную самостоятельность человеческого сознания в абсолютную и тем самым ставят его в «независимость» от окружающего мира. Ее противники, наоборот, отрицают эту относительную самостоятельность сознания и таким образом превращают человека в природное существо, которое так же, как и все другие части природы, полностью зависят от естественных закономерностей.

В действительности дело обстоит иначе. Свобода заключается не только в человеческом самосознании и не столько в нем, сколько в его сознании (сознание есть осознанное бытие). Человек действительно является природным существом, и поэтому он должен подчиняться и подчиняется законам природы. Но он не только природное существо, но и существо общественное, существенной особенностью которого является его сознательность. Сознание человека не есть нечто данное, законченное, оно имело свое начало и прошло определенный путь восходящего развития. Следовательно, свобода человека также прошла путь восходящего развития и имеет свою историю.

Наша воля, бесспорно, не может что-либо хотеть без определенного мотива. Любое ее хотение вызывается определенным мотивом. (Здесь весьма важная роль принадлежит таким субъективным особенностям, как темперамент, характер, воспитание и др.). Но это еще не говорит о том, что человеческая воля слепо плетется за указаниями этих мотивов. Чем больше она будет знать эти мотивы и чем выше будет самосознание человека, тем она будет свободнее выбирать и свободнее действовать. Значит, неправы и детерминисты (Спиноза, Гоббс, Гольбах и др.), отрицавшие свободу, утверждая, что человек иллюзорно считает себя свободным лишь тогда, когда он не знает причин, породивших тот или иной его поступок (речь идет о свободе хотения), и индетерминисты, видевшие свободу в неограниченном произволе нашей воли. Свобода заключается в разумном вы боре мотива, определяющего то или иное решение в несогласовании своих решений с данными знаний о материальном мире и человеческой психической деятельности.

Таким образом, из предшествующего изложения видно, что сами по себе ни индетерминизм, ни детерминизм настояли на правильной позиции в решении поставленной проблемы. Но их точки зрения нельзя просто отбросить, хотя бы потому, что если даже они не были правильны в целом, то в каждой из их концепций была доля истины. В одном случае то, что человек имеет свободу (пусть они даже превращали ее в абсолюте), а в другом то, что причинно-следственная связь всеобща, и поэтому

человек как существо природное тоже подчиняется ей. (Хотя наряду с этим они отрицали относительную самостоятельность человеческого сознания). Отсюда не случайно возникают попытки как-то соединить свободу и детерминизм, согласовать их между собою. Такие попытки были предприняты сторонниками так называемой трансцендентальной свободы – Кантом и Шопенгауэром. Пытаясь соединить указанные моменты, они окончательно разъединили их.

Далее мы даем анализ кантовского учения о трансцендентальной свободе, поэтому здесь ограничимся лишь указанием его основного принципа. Единый мир разделен на два мира: мир явлений (Кант), наши представления (Шопенгауэр) и мир «вещей в себе» (Кант), воля (Шопенгауэр). Трансцендентальная свобода, бытие которой они признают, относится не к миру явлений, не к нашим представлениям, а к миру «вещей в себе», к воле, где она выражается во вневременном акте. В мире же явлений существует безусловное господство закона причинности. В этом мире неприкосновенно сохраняется всеобщность закона причинности, где каждое явление определяется другой внешней причиной. Свобода же как нечто безусловное относится к интеллигибельному миру. Точку зрения Шопенгауэра можно выразить следующими словами в самой краткой форме: мир, со всем его эмпирически реальным содержанием, как феноменальное существование есть только наше представление, и, как таковой, он всецело подчинен закону причинности. Но мир сам по себе, в своей ноуменальности, есть воля, которая, не являясь представлением или явлением, а вещь в себе, неподвластна закону причинности, т.е. форме представления, следовательно, не определяется, как следствие какой-то причины, т.е. свободна. Вещь как явление, как представление подчинена необходимости, но она же как сама в себе – воля. Воля же вполне свободна. Единая мировая воля свободна потому, что она по природе своей стоит вне и выше причинной зависимости явлений и, более того, сама по себе, в качестве первопричины обуславливает существование причинно-следственной зависимости.

Таким образом, в учении о трансцендентальной свободе «соединялся» детерминизм и индетерминизм и «устранялась» их односторонность. На деле же оно окончательно разъединило свободу и причинность, удалив свободу в над эмпирический, сверхчувственный мир.

После такого общего знакомства с постановкой вопроса о свободе в домарксовской философии, мы рассмотрим учения некоторых представителей материализма и идеализма, в философских системах которых исследуемый вопрос занимает более или менее значительное место. При рассмотрении тех или иных философских учений о свободе следует учитывать то основополагающее положение диалектического материализма, что, как и любые другие взгляды по различным вопросам философии, теории о свободе возникают как теоретическое оправдание практики того или иного класса. С одной стороны, они являются выражением постоянно увеличивающегося господства людей над природными силами и над силами общественными, являются как бы орудием завоевания все большей власти над этими силами, с другой стороны, выражая интересы реакционных классов общества, заключающиеся в отрицании объективной необходимости и закономерности, выступают как тормоз процесса развития, стоят преградой на пути к прогрессу, следовательно, препятствуют освобождению человечества от угнетения окружающих сил. Опираясь на это положение, мы можем: правильно определить гносеологическое и социальное значение любой теории свободы.

В истории философии, как правило, представители материалистического направления выступали выразителями интересов прогрессивных классов, а представители идеализма – как выразители интересов отживающих сил, консервативных классов общества. И это вполне понятно, ибо прогресс связан с более или менее правильным, точным отражением окружающего мира. И если тот или иной философ в какой-то мере правильно отражает окружающий мир, то он тем самым служит прогрессу общества. Поскольку правильное отражение *действительности* может быть дано только на основе материалистического решения

главного вопроса философии, то служителями прогресса могли быть и были философы материалисты. Но и философы-идеалисты, несмотря на идеалистический исходный пункт, также имеют определенную заслугу в решении исследуемого вопроса.

Нам кажется, что для достижения цели, которую мы ставим перед собой, вполне достаточен разбор философских систем таких представителей новой философии, как Спиноза, Гольбах, Кант и Гегель.

ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ В ФИЛОСОФИИ СПИНОЗЫ

Противоречия между производительными силами и производственными отношениями феодализма со временем доходят до такого уровня, что дальнейшее существование феодального способа производства теряет свою необходимость. Феодальные производственные отношения превращаются в тормоз развития производительных сил, последние не вмещаются в рамки старых производственных отношений и требуют уничтожения и замены их новыми производственными отношениями. Утратив свою необходимость, лишенные условий, определяющих их действительное существование, феодальные производственные отношения уничтожаются революционным путем, и новые капиталистические производственные отношения, возникшие в недрах самого феодального строя, занимают свое законное место. Освобожденные производительные силы начинают свое развитие семимильными шагами.

«Буржуазия менее чем за сто лет своего классового господства создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения вместе взятые. Покорение сил природы, машинное производство, применение химии в промышленности и земледелии, пароходство, железные дороги, электрический телеграф, освоение для земледелия целых частей света, приспособление рек для судоходства, целые, словно вызванные из-под земли, массы населения, – какое из прежних столетий могло подозревать, что такие производительные силы дремлют в недрах общественного труда!»¹.

Установление господства новых производственных отношений, соответствующих характеру развивающихся производительных сил, открыло широкий простор для развития последних, что в свою очередь вызвало мощный расцвет почти

---

¹ К.Маркс и Ф.Энгельс. Манифест Коммунистической партии, Избранные произведения, т. 1. М., 1952, стр. 13.

всех отраслей пауки. Для этого же требовалось уничтожение средневекового схоластического метода научного исследования, опытное знание, обращение ученого к самой действительности и изучение ее самой.

В своих «Рассуждениях о методе» Декарт писал: «...можно достичь знаний, очень полезных в жизни, и... вместо умозрительной философии, преподаваемой в школах, можно создать практическую, с помощью которой, зная силу и действие огня, воды, воздуха, звезд, небес и всех прочих окружающих нас тел, так же отчетливо, как мы знаем различные ремесла наших мастеров, мы могли бы наравне с последними использовать и эти силы во всех свойственных им применениях и стать, таким образом, как бы господами и властителями природы»¹.

То же самое говорил и Бэкон, когда он утверждал, что разница между естественными и искусственными вещами вовсе не в их форме и сущности, а в том, что искусственные вещи являются результатом действующей причины (под действующей причиной разумеется деятельность людей) и что человек не имеет никакой иной власти, кроме той, которая дается ему в его деятельности, направленной на преобразование природы. Знание нужно не ради самого знания, не для удовлетворения любопытства человека, оторванного от практической жизни, а для того, чтобы действовать согласно этому знанию.

Глубокой верой в мощь человеческого разума, в способность человека познать природу, исполнены слова Кондорсэ, который говорил, что «...не было намечено никакого предела в развитии человеческих способностей, что способность человека к совершенствованию действительно безгранична, что успехи в этом совершенствовании отныне независимы от какой бы то ни было силы, желающей его остановить, имеют своей границей только длительность существования нашей планеты, в которую мы включены природой»².

---

¹ Декарт. Рассуждение о методе. М., 1953, стр. 54

² Кондорсэ. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 1936, стр. 5.

Вот почему в рассматриваемый период, в период восходящего развития буржуазии, проблема необходимости и свободы выступает на первый план, и решение ее становится неотлагательным. Философское освещение этого вопроса должно было быть теоретическим выражением реального процесса развития, совершающегося в действительности.

Большинство философов XVII–XVIII веков посвящали проблеме свободы и необходимости специальные работы или отдельные параграфы своих философских трудов (Гоббс, Пристли, Юм и многие другие). Но мы не имеем возможности специально останавливаться на каждом из этих философов.

В философии голландского мыслителя Спинозы эта проблема занимает основное место. Центральным пунктом философской системы Спинозы является проблема свободы и необходимости. В отличие от всех своих предшественников он пытается рассматривать свободу и необходимость не в их разобщенности, не как взаимоисключающие противоположности, а в их единстве, как категории, предполагающие друг Друга.

Все науки, в том числе и философия, по Спинозе, должны служить тому, чтобы люди пришли к высшему человеческому совершенству. Все то, что в науках мешает достижению этой цели, должно быть отброшено. К этой цели направляются все действия и мысли людей. Высшее человеческое совершенство у Спинозы есть свобода, т. е. наивысшая активность человека.

Проблема свободы и необходимости у Спинозы не является автономной: она разрешается в связи с другими вопросами – с его учением о природе. Человек у него есть часть, продукт природы, и поэтому его свобода должна быть понята и выведена из тех законов, которым подчиняется сама природа. Поэтому мы не вправе отрывать свободу от общего учения о природе.

Бог, или субстанция, или природа представляется сама через себя, является причиной самой себя, а, следовательно, необходимо существует сама по себе. Это необходимо существующая субстанция состоит из бесконечно многих атрибутов, каждый из которых выражает ее вечную и бесконечную сущность.

Каждая вещь, каждое явление имеет причину своего существования или несуществования причем эта причина находится или в его собственной природе или вне её. Поэтому-то и по отношению каждой вещи или каждого явления утверждается, что они существуют или не существуют через другое.

У субстанции же нет причины, обеспечивающей ее существование или препятствующей ему. Этим и определяется ее необходимое существование через себя.

Существо, заключающее в себе необходимое существование, должно иметь следующие свойства.

Во-первых, оно вечно. Если бы его длительность была ограниченной, то мы должны были бы мыслить его вне этой ограниченной длительности как несуществующее, или как существо, не заключающее необходимого существования. Последнее невозможно, ибо, как уже было сказано, субстанция обладает свойством необходимого существования.

Во-вторых, оно бесконечно, т. е. пространственно неограничено. Если бы мы приписали ему какую-то ограниченность в пространстве, за пределами этой ограниченности, оно опять-таки должно было бы мыслиться как несуществующее, что так же, как в первом случае, противоречит его природе.

В-третьих, оно не составлено из частей, ибо в противном случае, части, его составляющие, должны были бы предшествовать ему как целому, и неделимо на части. Предположим, что оно делимо на части. Тогда оно должно было бы делиться на части одной и той же природы или различной природы. Первое деление невозможно, так как любая часть, имеющая одну и ту же природу с другой частью, должна была бы заключить в себе необходимое существование и, следовательно, каждая из них могла бы существовать и быть мыслимой без другой. И природа наша оказалась бы ограниченной, невозможность чего уже была доказана.

Второе деление, т.е. деление на части неодинаковой природы, также невозможно, ибо это означало бы разрушение природы.

Наконец, из вышесказанного вытекает, что все то, что в своей природе содержит необходимое существование, не может иметь в себе никакого элемента несовершенства, а должно быть выражением абсолютного совершенства¹.

Указав на вышеизложенные основные свойства субстанции, Спиноза переходит к характеристике законов, на основе которых происходит всякое изменение в ней, появление и уничтожение ее отдельных преходящих состояний. Он пишет: «Все, говорю я, существует в боге, и все, что происходит, происходит по одним только законам бесконечной природы бога и вытекает... из необходимости его сущности»².

Все области действительности, по Спинозе, строго детерминированы. Все совершающееся в мире совершается только на основе и в соответствии с вечным порядком, с определенными законами природы. Все многообразие форм или отдельные преходящие состояния субстанции вытекают лишь из необходимости божественной природы, или, что то же самое, из законов природы. Вещи определяются богом к существованию и к какому-либо данному действию необходимо, они не могли быть определены к другому действию или вовсе не могли бы быть определены. Педантический детерминизм Спинозы доходит до того, что им отрицается в природе всякая случайность. Нет никакой, случайности, все необходимо определено как к существованию, так и к действию божественной природой, причем по известному образу. Вещи и явления мы называем случайными только по несовершенству нашего собственного знания, которое не в силах познать причину данной вещи или данного явления. При более внимательном подходе мы убеждаемся в том, что то, что нам кажется случайным, происходит с той же необходимостью, с какой происходит любое другое явление, признанное нами за необходимое.

Вещи являются необходимыми или по отношению к своим сущностям, или по отношению к причинам, порождающим их. Если сущность данной вещи не имеет внутреннего

---

¹ См.; Спиноза. Переписка. Мю, 1934, стр.141-142

² Спиноза. Этика, теорема 15, ч.1. М. – Л., 1932, стр.15

взаимоисключающего противоречия, мешающего ее существованию, или, другими словами, обуславливающего ее несуществование, и налицо причина для произведения данной вещи, то эта вещь порождается необходимо. Эта необходимость распространяется на всю природу.

Правильна здесь мысль о том, что все происходящее обусловлено причинами, т. е. имеет свою причину и является причиной другого следствия. Но у Спинозы распространяемая абсолютно на все явления необходимость отождествляется с причинностью. Для него всякая причина в равной мере необходима, следовательно, нет места для случайности. Поэтому нельзя провести какое-то различие между так называемыми причинами необходимыми и причинами случайными. Необходимости различаются только постольку, поскольку одни из них нам известны, а другие еще не известны, поэтому и эти последние мы называем случайностями. Здесь очень ярко обнаруживается метафизическая ограниченность спинозовского учения о детерминизме. Спиноза не видит диалектики необходимости и случайности, он рассматривает необходимость и случайность как взаимоисключающие категории, тогда как на самом деле они не только не исключают, но, напротив, предполагают и дополняют друг друга. Случайность столь же объективна, как и необходимость. Исключая случайность, отрицая ее объективность, Спиноза не поднимает ее на уровень необходимости, а наоборот, необходимость низводит до уровня случайности.

Чтобы иметь полное представление о детерминизме Спинозы, необходимо еще рассмотреть его учение о человеке, где он резко выступает против философов, рассматривающих человека автономно от природы, как государство в государстве. «Большинство тех, которые писали *об аффектах и образе жизни людей*, говорят, как будто, не о вещах, лежащих за пределами природы. Мало того, они, по-видимому, представляют человека в природе как бы государством в государстве: они верят, что человек скорее нарушает порядок природы, чем ему следует, что

он имеет абсолютную власть над своими действиями и определяется не иначе, как самим собою»¹.

Для Спинозы человек есть часть природы, которая как и «каждая отдельная вещь, как в существовании, так и в действиях своих, неизбежно обуславливается какою-нибудь внешнею причиною, 'известным, вполне определенным образом»².

Человеческая душа так же, как и человеческое тело, является частью природы и так же, как тело, подчиняется ее законам. Душа и тело человека составляют одну и ту же вещь, представляемую в различных атрибутах субстанции: в одном случае вещь, рассматриваемая под атрибутом мышления – душа, в другом, рассматриваемая под атрибутом протяжения – тело. Следовательно, состояния человеческой души, аффект, ненависть, гнев, зависть и т. д., также должны рассматриваться, как вытекающие из необходимости природы. Все эти движения человеческой души рассматриваются Спинозой не как пороки человеческой природы, а как необходимо присущие ей свойства, «так же, как природе воздуха свойственно тепло, холод, непогода, пром и вое прочее в том же роде»³. Каждое из них имеет свои известные причины, через которые они могут быть понятны.

Из всего сказанного видно, что Спиноза в трактовке человека и силы его аффектов последовательно проводит тот же детерминизм, который он проводил в учении о природе. Человека он рассматривает только как биологическое существо, не имеющее никакой самостоятельности, никаких иных закономерностей, отличных от законов природы. Признавая человека только как часть природы, Спиноза не видел его общественной сущности. Его человек выступает не как совокупность общественных отношений, не как конкретный индивид, находящийся в тесном взаимоотношении с другими столь же конкретными индивидами определенной исторической эпохи, а как абстрактное существо, как человек вообще.

---

¹ Спиноза. Этика, предисловие к 111 ч, стр.81.

² Спиноза. Переписка. СПб, 1891, стр366

³ Спиноза Избранные произведения, т. II, М., 1957, стр.285

Поскольку Спиноза полностью изолировал человека от общества, он никак не мог видеть общественно-производственной деятельности людей, другими словами не мог стать на точку зрения историзма, на точку зрения практики в своей философии.

Спиноза полностью отвергает точку зрения «свободной воли», как независимости от законов, от необходимого порядка, господствующего в природе. Лишь только те люди могут говорить о свободе воли, утверждает он, кто не имеет правильного представления о сущности мира, о его законах. Люди, не зная причины своих поступков, не зная те внешние основания, под воздействием которых они поступают так, а не иначе, приписывают своим действиям свободу и считают, что это полностью определяется их волей. Воля для Спинозы не может быть свободной причиной, она всегда необходима. Воля является родовым понятием по отношению к отдельным желаниям. А в своем существовании каждое желание, нуждается в особой причине и поэтому не может считаться свободным. Желания должны иметь характер, соответствующий характеру породивших их причин. «В душе нет никакой абсолютной или свободной воли; но к тому или другому хотению душа определяется причиной, которая, в свою очередь, определена другой причиной, эта – третьей, и так до бесконечности»¹.

Таким образом, по утверждению Спинозы, и опыт и разум показывают, что люди считают себя свободными только потому, что они, зная свои действия и поступки, не знают тех причин, которыми порождены их действия. Человек в своей деятельности свободен не более, чем любая другая вещь в природе.

Детерминизм материального и психического мира у Спинозы составляет одно и то же, выраженное в различных атрибутах, соответствующих друг другу. Но первенство признается за материальным детерминизмом. «Порядок и связь идей те же, что и порядок и связь вещей», – пишет он в предисловии к третьей части «Этики».

Если ограничиться только изложением детерминизма Спинозы в его оторванности от учения о свободе, то, безусловно,

---

¹ Спиноза. Этика, теорема 48, ч. И, стр.73.

создается весьма неверное впечатление о философии Спинозы, как о фатализме, от чего предостерегал и сам философ, говоря, что неизбежная необходимость всех вещей вовсе не исключает ни божественного, ни человеческого права.

И действительно, Спиноза далек от фатализма. Выступая против свободы, как абсолютного произвола, он близко (по сравнению с его предшественниками) подходит к правильному пониманию вопроса.

Наряду с необходимостью, он признает и свободу. Но как же Спиноза объясняет переход от необходимости, распространяющейся на область и материального и психического, к свободе? Он не мог идти тем путем, которым шли его предшественники и многие после него, т. е. путем полного исключения необходимости вообще из реального мира и признания «полной свободы воли», полного Произвола, поскольку он признавал всеобщую необходимость. Следовательно, он должен был решать вопрос о свободе, согласуй это решение с признанием необходимости, что он и делает, как мы видим из его учения о свободе.

Он пишет: «...Абсурдным и противным разуму кажется мне утверждение того, что необходимое и свободное суть (взаимоисключающие) противоположности. В самом деле, никто не может отрицать, что бог свободно познает самого себя и все остальное, и, тем не менее, все единогласно сходятся в том, что бог познает себя необходимо»¹.

В этом высказывании проводится весьма ценная диалектическая мысль. Спиноза отбрасывает старое представление о том, что свобода и необходимость это такие две категории, признание одной из которых неизбежно исключает допущение другой. Для него, наоборот, свобода и необходимость – эта категории, предполагающие друг друга: признание свободы предполагает необходимость, так как она является формой проявления необходимости.

Значит, свобода и необходимость не полярно противоположные, взаимоисключающие категории, а категории,

---

¹ Спиноза. Переписка. Письмо Гуго Бокселю от X. 1974 г., стр.184

составляющие диалектическое единство, они не только не отрицают друг друга, но, более того, взаимно дополняют.

«Я называю свободною такую вещь, которая существует и действует из одной только необходимости своей природы; принужденным же я называю то, что чем-нибудь другим детерминируется к существованию и к действованию тем или другим определенным образом. Так, например, бот существует, . хотя необходимо, но свободно, потому что он существует из одной только необходимости своей природы. Точно также бог свободно познает себя и вообще все, потому что из одной только необходимости его природы следует, что он все познает (*intelligere*). Итак, Вы видите, что я полагаю свободу не в свободном решении (*decretum*), но в свободной необходимости (*libera necessitas*)»¹.

Как видно, у Спинозы противопоставляются не свобода и необходимость, а свобода и принуждение. Некоторые авторы, основываясь на высказывании «Этики», где говорится, что «свободною, называется такая вещь, которая существует по одной только необходимости своей собственной природы и определяется, к действию только сама собою, необходимой же, или, лучше сказать, принужденной называется такая, которая чем-либо иным определяется к существованию и действию по известному и определенному образу»², стараются доказать, что Спиноза отождествляет необходимость и принужденность, а принужденность исключает всякое свободное действие. Отсюда вывод: Спиноза отрицал свободу, был фаталистом. На деле же у Спинозы не всякая необходимость отождествляется с принуждением. Под принуждением он понимает слепую, непознанную необходимость, тогда как под свободой он понимает осознанную – «свободную необходимость».

В этом понимании свобода распространяется на существование и действие субстанции. Субстанция свободна, поскольку она действует по одной только необходимости своей природы. Что касается отдельных состояний субстанции, ее

---

¹ Спиноза Этика, стр.189

² Спиноза. Этика, стр.137

атрибутов и модусов, то они не могут быть свободными, а подчиняются необходимому порядку. В «Этике» очень ясно раскрывается смысл Спинозовской свободной необходимости.

Выше уже было сказано, что для Спинозы человек составляет одно из звеньев общей цепи мирового порядка. Поэтому-то он и подчинен тем законам, которым подчинен всемирный механизм и также действует в силу их необходимости. В этом действии он – раб явлений, если он исходит из слепой необходимости – принуждения, и выступает более или менее свободным, если он исходит из свободной необходимости (уровень свободы человека зависит от уровня познания им объективной необходимости).

Человеческая душа претерпевает воздействие внешних причин. Это воздействие внешнего мира на человека вызывает в нем определенные душевные состояния – аффекты, которые в свою очередь выступают как причины того или иного поступка человека. Чем слабее мы представляем себе причины аффектов, тем сильнее влияют они на наши поступки. «Аффект, – пишет Спиноза, – называемый страстью души, есть смутная идея, в которой душа утверждает большую или меньшую, чем прежде, силу существования своего тела или какой-либо его части, и которой сама душа определяется к мышлению одного преимущественно перед другим»¹.

Если аффект есть смутная идея и им определяется душа к мышлению, а человек в целом – к действию, то вполне очевидно, что человек, имеющий эту смутную идею, т. е. не имеющий ясных и отчетливых представлений об этой идее, не может быть свободным от власти этих аффектов над ним, и он по сути дела действует как раб, принужденный к этому действию внешней силой.

«Человеческое бессилие в укрощении и ограничении аффектов я называю рабством. Ибо человек, подверженный аффектам, уже не владеет сам собою, но находится в руках фортуны и притом в такой степени, что он, хотя и видит перед собой лучшее, однако принужден следовать худшему»².

---

¹ Там же, стр.137

² Спиноза. Этика, стр. 139.

Человек бессилен перед высшими силами, когда он отдает I себя во власть вещей, существующих вне его, т. е. когда его действия и поступки, его деятельность вообще определяются не его собственной природой, а окружающими его вещами.

Вместе с тем Спиноза утверждает, что нет аффекта, о котором человек не мог бы составить себе ясного и отчетливого представления. Аффекты, по Спинозе, как уже было указано, это состояния нашей души, вызванные внешними причинами. Следовательно, познание аффектов означает ни что иное, как познание причин, которые вызывают у нас аффекты, в этом и видит Спиноза ключ человеческой свободы. Аффекты властвуют над человеком до тех пор, пока человек не имеет о них точного представления и перестают быть таковыми как только человек познает их. До тех пор пока у человека нет этого знания, он находится во власти чистой случайности (случайность понимается Спинозой как незнание причин происходящего), которая и есть непознанная необходимость. А путь освобождения от этой случайности Спиноза видит в познании причин. Когда человек познает явления, кажущиеся ему случайными, они предстают перед ним как необходимые. Чем больше душа познает внешние вещи в их необходимости, тем шире ее власть над аффектами, вызываемыми этими вещами в ней.

«...Нельзя придумать против аффектов никакого другого средства, которое находилось бы в нашей власти, лучше того которое состоит в истинном познании их... Чем больше это познание (именно, что все вещи необходимы) простирается на единичные вещи, которые мы воображаем отчетливее и живее, тем больше бывает эта власть души над аффектами...»¹

Свобода и рабство – взаимоисключающие противоположности, относящиеся друг к другу как познание и страсть, как адекватная и неадекватная деятельность, как действенные и страдательные аффекты. Необходимым следствием могущества человеческого познания является его свобода и, наоборот, необходимым следствием могущества страстей является рабство. Человек страдает, пока он подчинен

---

¹ Там же, стр. 202 и 203

вещам, ибо страдать – значит быть подчиненным власти природы. Как только он начинает действовать, он освобождается от власти природы и становится свободным, устраняя вещи и подавляющие его силы. Но это устранение вещей не может осуществляться путем их игнорирования. Видимо, человек должен мириться с тем, что вещи существуют и окружают его, и лишь исходя из этого, добиваться своей свободы. Его свобода будет заключаться в том, что он уничтожит ту непосредственную власть, которую имеет окружающий мир над ним. Иначе говоря, прогресс свободы означает процесс познания.

Таким образом, чем углубленнее познание вещей, тем бессильнее становятся страсти, чем могущественнее стремление к ясному познанию, тем слабее влияние страстей на поведение человека. Ясное познание есть устранение человеческого рабства – состояние его свободы.

Как видно из всего оказанного, необходимость у Спинозы вовсе не исключает, а наоборот, предполагает свободу. Свобода также не есть независимость от законов окружающего мира, не «свободное решение», а познание этой необходимости и подчинение в своих действиях этим закономерностям, т. е. свободная необходимость. Если бы в природе не было железной необходимости, закономерности, и человек в своих действиях и поступках не подчинялся бы им, он не имел бы возможности познавать как природу, так и свои поступки. А не познавая их, человек не смог бы подчинить их разуму, и, следовательно, был бы рабом внешних сил и своих поступков. И только благодаря наличию этой необходимости и познанию ее, человек становится свободным.

Резюмируя учение Спинозы о свободе и необходимости, следует указать на следующие моменты.

В учении о свободе и необходимости Спиноза исходил из материалистического решения основного вопроса философии. Необходимость, закономерность существуют объективно, вне человеческого разума, присущи самому внешнему миру. Свобода же есть вторичное по отношению к необходимости, без этой необходимости нельзя говорить о какой бы то ни было свободе.

При этом доминирующее, определяющее положение признается за порядком и связью вещей. Эти объективно существующие порядок и связь вещей, т. е. необходимость, закономерность природы познается человеческим разумом. Знания, приобретенные в результате познания внешнего мира, могут быть истинными только в том случае, если они соответствуют реальному процессу действительности, отражением которого они являются.

Поскольку «...природа, всегда и везде остается одной и той же, ее сила и могущество действия, т. е. законы и правила природы, по которым все происходит и изменяется из одних форм в другие, везде и всегда одни и те же, а следовательно, и способ познания природы вещей, каковы бы они ни были, должен быть один и тот же, а именно – это должно быть познанием из универсальных законов и правил природы»¹.

Далее Спиноза положительно отвечает и на другую сторону основного вопроса философии. Для него как материальный мир, так и действия человеческой души познаваемы. Человеческий разум может составить себе ясное представление о внешнем мире.

Наконец, положительным моментом в философии Спинозы является то, что он диалектически подходит к категориям свободы и необходимости. Мертвые, неподвижные, взаимоисключающие категории, как они рассматривались его предшественниками, в его философии становятся более живыми, движущимися, взаимопереходящими.

Тем не менее, учение Спинозы о свободе и необходимости не без недостатков и ограниченностей. отождествление необходимости с причинностью приводит к тому, что отрицается объективность случайности, и последняя отождествляется с непознанной необходимостью. Отрицание объективного характера случайности исключает возможность всякого отклонения, как в самой природе, так и в человеческой деятельности от установленного самой природой порядка. Главный недостаток учения о свободе вытекает именно отсюда.

---

¹ Спиноза Этика, стр.82

Если человек, как и всякая другая часть природы, не может никак противодействовать ее силам, т. е. полностью зависит от природы, то отсюда следует, что его свобода заключается лишь в познании своей зависимости, другими словами, в сознательном подчинении человека природной необходимости. Свободным по Спинозе можно назвать такого человека, который подчиняется природе с полным знанием своей зависимости от нее.

Все эти недостатки исходят из того, что Спиноза, как и все предшествующие философы, оставался идеалистом во взглядах на общество. Не понимая решающей роли способа производства в развитии общества, он считал, что прогресс обусловлен развитием науки и знаний людей об окружающем мире. Указывая на необходимость активности философии и науки, он не видит основу их развития – материальную, предметную деятельность людей.

ДЕТЕРМИНИЗМ ГОЛЬБАХА

Гольбах так же, как и Спиноза последовательно проводит линию детерминизма, доводя ее до фатализма.

Всякая причина, по Гольбаху, производит определенное следствие. Нельзя представить себе данное конкретное следствие без той причины, которая производит его, так же, как нельзя представить себе причину, не производящую определенное следствие. Не может быть никакой изолированной причины, оторванной от своего следствия в природе, где все явления и предметы находятся в непрерывном взаимодействии, происходящем согласно необходимым законам. Всякий импульс, направленный на какое-нибудь тело обязательно сопровождается более или менее значительным движением и изменением этого тела. Но тут же следует отметить, что каждое определенное движение и изменение в данном теле есть следствие строго определенной причины, другими словами, каждое из них определяется «своей природой, своей сущностью, своими свойствами, своими сочетаниями»¹.

Если каждое движение и каждое изменение есть следствие некоторой определенной причины, и если эти причины действуют лишь согласно своим существенным свойствам, то следует вывод, что все эти явления необходимы и не могут быть иными, чем они есть. Всякое существо и явление при наличии обстоятельств, в которых они действуют, не могут действовать иначе, чем действуют. Отсюда «необходимость есть постоянная и ненарушимая связь причин с их следствиями»².

Природа в целом и во всех своих явлениях поступает необходимо, согласно своей сущности. Все явления неживой природы и существа, одаренные сознанием, как части ее, поступают так же необходимо, соответственно своим особым сущностям. Благодаря постоянному движению, природа как целое вступает в причинно-следственные отношения со своими явлениями как частями (в том числе и с живыми существами).

---

¹ Гольбах. Система природы. М., 1942, стр.35

² Там же.

Таким образом все связано во вселенной, и эта связь «есть лишь необъятная цепь причин и следствий, непрерывно вытекающих друг из друга»¹.

«...Все, что мы наблюдаем, *необходимо* или не может быть иначе, чем оно есть; но все существа, которые мы видим, равно как и те, которые ускользают от нашего взора, действуют сообразно определенным законам»².

Природа есть та центральная сила, которой подчиняются все силы и которая регулирует движение всех существ. Эти существа как индивиды выполняют необходимую, определенную природой задачу. Они не могут отклоняться от той линии, по которой направляет их движение природа, и подчинены в этом своем движении законам, согласно которым действует сама природа. Движение всех существ, подчиненных природе, направлено на достижение цели поставленной природой перед собой – жизнь, действие, сохранение целого при помощи непрерывных изменений его частей. В этом процессе одни тела приводятся в движение другими, нарушаются одни отношения, существующие между существами и явлениями, появляются другие. Формы, качества, свойства новых отношений определяются также самой природой. Таким образом, существа получают новый способ действия, соответствующий и вытекающий также из их необходимой природы.

«Так, природа растит и изменяет их, увеличивает и уменьшает, сближает и удаляет, образует и уничтожает, если это необходимо для сохранения ее совокупности, к чему она по существу и необходимости стремится»³.

Нельзя признать в природе порядка и беспорядка одновременно существующими. В природе есть только порядок. Та непреодолимая сила, та универсальная необходимость, которая господствует в природе вообще, в той же мере господствует в отдельных ее частях, в существах, содержащихся во вселенной. Эти законы неизменны и всеобщы как для самой

---

¹ Там же.

² Там же, стр.37

³ Гольбах. Система природы, стр.37

природы, так и для отдельных, заключенных в ней существ. Все, что содержит природа, способствует сохранению ее вечности и действующего существа. Беспорядок же есть выдумка людей. Там, где мы не видим порядка, где от наших глаз ускользает действие всеобщей, универсальной необходимости, там мы видим беспорядок. На самом деле существа, кажущиеся нам находящимися в беспорядке, тоже целиком и полностью подчиняются законам, господствующим в природе. Но не исключаются моменты, когда общий порядок, необходимая связь причин и следствий нарушается, и порядок превращается в беспорядок. Но это происходит лишь в частях, чтобы сохранить порядок в целом.

Выше было сказано, что всякие частные изменения и движения подчиняются общим законам и вместе с тем служат сохранению целого как такового.

Учение Гольбаха о детерминизме страдает теми же недостатками, что и учение Спинозы. Определяя необходимость, как постоянную связь причины с ее следствиями, Гольбах отождествляет по сути дела причинность с необходимостью. А отождествление причинности и необходимости, как мы уже видели на примере Спинозы, приводит к отрицанию объективности случайности, к пониманию случайности как чисто субъективной категории.

Под случайностью Гольбах понимает абстрактную возможность ожидания противоположных результатов в отношении одного и того же явления. То же самое содержание вкладывалось им и в понятие свободы: Гольбах полагал, что человек имеет лишь абстрактную возможность поступать так или иначе, совершить какой-либо поступок или не совершить. Значит, и свобода и случайность, по Гольбаху, имеют иллюзорный характер.

Далее, отрицая случайность как объективную категорию, Гольбах низводил необходимость до уровня случайности, и необходимость, понимаемая абсолютно и механически, переходит в фатальность. «Фатализм – это вечный, неизбежный, необходимый, установленный в природе порядок или неизбежная

вязь действующих причин с производимыми ими действиями... Необходимость, управляющая движениями физического мира, управляет также движениями мира духовного, в котором, следовательно, все подчинено фатальности»¹.

Человек, по мнению Гольбаха, является продуктом природы. Как и все другие части природы, он существует в ней и подчиняется тем законам, которым подчиняется сама природа. Человек не только не может освободиться от законов природы, даже если это представить как мысленное освобождение, но не может отклониться от той линии, по которой направляет его движение природа. Во всех своих проявлениях человеческое действие представляет собой «цепь необходимых причин и следствий, сообразных с законами, общими всем существам природы» (Гольбах).

Все состояния человеческой души: идеи, страсти, желания и т. д., все способы действия человека – есть необходимые следствия его собственных свойств и свойств тех мотивов, результатом воздействия которых они являются. Люди одинаково подчинены «законам природы как тогда, когда совершенно голые они бродят в лесах, с трудом добывая себе здесь пищу, так и тогда, когда, живя в цивилизованных, т. е. более богатых опытом обществах, и утопая под конец в роскоши, они измышляют с каждым днем тысячи новых потребностей и открывают тысячи новых способов удовлетворять их»².

Никакой, даже относительной самостоятельности за человеческой деятельностью нельзя признать. Наоборот, она составляет якобы одну из частных линий движения природы вообще. Человеческая деятельность будет более результативной только тогда, когда она будет находиться во все большем соответствии с необходимостью окружающего мира. В противном случае человеческая деятельность не может удовлетворять тот основной принцип, который составляет исходную точку и цель всякого человеческого действия – принцип стремления к личной пользе.

---

¹ Гольбах Система природы, стр.131

² Там же, стр.8

Следовательно, задача людей заключается в том, чтобы изучить природу, ее законы, от неумолимого действия которых ничто не может отклониться, слепо и безропотно подчиняться этим законам, без всяких противодействий с их стороны покориться велениям этой универсальной силы, действия которой не могут быть нарушены никакой другой силой.

Короче говоря, «сколько бы мы не размышляли, мы вынуждены будем признать, что во всех своих поступках человек подчиняется необходимости и что его свобода воли есть химера, даже в системах теологов»¹.

Человек со дня рождения и до смерти во всех областях своей жизни подчиняется необходимости, т. е. он становится таким потому, что он должен был быть таким, ибо этого требовала необходимость. Его идеи, сто знания, безразлично, истинные или неистинные, являются необходимым результатом его воспитания, которое также подчинено многим другим обстоятельствам, не зависящим от людей. В результате полученного воспитания у человека складывается темперамент, который в свою очередь определяет его страсти и желания. Телесное и духовное состояние человека, его радость и горе, счастье и несчастье, разумность и неразумность и т. д. – все это находится вне всякой зависимости от его воли. Более того, сама его воля зависит от воздействия внешних мотивов. Словом, человек является продуктом воспитания окружающей среды, в самом широком смысле этого слова, и ни на минуту не может быть свободным от ее законов.

«Человек – продукт среды». Это положение французских материалистов, при правильном его раскрытии имеет большую ценность. Его раскрытие заключается в выяснении и конкретизации того, что понимается под средой и в чем причина изменения самой среды. Для французских материалистов, в том числе для Гольбаха, среда – общественно-политический строй, законодательство и пр. – характеризуют человека, его нравы, вкусы и т. д. Но среда в свою очередь, по их мнению, определяется совершенством человеческого разума. Насколько

---

¹ Гольбах. Здравый смысл. М., 1941, стр.60

совершенен человеческий разум, настолько будет справедливым и нормальным общественно-политический строй, законы государства и т. д. Вся беда французских материалистов заключается в том, что они не находят выхода из порочного круга: «Человек – продукт среды» – «Мнение правит миром». Причиной этого было то, что они не понимали решающей роли материально-производственной деятельности людей, они не могли видеть, что главной, определяющей основой всего хода развития общества является способ производства материальных благ. А, не видя решающей роли способа производства в развитии общества, они никак не могли правильно разрешить проблему свободы и необходимости.

Гольбах так же, как и Спиноза, резко выступает против учения о свободе воли как об абсолютном произволе, как независимости от законов природы. Для него кажется странным, что находятся люди, утверждающие, будто человек свободен и сам определяет свои поступки и свою судьбу независимо от действующих на него причин, что человеческая душа нематериальна, что она извлекает свои идеи из самой себя, совершенно не претерпевая воздействия внешних предметов. Согласно этой точке зрения, душа свободна от влияния физических законов. Только тело человека находится в сфере действия этих законов. Свободная от подчинения внешним законам душа является хозяином своей судьбы, определяет цель и направление своих собственных действий, в силу внутренней энергии – свои желания, идеи и т. д.

Выступая против такого понимания свободы воли человека Гольбах утверждает, что «душа является просто телом, рассматриваемым по отношению к некоторым его функциям, более скрытым, чем другие... Если бы даже предположить нематериальность души, она всегда модифицируется вместе с телом, ...подчинена всем его движениям, при отсутствии которых она была бы инертной и мертвой; следовательно, душа подчинена влиянию материальных, физических причин, воздействующих на тело, способ бытия которого – постоянный или временный – зависит от материальных элементов, составляющих его ткань,

образующих его темперамент, входящих в него вместе с пищей, проникающих и окружающих его»¹.

Свободный человек должен был бы быть сильнее всей природы, чтобы противостоять ее необходимым силам, или же он должен быть вне этой природы, чтобы не подвергаться воздействию этих законов. Но поскольку невозможно ни первое, ни второе, то, следовательно, нельзя говорить и о какой бы то ни было свободе человека.

Возникает законный вопрос: а в чем же причина появления идеи о свободе человека? Имеет ли эта идея под собой реальную основу, или она всего, лишь выдумка отдельных людей, простое заблуждение? Гольбах на эти вопросы отвечает очень просто: источник этого заблуждения в том, что люди недостаточно хорошо знают самих себя. Вместо того, чтобы изучать себя, люди опираются на ложное убеждение, что они поступают и действуют свободно, что мотивом всех их поступков и действий является их воля, которая целиком и полностью зависит от них самих. Они не могут прийти до понимания того главного мотива, который в конечном счете выступает определяющим в их действиях.

Человеку, по Гольбаху, присуще стремление к счастью и самосохранению. В различных формах своего появления это стремление в каждом данном случае является основной движущей силой человеческого действия.

Если человеку присущи вышеуказанные стремления, то он в силу своей сущности, необходимым образом должен любить и стремиться к тому, что доставляет ему удовольствие, и в той же мере он должен ненавидеть и избегать то, что доставляет ему неудовольствие. Следовательно, человек, преследуя свою личную выгоду, совершает тот или иной поступок или отказывается от него. Этот выбор поступков и составляет основу того утверждения, что люди свободны в своих действиях. А на самом деле, говорит Гольбах, этот выбор зависит вовсе не от самих людей, а от мотивов, толкающих человека на данный поступок.

---

¹ Гольбах. Система природы, стр.111

Так, воздействие одного предмета или идеи об этом предмете побуждает нас к тому, чтобы овладеть им, т. е. воздействие мотива в данном случае определяет направление действия человека. Но новый предмет или новая идея об этом предмете одновременно воздействует на нас с большей силой, чем первый, и тем самым вынуждает нас отказаться от своего старого решения и принять новое, определяемое силой нового мотива.

Следующий пример, приведенный самим Гольбахом, является весьма показательным. Человек, мучимый жаждой, встречая источник, будет стремиться к тому, чтобы утолить свою жажду. Это стремление вовсе не доказывает его свободы. Он в данном случае не может поступить иначе. Он действует под влиянием необходимой силы того мотива, который определяет его поступок, т. е. жажды пить. Вдруг человеку сообщают, что источник отравлен. Как только он подвергается действию нового, более сильного мотива, чем первый (весть щ том, что вода отравлена), он отказывается от своего первого стремления – пить воду. Отказ от первого решения вовсе не доказывает свободы человека, а говорит лишь о том, что вторая необходимая причина, под воздействием которой он отказался от своего решения, оказалась более сильной, чем первая.

«Предположить, что человек может действовать свободно, – это все равно, что допустить, будто он может хотеть или выбирать без мотивов, или же будто он может помешать мотивам действовать на его волю. Так как действие является всегда результатом детерминированной определенным образом воли, и так как воля может детерминироваться лишь не находящимся в нашей власти мотивом, то отсюда следует, что мы никогда не властны над определениями нашей собственной воли, и что, следовательно, мы никогда не действуем свободно. Думали, что мы свободны на том основании, что мы обладаем волей и возможностью выбора; но при этом не обратили внимания на то, что наша воля приводится в действие причинами, не зависящими от нас, свойственными нашей организации или же, присущими природе вещей, воздействующих на нас»¹.

---

¹ Гольбах. Система природы, стр.117

«Таким образом, – продолжает Гольбах, – благодаря тому, что мы не добираемся до причин, которые не действуют на нас, благодаря тому, что мы не умеем анализировать и различать сложные движения, происходящие в нас, мы считаем себя свободными. Это столь глубокое и, однако, иллюзорное чувство нашей свободы, на которое нам указывает, как на неопровержимое доказательство этой мнимой свободы, основывается попросту на нашем незнании. Пусть всякий попытается исследовать свои собственные поступки, разыскать их истинные мотивы, вскрыть их связь, и он убедится, что это ощущение собственной свободы является лишь химерой, не выдерживающей проверки опыта»¹.

Совершенно правильно выступая против такого понимания свободы, против индетерминизма, Гольбах, однако, не может найти верного решения вопроса и впадает в противоположную крайность – в фатализм. Другого и нельзя было ожидать. Исходный пункт, на котором базировалась система Гольбаха в объяснении общественной истории, вынуждал его так или иначе впасть в эту крайность. Этот исходный пункт был следующим: человек – часть природы, физическое существо, которое подчиняется «необходимым и неизменным законам» природы. Отсюда общество рассматривается им как механический агрегат абстрактных индивидов, объединенных соображениями личных интересов. Таким образом, общество подчиняется тем же закономерностям, что и природа.

С одной стороны, Гольбах в человеке видит только биологическое существо. Он не замечает другой, важной особенности, а именно, что человек есть совокупность общественных отношений, что в отличие от всех других животных он есть существо общественное, продукт общественно-исторического развития.

С другой стороны, общество и его закономерности поглощаются природой, растворяются в природе, и законы природы полностью распространяются на область общественной жизни.

---

¹ Там же, стр.124

Идеализм в понимании истории общества, созерцательность, метафизичность философских взглядов Гольбаха не дали ему возможности правильно решить поставленный вопрос. Следующими словами Маркса ясно определяется социальное значение философии Гольбаха вообще и его учения о свободе и необходимости в частности.

«...Теория Гольбаха есть исторически правомерная философская иллюзия насчет поднимавшейся тогда во Франции буржуазии, чью жажду эксплуатации еще можно было изображать как жажду полного развития личностей в общении, освобожденном от старых феодальных уз. Впрочем, освобождение, как его понимает буржуазия, т. е. конкуренция, была для XVIII века единственным возможным способом открыть перед индивидами новое поприще более свободного развития»¹.

---

¹ К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, т. IV. стр.397

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ СВОБОДА У КАНТА

Постановка и решение проблемы свободы и необходимости у Канта вытекает из его философской системы в целом, из его дуализма, из деления единого мира на мир «вещей в себе» и мир явлений.

Трансцендентальная и практическая свобода у Канта служат тому, чтобы доказать правомерность, истинность основного нравственного закона – так называемого категорического императива: «Поступай так, чтобы максима твоей воли всегда могла быть вместе с тем и принципом всеобщего законодательства»¹.

Человек не мог бы поступать в соответствии с требованиями основного нравственного закона, если бы он не имел практической свободы. А практическая свобода основывается на трансцендентальной свободе и на разделении единого субъекта на субъект мира явлений и на субъект мира вещей в себе.

Что же такое трансцендентальная свобода?

Вопрос этот решается в антиномиях чистого спекулятивного разума. Одна из этих антиномий гласит:

Тезис: «Причинность, согласно законам природы, есть не единственная причинность, из которой могут быть выведены все явления в мире. Для объяснения явлений необходимо еще допустить свободную причинность».

Ход мыслей Канта при доказательстве этого положения следующий.

Допустим совершенно противоположное тезису: нет никакой другой причинности, кроме причинности, свойственной законам природы. Тогда все происходящее предполагает предшествующее ему состояние, из которого оно вытекает, согласно законам природы. Само предшествующее состояние в свою очередь также предполагает другое предшествующее ему состояние и так до бесконечности. Значит, мы не можем найти

---

¹ Кант. Критика практического разума, СПб, 1897, стр.38

никакой полноты ряда в этой причинно-следственной цепи, в ряду друг от друга происходящих причин. Между тем Кант утверждает, что «закон природы состоит именно в том, что ничто не случается без достаточно определенной а priori причины»¹.

Итак, сам закон природы содержит в себе противоречие. С одной стороны, закон, согласно своему понятию, требует определенной полноты причин всего случившегося, с другой – он говорит о том, что всякая причина есть следствие другой, ранней причины. Мы не можем, следовательно, допустить утверждение того, что причинность, согласно законам природы, есть, единственная причинность.

«Ввиду этого необходимо допустить причинность, благодаря которой нечто происходит так, что причина не определяется в свою очередь никакою другою предшествующею причиной, согласно необходимым законам, иными словами необходимо допустить абсолютную самопроизвольность причин, т. е. способность самостоятельно начинать ряд явлений, развивающихся далее, согласно законам природы, или трансцендентальную свободу, без которой даже и в строе природы ряд явлений со стороны причин никогда не может быть закончен»².

Антитезис: Не существует никакой свободы, все совершается в мире только согласно законам природы.

Допустим противоположное антитезису: существует причинность, основанная на трансцендентальной свободе. Эта причинность есть способность безусловно начинать некоторое состояние, а следовательно, и ряд следствий его. При этой самостоятельности не только ряд событий начинается безусловно, самостоятельно, но и сама причина этого безусловного ряда, также не определяется никакой другой причиной, ничто ей не предшествует, посредством чего этот возникший ряд и его причина могли бы быть определены, согласно постоянным законам. Значит, эти последовательные состояния лишены всякой причинной связи, что в корне

---

¹ Кант. Критика чистого разума. СПб, 1908, стр.276

² Там же.

противоречит основному требованию закона причинности – временной последовательности и причинной обусловленности каждого события.

Трансцендентальная свобода не совместима с законом причинности. Нет никакой свободы, все подчинено необходимости, и мы должны искать связи и порядка природы.

«Свобода (независимость) от законов природы есть, правда, освобождение от принуждения, но также и от руководства какими бы то ни было правилами»¹.

Кант категорически выступает против тождественности законов свободы и законов природы, ибо, говорит он, если бы свобода имела законы, то она была бы не свободой, а природой. Значит, свобода и необходимость у него выступают как диаметрально противоположные и взаимоисключающие моменты. Если природа есть нечто подчиненное закономерности, то свобода есть отрицание этой закономерности. Первая из них позволяет следить за рядом причин все глубже и глубже, так как каждая причина обусловлена предыдущей причиной, вторая же обрывает руководящую нить правил, без которых невозможен непрерывный связный опыт.

Противоречие очевидно. Но в чем же выход? Как же согласуются свобода и необходимость? Нельзя же в отношении одного и того же явления утверждать два взаимно исключающих предиката?

Возможна ли свобода вообще, а если возможна, то в какой мере она согласуема с необходимостью природы? Другими словами, можно ли в отношении какого-нибудь действия говорить, что оно и необходимо и свободно, или можно лишь ставить вопрос альтернативно? По Канту, здесь опять-таки сбивает с пути разум «ложное предположение абсолютной реальности явлений». Действительно, если мы явления примем за вещи в себе, то свобода исчезнет, ибо об одном и том же действии, в одном и том же отношении нельзя утверждать два взаимоисключающих предиката – с одной стороны, то, что оно необходимо, с другой стороны, то, что оно свободно. Если же

---

¹ Кант. Критика чистого разума. СПб, 1908, стр.277

наоборот будем считать явления лишь тем, что они есть на самом деле, а именно, представлениями, связанными друг с другом, согласно эмпирическим законам, то эти явления должны иметь основания, не находящиеся в ряду явлений. Это основание (причина) не определяется явлениями, хотя его действия находятся в ряду явлений, подчиняются эмпирическим законам. «Поэтому действие в отношении его умопостигаемой причины может быть рассматриваемо, как свободное, и, несмотря на это, в отношении явлений оно может быть рассматриваемо, как результат их, согласный с необходимостью природы»¹.

«Если... принять предметы чувственного мира, – пишет Кант, – за вещи сами по себе и приведенные выше естественные законы вещей самих по себе, то противоречие будет неизбежно. Точно также, если представить субъект свободы подобно прочим предметам, как простое явление, то также нельзя избежать противоречия, ибо придется вместе утверждать и отрицать одно и то же об одинаковом предмете в одном и том же значении. Если же относить естественную необходимость только к явлениям, а свободу только к вещам самим по себе, то можно без всякого противоречия признать оба эти рода причинности, как бы ни было трудно или невозможно понять причинность свободы»².

Значит, возможность свободы допускается лишь в том случае, когда явления суть только представления, причина же их не есть представление, а вещь в себе.

«Под свободой в космологическом смысле, – говорит Кант, – я разумею способность самопроизвольно начинать состояние; следовательно, ее причинность не зависит в свою очередь, согласно закону природы, от другой причины, которая определяла бы ее во времени. Свобода в этом значении есть чистая трансцендентальная идея; она, во-первых, не содержит в себе ничего заимствованного из опыта, и, во-вторых, предмет ее также не может быть дан определенным ни в каком опыте, так как общий закон самой возможности всякого опыта состоит в том, что все случающееся имеет причину, следовательно, и

---

¹ Кант. Критика чистого разума. СПб, 1908, стр.319

² Кант. Прологомены М.–Л., 1934, стр.238-239

проявляемая причиной причинность, которая сама случается или возникает, должна в свою очередь опять иметь причину; благодаря этому, вся область опыта, как бы далеко она не простиралась, становится совокупностью одной лишь природы. Но так как этим путем нельзя получить абсолютной целостности условий в области причинной связи, то разум создает себе идею самопроизвольности, способную самостоятельно начинать действовать, т. е. не предшествуемой другою причиною, которая в свою очередь определяла бы действие, согласно закону причинной связи»¹.

Двойная порочность кантовского учения вполне очевидна. Во-первых, свобода у него удаляется из реального мира в надэмпирической, сверхчувственный мир, во-вторых, так называемому миру явлений приписывается непреклонная необходимость, действию которой не может препятствовать никакая сила. Эта необходимость у него равна фатальности.

Более того, было бы грубейшей ошибкой думать, что Кант за категориями причинности, необходимости и т. д. признает объективное существование, рассматривает их как присущие самому миру явлений. Наоборот, Кант рассматривает их как субъективные формы человеческого познавательного аппарата, как продукты человеческого разума. Эти категории вносятся разумом в мир явлений, в природу для того, чтобы систематизировать хаотический чувственный материал, полученный в результате непосредственного человеческого опыта. Значит, априорные категории служат лишь упорядочению беспорядка, имеющегося в природе. По этому поводу Кант пишет: «...Порядок и законосообразность вносятся нами самими в явления, называемые нами природой, и не могли бы быть найдены в явлениях, если бы не были вложены в них первоначально нами самими или природой нашей души»².

Известно, что по Канту человеческое познание имеет дело только с миром явлений, т. е. с явлениями как представлениями. Другими словами, вещи сами по себе не могут быть объектом

---

¹ Кант. Критика чистого разума. СПб, 1908, стр.317

² Кант. Критика чистого разума. Петроград, 1915, стр.69

человеческого познания. Если это так, то человек не может познать также и свободу, относящуюся не к миру явлений, а к миру вещей в себе. О свободе мы не можем высказаться ни положительно, ни отрицательно. Из природы вещей, как явлений, нельзя объяснить свободу, ибо свобода не содержит в себе ничего опытного. Значит, бытие свободы так же непознаваемо, как и ее небытие. Свободу можно лишь мыслить. Мыслить же можно, по Канту, все то, что не противоречит себе в логическом смысле. А логическая непротиворечивость свободы, признанной в мире вещей в себе и необходимости, приписанной Кантом явлениям, была доказана выше. О свободе так же, как и о мире вещей в себе, к которому она относится, нельзя сказать ничего определенного, потому что все, что бы мы ни говорили о них, будет лишь нашей выдумкой, ибо они не могут быть предметом нашего познания. Более того, сам факт существования мира вещей в себе, а, следовательно, и свободы научно не доказуем, и потому в него надо просто верить. В. И. Ленин метко указал, что Кант закрывает двери науки, открывая место вере, религии. По сути чела религия также говорит о недоказуемости существования бога и требует, чтобы просто верили в него.

Вышеизложенная трансцендентальная свобода лежит в основе так называемой практической свободы Канта. А практическая свобода составляет непосредственную основу основного нравственного закона – категорического императива. Кант пишет: «Если сознают возможность свободы действующей причины, то сознают не только возможность, но даже и необходимость морального закона, как высшего практического закона разумных существ, которым приписывается свобода причинности в их воли. Оба понятия соединены между собою так неразрывно, что практическую свободу можно определить и как независимость воли от всякого другого закона, за исключением только морального»¹.

Нравственность и ее высший закон основывается на способности свободы. Без свободы воли нравственный закон не может быть законом сам собою данным и, каково бы ни было это

---

¹ Кант. Критика чистого разума. СПб, 1908, стр.98

содержание, в нем не будет моральной принудительности. Значит, по Канту, учение о нравственности может быть научным только в том случае, если допускается способность свободного действия. С отрицанием свободы механически отклоняется возможность нравственного закона.

Под практической свободой Кант понимает «независимость воли от принуждения мотивами чувственности»¹.

Действия человеческой воли определяются не только необходимым воздействием чувственного мира. Человек обладает также способностью самостоятельно, независимо от чувственных мотивов, определять свои действия, т. е. он обладает свободой.

Если бы мы причинность в чувственном мире признавали как единственную причинность, то все события подчинялись бы ее строгому закону; каждое событие определялось бы какой-то предшествующей причиной. Так как человеческая воля определяется действием явлений, следовательно, она в своих поступках также определялась бы необходимыми мотивами, в таком случае нет спасения трансцендентальной свободе. Уничтожение трансцендентальной свободы сопровождается уничтожением практической свободы, а уничтожение последней, как было сказано, есть уничтожение основного нравственного закона. Выход из такого положения Кант опять-таки находит в раздвоении единого субъекта на так называемый интеллигибельный субъект, и на субъект эмпирический, или субъект мира явлений. В одном случае субъект обнаруживает себя как эмпирический индивид, и потому его акты, как явления, совершаются согласно постоянным законам природы. В другом случае, тот же субъект обнаруживает себя как умопостигаемый индивид, который являясь причиной вышеуказанных актов как явлений, сам, однако, не подчинен никаким условиям чувственности и никак не относится к числу явлений.

Возможно соединение этих сторон субъекта может мыслиться только таким образом, что все происходящее в субъекте, весь ряд его поступков во времени – есть следствие

---

¹ Там же, стр.317

эмпирического характера, образующего общую и естественную причину всех этих поступков, сам же он имеет свое основание в интеллигибельном.

Кантовское понимание категорий вообще, пространства и времени в частности, как субъективных форм человеческой познавательной деятельности, или априорных, также вытекает из разделения единого материального мира на мир непознаваемых вещей в себе и на мир явлений, а также из того, что Канту необходима была свобода для обоснования основного морального закона. Свободу же Кант относит во вневременной и внепространственный мир. Если мы предположим по Канту, что пространство и время суть формы существования реального мира, то стирается всякое различие между вещами в себе и явлениями, они отождествляются, и те и другие будут находиться во времени и пространстве. В отношении же находящейся во времени и пространстве вещи нельзя утверждать полярно противоположные, взаимоисключающие вещи – свободу и необходимость. Значит, признание свободы, а тем самым и основного морального закона, требует рассмотрения пространства и времени не как свойств вещей самих по себе, а как субъективных форм человеческой познавательной деятельности.

В работе «Критика практического разума» Кант указывает, что для признания единственного носителя свободы – интеллигибельного индивида, чрезвычайно важно было обособление времени и пространства от существования вещей в себе.

Из всего сказанного совершенно понятно, почему Кант прибегает к столь искусственному разделению необходимости и свободы. Кантовская свобода не связана с деятельностью людей, она оторвана от действительности и есть по сути дела абстрактная свобода.

Резюмируя кантовское учение о свободе и необходимости, можно указать на ряд условных моментов.

Основные положения кантовской философии таковы, что, исходя из них, нельзя дать правильного, научного решения вопроса о свободе и необходимости. Правильное, научное

решение этой проблемы требует в первую очередь признания объективного материального мира, т. е. материалистического решения основного вопроса философии. Оно требует также признания объективности закономерности и необходимости, присущих реальному миру, признания познаваемости его закономерностей. У Канта мы находим отрицательные ответы на все эти вопросы. Поначалу может показаться, что Кант дает положительный ответ на первое требование, т. е. признает существование объективной реальности, ибо он допускает существование мира вещей в себе, независящего от людей. Но более глубокое ознакомление с его учением обнаруживает, что его вещь в себе по сути дела «пустая абстракция». На самом деле, о какой вещи в себе может идти речь, если Кант открыто заявляет, что она не доказуема, она не может быть объектом человеческого познания, и поэтому в ее существование следует только верить? Мир вещей в себе непознаваем – вот стержневой принцип кантовской философии.

В «Философских тетрадах» В. И. Ленин дает блестящую характеристику этого принципа: «...(1). У Канта познание разгораживает (разделяет) природу и человека; на деле оно соединяет их; (2) у Канта «пустая абстракция» вещи в себе на место живого шествия, движения знания нашего о вещах все глубже и глубже»¹.

Закономерность, необходимость так же, как пространство и время не присущи самому объективному миру. Они присущи человеческому рассудку и служат правилами, систематизирующими, упорядочивающими данные человеческого чувственного опыта.

Кантовское учение о свободе и необходимости представляет собой соединение одностороннего фатализма² с односторонним субъективным идеализмом. Разделение единого материального

---

¹ В.И.Ленин. Философские тетради. Госполитиздат, 1947, стр.65

² Выше уже было указано, что законы у Канта не объективные законы материального мира, а субъективные формы человеческого опыта, отсюда и понятно что понятие «фатализм» мы употребляем в данном случае в несколько ином смысле чем обычно.

мира на мир вещей в себе и на мир явлений, приводит к тому, что он, с одной стороны, борясь против последовательного фатализма сам допускает абсолютное господство закономерностей в мире явлений, с другой – приписывает свободу миру вещей в себе. Свобода, таким образом, удаляется у него в надэмпирический, сверхприродный мир.

Под свободой он понимал и отсутствие причинной обусловленности, другими словами самостоятельную, самопроизвольную причинность. Отсюда ясно, почему возникали антиномии чистого спекулятивного разума и, в частности, третья антиномия, говорящая о противоречии свободы и необходимости.

ГЕГЕЛЕВСКОЕ ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ НЕОБХОДИМОСТИ И СВОБОДЫ

В отличие от Канта, который под флагом соединения свободы и необходимости окончательно их разъединяет, относя одну из них к области мира вещей в себе, а другую – к области мира явлений, Гегель устраняет этот разрыв между свободой и необходимостью, другими словами «преодолеывает» кантовское разделение, рассматривая окружающий нас мир как инобытие абсолютной идеи. Гегель отбрасывает всякую вещь в себе и последовательно проводит ту точку зрения, согласно которой мысль, понятие о той или иной вещи, и есть сущность вещи в себе.

Выступая против «критической философии» Канта, которая соотношением трех понятий – человек, мышление, природа – понимает так, что мышление выступает как нечто разгораживающее нас и природу, Гегель указывает, что оно, наоборот, должно соединять их, что самые эти вещи, как будто бы стоят по ту сторону (*jenseits*) наших мыслей, сами суть (*Gedankendinge*) мысленные вещи... и «так называемая вещь в себе лишь мысленная вещь пустой абстракции»¹.

Однако у Гегеля это соединение природы и человека идет не по пути от материального к идеальному, а, наоборот, от идеального к материальному. Если основным исходным положением Спинозовской философии было то, что «порядок и связь идей те же, что и порядок и связь вещей» (курсив мой. – Д. А), то основное положение гегелевской философии можно было бы выразить так: порядок и связь вещей те же, что и порядок и связь идей. В своей философии Гегель признавал тождество объекта и субъекта, но это тождество у него не есть тождество субъекта с объектом, мысли с вещью а, наоборот, тождество объекта с субъектом, вещи с мыслью.

Исходным пунктом философии Гегеля является абсолютная идея. В целом его философская система представляет собой

---

¹ В.И. Ленин. Философские тетрады, стр.65

характеристику трех этапов саморазвития абсолютной идеи. На первом этапе она выступает как идея в себе и для себя, на втором – она отчуждается, отталкиваясь от самой себя, превращается в свое инобытие, и, наконец, она возвращается из своего инобытия внутрь себя. Для Гегеля законы диалектического развития, впервые сформулированные им, хотя и в мистической форме, есть по сути дела законы саморазвития абсолютной идеи, а инобытие этой идеи – внешний мир, развивается на основе этих законов. Значит, для Гегеля вещи и предметы возникают, развиваются и уничтожаются, повторяя развитие абсолютной идеи. Многообразие мира есть лишь отражение многообразия в области чистой мысли.

Краткое ознакомление с основными положениями гегелевской философии позволяет понять, что на базе такого идеалистического разрешения основного вопроса философии Гегель не мог дать правильного решения проблемы свободы и необходимости.

Все вышеизложенное, однако, не дает нам права, игнорировать заслуги Гегеля в области философии вообще, в решении проблемы свободы и необходимости, в частности.

Еще К. Маркс в послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала» писал: «Мистификация, которую претерпела диалектика в руках Гегеля, отнюдь не помешала тому, что именно Гегель первый дал исчерпывающую и сознательную картину ее общих форм движения. У Гегеля диалектика стоит на голове»¹.

Заслуга Гегеля в том, что он выступал с резкой критикой кантовского понимания свободы и необходимости. Он указывал, что «критическая философия» в круг своего рассмотрения включает и проблему необходимости и свободы. При этом ответ ее на этот вопрос сводился к тому, «что природу она считала подчиненной в ее действиях необходимости, а дух – свободным»².

Будучи идеалистом Гегель оправдывает такое различие духа и природы и считает, что оно «несомненно, существенно и

---

¹ К.Маркс. Капитал, т. 1, Госполитиздат, 1949, стр.19

² Гегель. Сочинения, т.1, М., – Л., 1929, стр.73

имеет свое основание в глубинах самого духа». Но он выступает против самого факта противопоставления свободы и необходимости. Для него «свобода и необходимость, как абстрактно противостоящие друг другу, принадлежат лишь области конечного и значимы лишь на его почве. Свобода, которая не имела бы внутри себя никакой необходимости, и одна лишь необходимость без свободы суть абстрактные и, следовательно, неистинные определения»¹.

Гегель указывает, что нельзя дать более или менее правильный и удовлетворительный ответ на этот вопрос, если заниматься только фиксированием абстрактных определений, как чего-то окончательного и будто бы имеющего свое самостоятельное существование.

Кроме того, он выступает против учения о свободе воли, понимаемой как произвол. Представители этого учения понимают под свободой воли абсолютный произвол, другими словами, рассматривают волю в форме случайности, потому что у них свобода отождествляется со случайностью.

Гегель допускает произвол, как способность определять себя к тому или иному, как существенный момент свободной воли. Но этот произвол не есть сама свобода, а есть формальная свобода. Истинная свободная воля, по Гегелю, та, которая, наряду с тем, что содержит в себе произвол в снятом виде, «создает свое содержание как само по себе прочное»². У воли же, которая остается на ступени произвола даже тогда, когда она решает в пользу справедливого, наличествует такое представление, что при желании она могла бы решить в пользу другого поступка. Гегель совершенно прав, говоря, что при таком понимании свободы противопоставляются друг другу форма и содержание данного поступка. Содержанием произвола является данное, уже совершившееся событие, основание которого находится не в самой воле, а во внешних обстоятельствах. Свободной же в этом случае по отношению к данному содержанию является форма выбора, которая представляет собой формальную свободу.

---

¹ Там же.

² Гегель. Сочинения, т.1, стр.224

«Формальная свобода, – пишет Гегель, – и должна рассматриваться лишь как мнимая свобода, поскольку тем же внешним обстоятельствам, в которых имеет свое основание предназначенное волей содержание, мы должны приписывать также и то, что воля решает как раз в пользу одного, а не другого»¹.

Свободу, понимаемую как произвол, Гегель называет абстрактной, бессодержательной свободой, которая и есть, по его мнению, действие слепой необходимости. «Человек в своем частном мнении и волеи действует по капризу и произволу, и поэтому из его действий часто выходит совершенно другое чем то, что он предполагал и хотел»².

«Свобода вообще имеет место только там, где господствует закон, а не произвол индивидуума»³.

Гегель выступает также против фатализма французских материалистов, которые ставили человека в полную зависимость от закономерностей природы и тем самым рассматривали человека как абстрактного, созерцательного индивида. Гегель освобождает человека от фатальной зависимости его от материального мира.

Как видно, Гегель не соглашался с постановкой вопроса, бывшей до него, а именно, абстрактно-метафизической, вневременной постановкой: свободна человеческая воля или нет? Диалектический метод, даже в его идеалистической форме, каким он был в руках Гегеля, дал ему возможность преодолеть вышеуказанную метафизическую постановку проблемы свободы и необходимости и сделать шаг вперед в ее решении. Он впервые в истории философии, хотя и идеалистически, рассмотрел категории свободы и необходимости с исторических позиций. Для него свобода не есть нечто застывшее, раз навсегда установленное, она на каждом данном этапе развития есть продукт или результат исторического процесса. Поэтому свободу надо рассматривать как нечто конкретное, имеющее строго

---

¹ Там же

² Гегель. Сочинения, т.1, стр.248

³ Гегель Философская пропедевтика. М., 1927, стр.46

определенное содержание на каждом этапе исторического развития.

Всякий результат, рассмотренный вне связи с процессом, подготовляющим данный результат, есть мертвый, застывший, неподвижный. Стало быть, и свобода, рассматриваемая вне связи с тем историческим процессом, продуктом которого она является, будет выглядеть не как живая, действующая, реальная свобода, а как мертвая, неподвижная и абстрактная.

Гегелю принадлежит и та заслуга, что он впервые в истории философии, хотя и на идеалистической основе, дал правильное решение соотношения свободы и необходимости, т. е. он понял их диалектику. Свобода, по Гегелю, есть познанная необходимость, и это познание есть все более и более углубляющийся процесс. Уровень познания необходимости на каждом этапе исторического развития зависит от уровня человеческого познания.

«Необходимость как таковая, правда, еще не есть свобода, но свобода имеет своей предпосылкой необходимость и содержит ее внутри себя как снятую»¹.

Но одно только указание на то, что свобода предполагает необходимость и содержит ее в себе как снятую, другими словами, исторический и диалектический подход к соотношению категорий необходимости и свободы, еще не говорит о том, что данная проблема тем самым решается научно, с материалистических позиций. Чтобы определить философскую линию того или иного решения вопроса надо выяснить, какое содержание вкладывается в понятие, в данном (случае в понятия «свобода» и «необходимость»).

Выше было указано, что гегелевская философия не имеет дело с материальным миром как таковым. Объектом ее исследования является абсолютная идея на различных ступенях ее саморазвития. Стало быть, и категории необходимости и свободы являются у Гегеля категориями, характеризующими само развитие этой абсолютной идеи. Они относятся к области

---

¹ Гегель. Сочинения, т.1, стр.261

инобытия абсолютной идеи – к природе, поскольку последняя составляет момент саморазвития абсолютной идеи.

Гегель указывает, что «как субстанцией материи является тяжесть, так мы должны сказать, субстанцией, сущностью духа является свобода»¹. Но эта сущность не раскрыта абсолютному духу с самого начала его саморазвития. Она раскрывается постепенно в процессе саморазвития, которое по сути дела сводится к самопознанию абсолютного духа. Та же самая свобода выступает как необходимость саморазвития духа, поскольку она еще не понята. Следовательно, через необходимость осуществляется развитие, а развитие абсолютной идеи есть обнаружение ее в ее различных определениях, ибо конечной целью этого саморазвития является самопознание идеи. Обнаружение идеи в различных определениях не есть одноактное действие. Оно происходит на протяжении всего хода развития вплоть до того момента, когда абсолютная идея познает сама себя в человеческом обществе и в процессе человеческого познания, выясняет тождество материального бытия и самой себя и таким путем полностью освобождается от своего инобытия.

Поэтому-то у Гегеля понятие выступает как истина необходимости. Пока не понята необходимость, т. е. пока не раскрыта истина ее, она слепа. «Слепа необходимость лишь постольку, поскольку она не постигается в понятии...»².

Гегель указывает на три момента процесса необходимости: условия, предмет и деятельность. При наличии определенных условий предмет необходимо становится действительным. Значит, атрибут действительности может распространяться только на необходимые явления.

*«Развитая действительность, как совпадающая в едином смена внутреннего и внешнего, смена их противоположных движений, объединенных в одно движение, есть необходимость»*³.

---

¹ Гегель. Сочинения, т. VIII, 1935, стр.17

² Гегель. Сочинения, т. I, стр.248

³ Там же, стр.246-247.

Действительность есть реальная возможность, которая является внутренней по отношению к действительности и при определенных условиях переходит в нее, а действительность в своем развитии обнаруживается как необходимость. Таким образом, необходимость у Гегеля определяется «как единство возможности и действительности»¹.

По Гегелю, нельзя смотреть на необходимость как на нечто только опосредствованное, т. е. существующее не само через себя в своей непосредственности, а через нечто другое. В таком случае мы не можем различить необходимость от случайности. «Необходимость поэтому в себе есть единая, тождественная с собою, не полная содержания сущность, которая так отражается внутри себя, что ее различия принимают форму самостоятельных реальностей, и что тождественное есть вместе с тем, как абсолютная форма, деятельность снятия в опосредствованности и опосредствовании в непосредственности. То, что необходимо, существует через некое другое, которое распалось на опосредствующее основание (предмет и Деятельность) и на некую непосредственную действительность, на случайное,, которое вместе с тем есть условие»².

Другими словами необходимость включает в себя как опосредственное общее, существенное, так и непосредственный круг обстоятельств.

Гегель выступает против понимания необходимости как простого детерминирования извне, т. е. определенного действия, происходящего под влиянием внешнего толчка в определенном направлении. Он называет такую необходимость внешней, а не подлинно внутренней, которая по сути дела и есть свобода.

Если в гегелевские понятия будем вкладывать не то содержание, которое вкладывалось самим Гегелем, а именно, будем рассматривать их как формы отражения развивающегося материального мира (говоря словами Ленина, если Гегеля будем читать материалистически), то сформулированные им положения, являются весьма ценными.

---

¹ Там же, стр.247

² Гегель. Сочинения, т.1, стр.251-252.

У Гегеля необходимость и божественное провидение выступают не как исключаящие друг друга, а, наоборот, как совпадающие по содержанию. Когда он говорит, что мир управляется провидением, то подразумевает цель, имеющую характер осознанной необходимости. Ожидаемая цель была известна уже до получения результата, и результат соответствовал предусмотренной цели.

То же самое мы увидим, если будем рассматривать целесообразную деятельность человека, т. е. деятельность, основывающуюся на осознанной необходимости. Здесь также цель представляет такое содержание, которое известно нам уже заранее. Такая деятельность поэтому не слепа, а зряча.

В первом случае, понятие цели выступает как основа божественного провидения; во втором – она есть истина необходимости. Истиной же необходимости является свобода.

Выше был о уже сказано, что, по Гегелю, «человек в своем отличии от бога» в своей индивидуальной деятельности, если он поступает, согласно своему произволу, не всегда достигает того, что он хочет. Он может обладать свободой, т. е. получать в результате своей деятельности то, что уже заранее им ставилось перед собой, как цель, только тогда, когда он подчиняет свою волю абсолютной воле, в своей деятельности подчиняется божественному провидению. Другими словами, полной свободой обладает только абсолютная идея. Человек же, если он хочет быть свободным, должен свои определенные чувственные побуждения, желания подчинять своему разуму, познанию абсолютной идеи, – высшему самопознанию.

Всемирная история, пишет Гегель, «является обнаружением духа в том виде, как он вырабатывает себе знание о том, что он есть в себе, и подобно тому как зародыш содержит в себе всю природу дерева, вкус, форму плодов, так и первые проявления духа виртуально содержат в себе всю историю»¹.

Всемирная история есть применение и внедрение принципа свободы к людским отношениям, что является длительным процессом. В начале этого процесса народы (восточные) не

---

¹ Гегель. Сочинения, т. VIII, стр. 18.

понимали того, что люди свободны. Для них свободным был только один. Поэтому этот один и является по сути дела правителем-деспотом. У греков это понимание уже более развито. Они относят свободу к группе людей. Но германские народы в христианстве доходят до сознания того, что человек как таковой свободен, «что свобода духа составляет самое основное свойство его природы»¹ (курсив мой. – Д. А.).

Гегель в этом процессе рассматривает человека не как активное существо, создающее своей деятельностью собственную историю, а как существо, деятельность, желания и интересы которого являются «орудием и средством мирового духа, для того, чтобы достигнуть его цели, сделать ее сознательной и осуществить ее; и эта цель состоит лишь в том, чтобы найти себя, придти к себе и созерцать себя как действительность»², т. е. в свободе мирового духа.

«Гегель делает человека человеком самосознания, вместо того, чтобы самосознание сделать самосознанием человека, – действительного человека, т. е. живущего в действительном, предметном мире и им обусловленного. Он ставит мир на голову и по этой причине уничтожает в своей голове все пределы, что им, однако, нисколько не мешает существовать для дурной чувствительности, для действительного человека»³.

Человек у Гегеля выступает не как творец истории, а как пассивное, созерцающее существо, как свидетель исторического процесса. Государство есть форма реализации конечной цели абсолютного духа. Процесс реализации, как было указано выше, очень длительный процесс. Рабство не сразу прекращается, и государственное устройство не сразу основывается на принципе свободы. Так, в Пруссии этот длительный процесс, завершился созданием прусского государства. Все же предшествующие прусской монархии формы государства в большей или меньшей степени, но отнюдь не полностью, основывались на свободе. А потому-то и «всемирная история, – пишет Гегель, – есть прогресс

---

¹ Там же.

² Гегель. Сочинения, т. VIII, стр. 24-25

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. III, ИМЭЛ, 1933, стр. 225

в сознании свободы, – прогресс, который мы должны познать в его необходимости»¹.

Прусская монархия, по Гегелю, есть полное обнаружение абсолютного духа, конечная, высшая ступень его саморазвития. Здесь он полностью осознает свою необходимость и становится свободным. Суть государства, восхваляемого Гегелем, как воплощение всего справедливого, как проявление полной свободы, как «действительность конкретной свободы» очень точно определена Ф. Энгельсом.

В конце XVIII столетия, как раз в то время, когда Гегель говорил о Германии как о действительности конкретной свободы, она «была гниющая и разлагающаяся масса. Никто не чувствовал себя хорошо. Ремесло, торговля, промышленность и земледелие были доведены до самых ничтожных размеров. Крестьяне, торговцы и ремесленники испытывали двойной гнет: кровавадного правительства и плохого состояния торговли. Дворянство и князья находили, что их доходы, несмотря на то, что они все выжимали из своих подчиненных, не должны были отставать от их растущих расходов. Все было скверно, и в стране господствовало общее недовольство. Не было образования, средств воздействия на умы масс, свободы печати, общественного мнения, не было сколько-нибудь значительной торговли с другими странами; везде только мерзость и эгоизм – весь народ был проникнут низким, раболепным, гнусным торгашеским духом. Все прогнило, колебалось, готово было рухнуть, и нельзя было даже надеяться на благотворную перемену, потому, что в народе не было такой силы, которая могла бы смести разлагающиеся трупы отживших учреждений»².

Таким образом, материалистическая метафизика, с одной стороны (с ее недостатками и ограниченностями), а идеализм (как объективный, так и субъективный), с другой – составляют по существу две абстрактные крайности, искажавшие правильное решение проблемы свободы и необходимости. Метафизический материализм рассматривает природу как объективную,

---

¹ Гегель. Сочинения, т. VIII. стр.19

² К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, т. V. стр.6-7

детерминированную, имеющую свои законы, и ставит общество в полную зависимость от природы, не признает специфических законов общественного развития, а объясняет его природной закономерностью. А поскольку в то время из всех наук о природе механика твердых тел была самая развитая, то механические законы распространялись на все другие области действительности, в том числе и на общественную жизнь. (Механистичность и была одной из ограниченностей домарковского материализма, на которую указывал Энгельс в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» и В. И. Ленин в работе «Карл Маркс»).

Вторым моментом ограниченности прошлого материализма является то, что он не был способен видеть мир как процесс, как нечто находящееся в бесконечном и непрерывном историческом развитии. Он был далек от диалектического подхода к явлениям, и это было в полном соответствии с господствующим в то время метафизическим методом мышления. Для него природа находится в вечном движении. Это положение высказывалось многими представителями метафизического материализма (Гольбах, Дидро и др.). Но под движением они понимали движение не по спирали, а по кругу, движение, которое в конечном счете «приводило к одним и тем же последствиям» (Энгельс). Вот почему домарковский материализм не способен был видеть в свободе и необходимости двух моментов развития одного и того же явления, взаимопереходящих и взаимодополняющих категорий.

Наконец, домарковский материализм сущность человека понимает абстрактно. Человек не является для него совокупностью общественных отношений. Следовательно, вся его деятельность рассматривалась не как деятельность общественного существа, живущего в конкретных условиях, окруженного такими же конкретными общественными существами, как он сам, а как деятельность абстрактного индивида.

Такой взгляд на человека и на общество приводил к тому, что, во-первых, метафизические материалисты «...в лучшем случае

рассматривали лишь идейные мотивы исторической деятельности людей, не исследуя того, чем вызываются эти мотивы, не улавливая объективной закономерности в развитии системы общественных отношений, не усматривая корней этих отношений в степени развития материального производства, во-вторых, прежние теории не охватывали как раз действий масс населения...»¹. Другими словами, метафизические материалисты были идеалистами в понимании общественной жизни. Отсюда и вытекает их созерцательность, непонимание значения «революционно-практической деятельности».

Идеализм же рассматривает дух и его свободу, в независимости от природы, как нечто самостоятельное, более того, как первооснову природы, как творца ее. Действительность выворачивается наизнанку. Вторичное, производное, продукт природы – дух превращается в «творца» природы. Кроме того, идеализм рассматривает дух и его свободу, отвлекаясь от общественной практики, от общественного труда, благодаря которым и в процессе которых как раз и развивается, усвершенствуется и углубляется человеческое познание, и человек все шире и все глубже познает окружающие его природные и общественные силы и тем самым приобретает возможность, практически используя их в своей деятельности, освободиться от угнетающего воздействия указанных сил.

Краткая формулировка всего изложенного дана в следующем положении Маркса: «Свобода определялась до сих пор философами двояко: во-первых, как власть, как господство над обстоятельствами и отношениями, в которых живет индивид (курсив мой. – Д. А.), – так она определялась всеми материалистами; с другой же стороны, – как самоопределение, избавление от действительного мира, как лишь мнимая свобода духа, – так она определяется у всех идеалистов, особенно у немецких»².

---

¹ В.И. Ленин. Сочинения, т.21, стр.40

² К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, т.IV. стр.281

Глава вторая

СВОБОДА И НЕОБХОДИМОСТЬ – КАТЕГОРИИ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ

Каждая задача, стоящая перед практической или теоретической деятельностью людей, требует необходимых и достаточных условий и предпосылок, без которых немислима возможность их осуществления. Более того, в науке, в общественно-историческом развитии, на передний план выдвигаются лишь те задачи, те проблемы, для действительного решения которых уже имеется достаточно сил и средств, или таковые находятся в процессе становления. Этот принцип свидетельствует о закономерном характере как самого объективного материального мира, так и науки, отражающей объективные процессы и явления, происходящие в мире. Объективный мир и его отражение – наука не представляют собой хаотического скопления случайных фактов, не имеющих между собой внутренней связи. В них господствует закономерность, все в них взаимообусловлено и взаимозависимо. В объективном мире одни явления закономерно связаны с другими и столь же закономерно сменяются третьими, причем эта смена одного явления другим осуществляется путем диалектического отрицания, т. е. путем диалектического снятия некоторых моментов отрицаемого явления. Как в общественно-историческом развитии, так и в науке возникают задачи, которые подготовлены предшествующим ходом развития, и попытка воспрепятствовать их разрешению рано или поздно должна кончиться поражением. Как можно, например, ставить в упрек общественной истории то, что она в своем развитии проходит такие этапы, как первобытнообщинный строй, рабовладельческий строй, феодализм, капитализм, коммунизм, причем именно в такой последовательности, а не в обратной; или как можно требовать, чтобы общество в целом в своем развитии не прошло такую общественно-экономическую формацию как капитализм. Точно также нельзя ставить в упрек естествознанию

то, что закон сохранения и превращения энергии был открыт в середине XIX века, а не в V веке. Дело в том, что каждое из указанных явлений имеет объективную логику своего развития, которое не зависит от того, желают люди этого или не желают, требуют они этого или не требуют.

В этом отношении весьма интересную картину представляет история философии. Каждая философская система является необходимым звеном длинной цепи истории философии и не может быть понята вне связи с другими системами. В процессе формирования каждая из них заимствует у предшествующих решение ряда вопросов, и сама в свою очередь в той или иной мере служит основой для формирования последующей.: Не будь древней философии, не было бы философии, нового времени, а не будь последней, не было бы и марксизма. Марксизм никак не мог возникнуть, скажем, в XIV веке. Он возник в середине XIX века, как вполне закономерный продукт развития науки и философии.

Причина же развития науки и философии заключается не в них самих, а в материальной основе – в общественном производстве.

Таким образом, для решения той или иной задачи науки и философии необходимо, во-первых, достаточное развитие самой науки и философии и, во-вторых, и это главное, должна существовать соответствующая материальная основа.

Одной из таких задач, возникших в ходе развития философии была проблема свободы и необходимости.

В домарксовской философии эта проблема не только не могла быть правильно решена, но не была даже поставлена во всем ее объеме, т. е. в единстве трех ее аспектов: господство над природными силами, господство над силами общественной жизни и господство над самим собою. Проблема не могла быть всесторонне освещена потому, что не было той исторической силы, которая была бы способна осуществить господство людей над общественными явлениями, от чего в конечном счете зависит и результат господства людей над природой. Иначе говоря, не было условий для практического осуществления свободы в ее

целостности; к тому же домарксовские философские учения были односторонни и ограничены. Одни из них, материалистически решая основной вопрос философии применительно к природе, остаются на идеалистических позициях в решении этого вопроса применительно к общественной жизни, другие идеалистически решают основной вопрос философии и в первом и во втором случаях; одни являются диалектиками, но идеалистами, другие материалистами, но метафизиками. Правильное же решение проблемы свободы и необходимости требует до конца последовательной материалистической и диалектической позиции в решении основного вопроса философии.

Уже сама марксистская постановка вопроса о свободе и необходимости коренным образом отличается от домарксовской постановки. Марксизм рассматривает свободу не как чисто психологическую проблему (свобода воли), или как чисто гносеологическую проблему (как это было у Спинозы и Гегеля), а как проблему, охватывающую и теоретическую и практическую деятельность людей.

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ МАРКСИСТСКОГО РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ СВОБОДЫ И НЕОБХОДИМОСТИ

Прежде чем приступить к диалектико-материалистическому анализу проблемы свободы и необходимости, остановимся на основных гносеологических и социальных предпосылках марксистского решения этой проблемы, другими словами, на тех принципах марксистской философии, которые обуславливали научное решение проблемы необходимости и свободы.

В. И. Ленин в работе «Материализм и эмпириокритицизм» с исчерпывающей ясностью указывает на гносеологические предпосылки, на которых должно основываться научное решение философских проблем, в том числе и учение о необходимости и свободе:

1. Признание объективного материального мира, существующего вне и независимо от человека и отражаемого в его сознании через органы чувств, а также признание объективных законов, объективной необходимости и причинности, присущих самому этому миру.

Существует ли материальный мир объективно, т. е. независимо от человеческого сознания и до него, или он зависит от существования человеческого сознания, духа вообще – вот в чем основной водораздел между материализмом и идеализмом. Главным пунктом, в котором сходятся все разновидности идеализма, является именно отрицание первичности объективной реальности; это – главная ось, которая, проходя сквозь все идеалистические учения, объединяет их в единый лагерь.

Действительный мир – это мир идей, а видимый нами мир есть лишь тень, лишь отблеск этого действительного мира идей; мир есть комбинация наших ощущений, или комплекс моих ощущений; мир есть моя воля или мое представление; мир есть инобытие, отчуждение абсолютной идеи и т. д. и т. п. Вот комплекс «различных» ответов философов-идеалистов на вышепоставленный кардинальный вопрос. Между этими

ответами нет принципиальной разницы, суть одна: отрицание первичности объективного, материального мира.

Беркли считает вообще бессмыслицей утверждение того, что вне нас существует какой-то мир. Существовать – это значит быть воспринимаемым. Беркли полагает, что среди людей распространено странное мнение, «будто дома, горы, реки, одним словом, все ощущаемые предметы имеют естественное или реальное существование, отличное от их воспринимаемости умом»¹. Все вышеуказанные объекты, по Беркли, есть ничто иное, как вещи, воспринимаемые нами. А поскольку мы воспринимаем наши собственные идеи, то вещи есть комбинации наших ощущений. То же самое по сути дела повторяется махистами, только в несколько иных терминах и в более завуалированной форме, чем это было у откровенного субъективного идеалиста Беркли. Утверждая, что человеческое «Я» и среда, или «не-Я» находятся в неразрывной координации, и, что в этой неразрывной или принципиальной координации центральным, определяющим членом является «Я», а «не-Я», т. е. среда является зависимой от «Я», Авенариус повторяет то же самое, что и Беркли, а именно, что «не-Я» существует только тогда, когда «Я» воспринимает его, или когда существует «Я». Не трудно догадаться, что это есть также повторение. сказанного, еще задолго до возникновения махизма, немецким субъективным идеалистом Фихте.

Возьмем другого представителя махизма, Карла Пирсона, автора объемистого труда «Грамматика науки». «Внешний мир, – пишет К. Пирсон в разделе, посвященном законам природы, – это конструкт. Он состоит из объектов, конструированных отчасти из непосредственных чувственных впечатлений, отчасти из накопленных отпечатков. Благодаря этому, «внешний мир» по самому существу своему обусловлен способностями восприятия и воспоминания»².

Внешний мир сконструирован из непосредственных чувственных впечатлений – вот основной вывод Пирсона.

---

¹ Беркли. Трактат о началах человеческого знания. СПб, 1905, стр.62

² К.Пирсон. Грамматика науки. СПб, 1911, стр.106

Мысли приведенных нами авторов настолько ясны, что вряд ли требуются особые разъяснения. Скажем только, что все они в различных формах выражают одно и то же содержание: нет объективно существующего реального материального мира. В. И. Ленин пишет: «Мир есть мое ощущение; не-Я «полагается» (создается, производится) нашим Я: вещь неразрывно связана с сознанием; неразрывная координация нашего Я и среды есть эмпириокритическая принципиальная координация; – это все одно и то же положение, тот же старый хлам с немного подкрашенной или перекрашенной вывеской»¹.

Представители многих современных (буржуазных) философских течений (прагматисты, неопозитивисты) в принципе не ушли дальше махистов в решении данного вопроса. Новое, что они дали в этом вопросе, заключается только в перекрашивании и в перефразировке старого.

Такие представители прагматизма, как Джемс, и Дьюи, полностью солидарны с Беркли в этом, вопросе. «Материю мы знаем, – пишет Джемс, – лишь как наши ощущения цвета, формы, твердости и прочее. Они именно представляют наличную стоимость этого понятия. Разница между бытием и небытием материи выражается для нас лишь в том, имеем ли мы или нет подобные ощущения. Словом, эти ощущения представляют собой единственное содержание, связываемое нами со словом материя. Беркли, таким образом, не отрицает материи, он просто рассказывает нам, в чем она состоит. Она – название для известной группы наших ощущений; постольку она и истинна»².

«Объективная действительность, – пишет Дьюи, – которая удостоверяет истину идеи, не представляет собой внешнего antecedента идеи или временного сосуществования с идеей. Это то, что следует за идеей...»³.

Неопозитивисты также пытаются устранить из философии понятие о материи, как понятие метафизическое, бессмысленное, поскольку материя как таковая не дана нам в непосредственном

---

¹ В.И.Ленин. Сочинения, т.14, стр.57

² В.Джемс. Прагматизм. СПб, 1910, стр.59

³ См. И.Лингарт. Американский прагматизм. М.,1954, стр.33

опыте. Первичным для неопозитивистов является опыт, т. е. по существу психическое.

Словом, учения всех философов, которые за исходное, первичное берут «Я», сознание вообще, абсолютный дух, волю и т. д. – назвать его можно как угодно, это дела не меняет, – не могут быть основой для научного, правильного решения проблемы необходимости и свободы. Признание объективно реального материального мира есть первая и основная предпосылка научного решения исследуемой проблемы.

2. Вторым основным моментом является признание того, что «решительно никакой принципиальной разницы между явлением и вещью в себе нет и быть не может. Различие есть просто между тем, что познано, и тем, что еще не познано, а философские измышления насчет особых граней между тем и другим, насчет того, что вещь в себе находится «по ту сторону» явлений (Кант), или что можно и должно отгородиться какой-то философской перегородкой от вопроса о непознанном еще в той или иной части, но существующем вне нас мире (Юм), – все это пустой вздор, Schrulle, выверт, выдумка»¹.

Вопрос о познаваемости мира и его закономерностей является второй основной предпосылкой научного материалистического решения философских проблем, в том числе и проблемы свободы и необходимости. Энгельс в работе «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии» указывает, что второй стороной основного вопроса философии является вопрос о том, в каком же отношении находятся наши мысли к окружающей нас действительности? Может ли наше мышление познать действительный мир? Насколько верными отражениями объективной действительности являются наши понятия и представления?

В ответах на этот вопрос среди философов не было и сейчас нет единогласия: одни положительно отвечают на поставленные вопросы, другие же – отрицательно. Познаваемость мира отстаивали не только материалисты, но и некоторые идеалисты, например, Гегель. Однако у Гегеля сам внешний мир есть

---

¹ В.И. Ленин. Сочинения, т.14, стр.90-91

инобытие абсолютного духа, и его познание по сути дела процесс самосознания абсолютного духа. Значит, в конечном счете у Гегеля речь идет не о познании самих вещей, как первичных, существующих независимо от духовного, а о познании вещей как производных, как сотворенных.

Философы же агностики утверждают, что сущность окружающих нас вещей навсегда остается для нас непознаваемой. Познание они ограничивают обычно явлениями и считают недоступным для человеческого разума все, что лежит за пределами мира явлений. Человеческий разум не в состоянии доказать существование или несуществование мира вещей в себе, лежащего за пределами нашего опыта. Верно утверждают агностики, что наши знания основываются на данных, полученных нашими органами чувств, но при этом они сомневаются в том, «что наши чувства дают нам верные изображения воспринимаемых ими вещей»¹.

«...Когда он (т.е. агностик. – Д.А.) говорит о вещах или об их свойствах, то он в действительности имеет в виду не самые эти вещи или их свойства, о которых он ничего достоверного знать не может (по собственному признанию агностика. – Д. А.), а лишь те впечатления, которые они произвели на его чувства»².

Объединяющим принципом всякого рода агностицизма, будь то агностицизм кантианского толка, допускающий существование вещей в себе, но отрицающий их познаваемость, или агностицизм юмовского толка, не допускающий существования вещей в себе, есть принципиальное отгораживание явлений от сущности, ощущения от ощущаемого, вещи для нас от вещи в себе.

Опровержение агностицизма заключается не в теоретических рассуждениях, не в схоластических спорах, а в общественной практике. Кто может, например, утверждать, что громадная энергия, освобождающаяся в результате расщепления ядра атома такого вещества, как уран, не имеется в самом ядре этого вещества, существующего вне человеческого сознания, а

---

¹ К.Маркс и Ф.Энгельс. Избранные произведения, т. II. стр.90

² К.Маркс и Ф.Энгельс. Избранные произведения, т. II. стр.90

вкладывается в него человеком в момент когда он приступает к совершению операций расщепления? Это могут утверждать только сознательные враги науки и философии.

Марксизм доказал познаваемость мира и его закономерностей. Это ему удалось потому, что марксизм является философией жизни, действия, философией практического преобразования мира.

3. «В теории познания, как и во всех других областях науки, следует рассуждать диалектически, т. е. не предполагать готовым и неизменным наше познание, а разбирать, каким образом из незнания является знание, каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным»¹.

Диалектический подход к теории познания, как и к самой действительности, дает возможность избежать метафизического отношения к проблеме свободы и необходимости. С одной стороны, нельзя ставить вопроса об общественной необходимости, как необходимости, которая была бы действительна для всех времен и при всех условиях. Сама необходимость не есть нечто застывшее и раз навсегда определенное, она находится в постоянном развитии и изменении. Кроме того, на каждом этапе развития необходимость выступает в разных формах своего проявления. Так вначале необходимость выступает только в виде возможности (а возможностей, как известно, бывает много); на определенном же этапе развития она выступает в виде действительности, т. е. в виде реализованной возможности (для чего должны существовать определенные конкретно-исторические условия).

С другой стороны, свобода человека осуществляется в результате познания объективной действительности и практической деятельности людей. Объективный мир вечен во времени и бесконечен в пространстве и находится в бесконечном движении и развитии. Следовательно, наше познание объективной действительности никогда не может быть полным, исчерпывающим, так как мы никогда не сможем охватить ее полностью во всем ее многообразии. Более того, мы не можем

---

¹ В.И. Ленин. Сочинения, т.14, стр.91

познать до конца каждое конкретное явление во всем многообразии его бесконечных взаимоотношений и взаимосвязей. Отсюда следует, что нельзя говорить об абсолютной свободе людей, об абсолютном господстве их над природой и общественной необходимостью. К вопросу о свободе необходимо подойти конкретно исторически, подразумевая под свободой конкретную свободу, т. е. господство людей над природной и общественной необходимостью и над самим собой в каждую историческую эпоху.

4. Наконец, в качестве последней предпосылки можно указать на единство теории и практики. В. И. Ленин бичует профессорскую философию (например, махизм), которая разрывает теорию и практику. Для них одно дело теория, которая должна дать «чисто научные» дефиниции и совсем другое дело практика (сама практика всеми этими философами-профессорами понималась неправильно).

Диалектический материализм учит, что практика и теория неразрывны, что практика должна войти в теорию познания в качестве ее основной движущей силы, в качестве объективного критерия ее истинности. В процессе развития человеческого знания практика всегда выступала как основная сила, движущая познание вперед, и как объективный критерий истинности теории. Но, не осознавая эту весьма важную, определяющую роль практической деятельности людей в развитии общественной жизни, в развитии их познания, предшествующая философия не могла понять то обстоятельство, что свобода человека обеспечивается его собственной деятельностью. А это приводило к тому, что осуществление свободы связывалось со сверхъестественными силами, или свобода отрицалась вовсе.

Центральный пункт революционного переворота, совершенного Марксом и Энгельсом в философии, заключается именно в признании первенствующей, определяющей роли практики в общественном развитии и в развитии человеческого познания.

Все вышеперечисленные гносеологические предпосылки создали реальную возможность правильного теоретического

решения проблемы необходимости и свободы. При этом, разумеется, не могло быть дано научное решение этого вопроса, если бы не было материальной основы для практического осуществления свободы. К моменту формирования марксизма имелась уже налицо и материальная база: развитие капиталистического способа производства, с присущими ему противоречиями, появление пролетариата на исторической арене как самостоятельной, организованной силы, исторически призванной освободить от угнетения не только самого себя, но и уничтожить всякое подавление человека человеком и т. д. Эти факторы дали возможность классикам марксизма научно решить проблему свободы и необходимости.

Учитывая то, что в дальнейшем нам предстоит всесторонний разбор революционного скачка из царства необходимости в царство свободы, т. е. перехода от капитализма к социализму, здесь мы ограничимся только общим указанием на ту материальную основу, благодаря которой стало возможно теоретическое решение проблемы свободы и необходимости.

Итак, основываясь на указанных гносеологических и социальных посылках, основоположники марксизма-ленинизма дали всестороннее, научное решение проблемы свободы и необходимости. Однако теоретическое решение этого вопроса не было для них самоцелью. Маркс и Энгельс были людьми, поставившими перед собою задачу практического освобождения человечества. Лишь пролетариат мог разрешить эту всемирно историческую задачу. Поэтому Маркс и Энгельс должны были стать и стали вождями международного пролетарского движения, снабдив его теоретическим оружием революционного преобразования действительности.

КАТЕГОРИЯ НЕОБХОДИМОСТИ И ЕЕ СООТНОШЕНИЕ С ДРУГИМИ КАТЕГОРИЯМИ ДИАЛЕКТИКИ

Необходимость – это объективная, общая связь, выражающая единичное не в его единичности, а в его общности; эта связь опосредствована всем предшествующим ходом развития соответствующей сферы явлений и неизбежно наступает при наличии определенных условий.

Вполне понятно, что это краткое определение не может дать исчерпывающую характеристику категории необходимости. Более того, каждая из указанных особенностей необходимости нуждается в подробном анализе.

Прежде всего следует отметить, что категория необходимости отражает объективные процессы и связи, существующие вне и независимо от человеческого сознания, от духа вообще и не нуждающиеся в своем существовании ни в человеческой воле и представлении, ни в абсолютной идее, ни в какой бы то ни было внешней силе.

В ряде философских и экономических работ смешиваются понятия об объективности и стихийности, и на этой основе делается ложный вывод о том, что объективными могут быть только те явления и процессы, которые не познаны людьми. Как только познается необходимость, закономерность данных явлений и процессов, они теряют свою объективность и становятся в зависимость от человеческого сознания. После этого, человек, якобы, в соответствии со своими желаниями, своей волей, может уничтожить их, заменить одни другими.

Во-первых, здесь обнаруживается неточное понимание стихийности. Под стихийностью следует понимать не только процессы и явления, еще не познанные людьми, но и те, перед которыми люди бессильны и не могут вмешиваться в их действие даже в том случае, когда они познаны ими. Стихийные процессы это такие процессы, которые вызываются действием сил, не поддающихся влиянию человека, которые не могут быть контролируемы или организованы людьми, либо в силу незнания

их закономерностей, либо из-за отсутствия средств для управления ими.

Во-вторых, отрицается объективность познанных людьми процессов и явлений, их действие ставится в зависимость от человеческой воли, что приводит через волюнтаризм к субъективному идеализму. На практике же эта точка зрения наносит громадный ущерб делу строительства коммунизма, делу мира во всем мире и т. д. Игнорирование объективных законов общественного развития, неправильное понимание роли народных масс и личности в истории приводят, например, к таким чуждым марксизму-ленинизму явлениям, как культ личности.

Объективность закономерностей совершенно не зависит от того, знают люди о них или не знают. Разница лишь в том, что в случае познания объективных закономерностей, которым данные явления подчиняются в своем развитии, люди имеют возможность ускорить или замедлить их осуществление, получают возможность ограничить или расширить размеры действия этих законов, изменить направление их действия; в том же случае, когда люди не знают закономерностей тех или иных процессов или явлений они не могут поставить их на службу человеку, и потому находятся целиком и полностью во власти стихийно действующих сил.

Приведем следующий пример: большие реки, как известно, являются источником громадного количества энергии; в древнейшие времена, когда люди не знали о том, что воды рек обладают большой энергией, в значительной части эта энергия тратилась бесполезно, а часто даже во вред людям. В силу разных естественных условий реки, выходя из своего русла, затопляли громадные территории, в результате чего люди оставались без крова и без пищи, а многие погибали. Человек считал, что эти бедствия неотвратимы, потому что он не знал закономерностей, управляющих этими явлениями. Но в дальнейшем, углубляя свои знания, чтобы предотвратить эти бедствия, люди начали строить плотины, большие каменные стены на берегах рек, каналы и т. д.

Приведенный пример и множество других, не говорят о том, что люди, познавая законы природы, могут изменить их уничтожить или заново сформировать. Наоборот, деятельность людей только тогда может быть успешной, когда она основывается на познании объективной необходимости, закономерности.

Рассматриваемая особенность категории необходимости, а именно то, что необходимость выражает объективные процессы и явления, является весьма важным теоретико-познавательным пунктом, разделяющим философские направления. «...Выведение порядка и необходимости природы не из внешнего объективного мира, а из сознания, из разума, из логики и т. п. не только отрывает человеческий разум от природы, не только противопоставляет первый второй, но делает природу частью разума, вместо того, чтобы разум считать частичкой природы»¹. Это – идеализм. «Признание объективной закономерности природы и приблизительно верного отражения этой закономерности в голове человека есть материализм»². Взгляды Канта и Гегеля по данному вопросу нам уже известны. Все же последующие школы и школки идеализма в этом вопросе придерживаются точки зрения своих предшественников и стараются лишь «обогащать» их новыми «доводами». Точка зрения махизма, например, в наиболее краткой, сжатой и ясной форме дается в следующих положениях его лидеров. Мах пишет: «Кроме логической (курсив Маха), какой-нибудь другой необходимости, например, физической, не существует»³.

Другой представитель махистской философий К. Пирсон считает, что «необходимость находится в мире понятий и лишь бессознательно и нелогично переносится нами в мир восприятий»⁴. Один тот факт, что «Грамматика науки» Пирсона содержит параграф, названный им «необходимость принадлежит

---

¹ В.И. Ленин. Сочинения, т. 14, стр. 142

² Там же.

³ Цит. По кн. В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (сочинения, т. 14, стр. 146)

⁴ К. Пирсон. Грамматика науки, стр. 165

к миру понятий, а не к миру восприятий», яснее ясного говорит о позиции автора по отношению к проблеме необходимости. Для него необходимость не присуща самому объективному миру; она не имеет реального содержания в действительности, а «лежит в природе мыслящих существ» и, следовательно, является продуктом их воспринимающей способности.

В изложении точки зрения эмпириокритицизма по данному вопросу Пирсон более откровенен и последователен, чем его учителя Мах и Авенариус, часто противоречащие сами себе. Пирсон заявляет: «Научный закон относится к восприятиям и понятиям, образуемым воспринимающей и размышляющей способностями человека. Вне связи с ними он не имеет никакого смысла. Он – резюме или краткое выражение взаимоотношений и чередований известных групп этих восприятий и понятий, и существует только тогда, когда человек его сформулировал... Они не имеют никакого отношения к чему-то находящемуся позади человека, они имеют отношение лишь к специальным продуктам его способности восприятия»¹. Далее следует параграф под названием «Человек, как творец закона природы», суть которого выражается в следующем: «Закон в научном смысле слова есть, по существу, продукт человеческого духа, не имеющий смысла помимо человека. Он обязан своим существованием творческой мощи его интеллекта. Имеет больше смысла утверждать, что человек дает законы Природе, чем, наоборот, что Природа дает законы человеку»².

По существу такой же точки зрения придерживаются и представители современного прагматизма. Основное их положение заключается в отрицании в природе и обществе объективной необходимости и закономерности, что означает в свою очередь отрицание объективного характера науки. Член прагматистского кружка «Метафизический клуб» Оливер Уэнделл Холмс так выражает свою признательность своему учителю, одному из основоположников прагматизма Чонси Райту, за его учение, отрицающее необходимость в мире: «Чонси

---

¹ К.Пирсон. Грамматика науки, стр.165

² Там же. Стр.111

Райт, почти забытый философ, достойный этого звания, учил меня в дни моей молодости, что я не должен говорить о необходимости во вселенной, что мы не знаем, является ли необходимым что-нибудь или нет»¹.

Таким образом, легко прослеживается линия, проходящая через философские системы Беркли, Канта, Гегеля, махизма и современных субъективно-идеалистических школок: самой природе не присущи объективные законы, необходимость; они диктуются ей человеческим разумом, абсолютной идеей и т. д.

Вся беда этих философов, как указывает Энгельс, заключается в том, что они не выводят законы, необходимость из самой природы и истории, а навязывают их как законы мышления. «Отсюда и вытекает вся вымученная и часто ужасная конструкция: мир – хочет ли он того или нет – должен сообразоваться с логической системой, которая сама является лишь продуктом определенной ступени развития человеческого мышления»².

Признание объективности связей и отношений, выражаемых категорией необходимости, бесспорно, является центральным пунктом материалистической точки зрения по вопросу необходимости и свободы. Если отрицается объективная необходимость, закономерность, то тем самым теряет всякий смысл разговор о свободе, ибо под свободой, в марксистском смысле слова понимается не абсолютная свобода воли, а познание и практическое применение именно объективных законов объективной необходимости.

Однако, вопрос этим не исчерпывается. Одно указание на объективность необходимости не раскрывает всей ее сущности, не дает нам возможности провести разграничение между необходимостью и столь же объективными связями как случайность, причинность и т. д. Стало быть, наряду с этой общей особенностью необходимости есть еще другие ее особенности, которые присущи необходимости, но не свойственны, например, случайности и которые позволяют нам отделить их друг от друга.

---

¹ Г.Уэллс. Прагматизм

² Ф.Энгельс. Диалектика природы. Госполитиздат, 1950, стр.38

Такой особенностью необходимости является то, что она вытекает из всего предшествующего хода развития явления. Она подготавливается всеми сторонами явления, всем предшествующим существованием его. Поэтому она выступает как выражение внутреннего развития» закономерного развития внешнего мира.

Необходимые процессы и явления обладают той особенностью, что при наличии определенных условий они неизбежно наступают. В результате внутреннего развития самой необходимости, а также изменения внешних условий, в которых действует эта необходимость, она переходит из одного этапа в другой.

Вообще следует провести разграничение между фатальностью, неизбежностью и необходимостью, так как их смешивание приводит к большой путанице в понимании необходимости.

Под фатальностью обычно понимают неминуемую необходимость каждого совершающегося события – все равно, большого или малого. То, что, например, такой-то человек попал под машину в такой-то день и в такой-то час и, именно, под такую-то машину, было предопределено уже тогда, когда наша солнечная система была еще в первоначальном газообразном состоянии. Еще тогда якобы положение вещей предсказывало это явление, которое по своему значению может стоять в ряду таких явлений, как общественное производство.

По сути дела, сторонники фатализма говорят то же самое, что и сторонники божественного предопределения. Разница только в том, что первые объясняют это самой природой, а вторые связывают это с божественными предначертаниями.

Фатализм, как и теория божественного предопределения, чужд марксизму и ничего общего не имеет с марксистским учением о необходимости.

Что же касается необходимости и неизбежности, то нам кажется, что неизбежность является лишь решающим этапом в развитии необходимости, когда исключается многообразие форм

возможностей проявления необходимости и остается лишь одна, посредством которой реализуется необходимость.

Наконец, необходимость выражает общее в явлениях «необходимость = «общее бытия» (всеобщее в бытии)...»¹.

Общее есть то, что остается, повторяется в ряде явлений, процессов, то, что составляет более или менее устойчивый элемент в вечно развивающихся явлениях. Общее как бы объединяет процессы и явления соответственно их повторяющимся свойствам, связям и отношениям, которые имеют сходство, несмотря на бесконечное многообразие форм их проявления, несмотря на индивидуальные различия, которые, наоборот, отличают одни явления от других. Но из этого совсем не следует делать вывод, что общее в вещах и явлениях есть нечто самостоятельное, существующее вне единичного, вне его конкретных форм. Также и наоборот: не может быть такого единичного явления, которое бы не имело ничего общего с другими явлениями. В.И. Ленин в «Философских тетрадах» дает следующую характеристику соотношения, единичного и общего. «...Отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д., и т. д. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами) и т. д. Уже здесь есть элементы, зачатки понятия *необходимости*, объективной связи природы etc.»².

Таким образом, выражая общее, необходимость, по сути дела выражает единичные явления, но не в их единичности, а в их общности. Проиллюстрируем наши положения на примере марковского анализа товара, его потребительной стоимости и стоимости.

---

¹ В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 248.

² В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 329.

Товар есть не что иное, как «внешний предмет, вещь», удовлетворяющий благодаря своим свойствам человеческие потребности. При этом совершенно безразлично то, каков характер этих потребностей и как они порождаются, также безразлично и то, как эти вещи удовлетворяют эти потребности: непосредственно, как предмет потребления, или опосредствованно, как средство производства. Этим самым вещи и предметы, являющиеся товарами, выступают как потребительные стоимости в своих конкретных единичных формах: стол, стул, шкаф и т. д. Эти же вещи, как потребительные стоимости, являются в то же самое время носителями меновой стоимости. Меновая стоимость есть соотношение, пропорция, в которой различного рода потребительные стоимости обмениваются друг на друга. И поэтому она на первый взгляд выступает как нечто случайное, не имеющее внутреннего необходимого основания.

Предположим, что один трактор обменивается на x тонн хлопка, на y тонн пшеницы, на g тонн апельсинов и т.д. Если каждое из указанных x тонн хлопка, y тонн пшеницы и g тонн апельсинов составляет меновую стоимость трактора, то, очевидно, что они имеют между собой нечто общее, к чему все они сводятся, проявлением чего они являются как меновые стоимости. Для того, чтобы видеть в них это общее, мы должны отвлечься от их потребительных стоимостей, от их полезности, определяющейся наличием у них тех или иных индивидуальных качеств, т. е. от их единичности. Тогда от них остается только то, что они являются продуктами труда, безотносительно к его конкретной форме. Отвлекаясь от потребительных стоимостей, мы отвлекаемся и от единичных качеств, характеризующих тот или иной товар. Перед нами теперь не хлопок или пшеница, или апельсин и т. д. и вовсе не продукт труда хлопководов, или садоводов, а товар, как продукт человеческого труда. Все эти вещи выступают как выражение потраченной на их производство человеческой рабочей силы, человеческого труда, «как кристаллы этой общей им всем общественной субстанции, они –

стоимости товарные стоимости»¹. «Таким образом, то общее, что выражается в меновом отношении, или меновой стоимости товаров, и есть их стоимость»². А величина стоимости товаров определяется общественно необходимым трудом, количество которого измеряется рабочим временем, потраченным на их производство. Это и есть то общее, необходимое, закономерное, которое объединяет все единичные явления данного класса – все товары. Хотя во всех обмениваемых друг на друга товарах существует необходимое и общее – их стоимость, тем не менее, товары никогда не выступают перед нами как стоимости в их чистом виде. Они всегда выступают как конкретные потребительные стоимости, например, как стол, стул и т. п., которые являются в то же время выражением общего – стоимости. Итак, на первый взгляд кажущиеся случайными меновые отношения, пропорции, в которых различные товары обмениваются друг на друга, есть на самом деле лишь формы проявления, глубинных, необходимых, закономерных связей и отношений, пробивающих себе путь сквозь все случайности, связанные с обменом.

Необходимость, следовательно, выражает не абстрактное всеобщее, а «всеобщее такое, которое воплощает в себе богатство особенного, индивидуального, отдельного (все богатство особого и отдельного!!!)»³, в том смысле, что необходимое и общее существуют лишь в единичном и проявляются лишь через единичное.

Следует отметить, что в вопросе о соотношении общего и единичного, с одной стороны, и необходимости и случайности, с другой – существуют две неверные точки зрения. Сторонники одной из них утверждают, что общее выражается в необходимости, а единичное – лишь в случайности. В таком утверждении нет ничего неверного, если правильно понимать диалектику общего и отдельного, именно, что не может существовать общее без единичных явлений, так же, как не могут

---

¹ К.Маркс. Капиталь, т. I, стр.44, 1949

² Там же, стр.45

³ В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 73.

существовать абсолютно единичные явления, не имеющие ничего общего с другими явлениями. К сожалению, указанная точка зрения как раз отходит от такого понимания и склоняется к тому, чтобы в одном явлении, видеть лишь общее, а в другом явлении – лишь единичное.

Сторонники другой точки зрения утверждают, что необходимость выражается не только, в общем, но и в единичном, и поэтому не всякое единичное есть случайное. Опять таки при правильном понимании диалектики отдельного, и общего в этом утверждении нет ничего неверного. Ибо было бы грубой ошибкой представлять себе дело так, будто необходимость выражается в общем, а единичные, явления относятся лишь к области случайности.

На самом деле необходимое находит свое полное выражение лишь в общем, но при этом (поскольку само общее реализуется через единичное) оно проявляется всегда через единичное; единичное же в этом случае не есть случайное. Сторонники же указанной точки зрения единичное иногда рассматривают как абсолютно единичное, а не часть общего, а потому и впадают в ошибку.

В доказательство второй точки зрения приводится такой пример: определенное тело погружается в воду и выталкивается из воды с силой, предположим, в 20 тонн. Это необходимое, но единичное явление и поэтому не может быть возведено в ранг закона. Закон Архимеда, мол, основывается не на такого рода отдельных явлениях, а на общем, имеющемся в них, и поэтому данное единичное явление необходимое, но не составляет закона.

Это верно, что наука не может открыть закон, основываясь на учете лишь отдельных явлений. Для этого необходимо, чтобы данный процесс повторялся в ряде явлений и был бы изучен наукой. Только после этого наука может прийти к выводу, что такая-то группа явлений, или такая-то форма движения подчиняется в своем развитии такому-то закону. Но одно дело открытие закона для нас, и совершенно другое дело его объективное действие, независимо от того, знаем мы его или не знаем. В действительности мы не найдем какого-то чисто общего

проявления закона вне единичного. Закон всегда проявляется только в единичных явлениях, причем в самых различных формах и в зависимости от различных условий. Поэтому неправильно говорить, что факт выталкивания погруженного в воду определенного тела с силой в 20 тонн есть лишь единичное (хотя в определенном смысле это явление может быть рассмотрено как единичное). Явление выталкивания тела из воды, как единичное, есть проявление закона, выражающего взаимодействие жидкости и всякого погруженного в него тела. Стало быть, это единичное включает в себя те моменты, которые являются общими и для других явлений подобного же рода. Такое единичное явление и есть выражение общего, необходимого, закономерного, а также включает в себя и моменты, отличающие его от других явлений. Поэтому различные черты индивидуального могут быть и необходимыми и случайными.

Таким образом, если мы, забывая о диалектическом, конкретном подходе к явлениям, будем отгораживать единичное от общего, то мы неизбежно разорвем необходимое и случайное, и тем самым окажемся на метафизических позициях.

Для выяснения того, что представляет собой необходимость и каково соотношение необходимости и свободы, весьма важную роль играет правильное понимание случайности и ее соотношения с необходимостью, что в свою очередь непосредственно связано с выяснением природы причинности.

Противоположность необходимости и случайности одна: из тех противоположностей, которые для метафизики представляли неразрешимую трудность. В «Диалектике природы» Энгельс посвящает выяснению этого важного вопроса специальную статью, где он, наряду с резкой критикой метафизического понимания этой проблемы, дает ее изложение с позиций диалектического материализма. Для обычного здравого смысла и для большинства естествоиспытателей, указывает Энгельс, необходимость и случайность – это такие категории, которые исключают друг друга. Согласно этой точке зрения, если в отношении одного явления мы утверждаем, что оно необходимо,

то уже нельзя утверждать, что оно в то же время случайно. Необходимость и случайность, таким образом, существуют в природе бок о бок, совершенно не мешая друг другу. Для человека важно не смешивать их и необходимое считать необходимым, а случайное случайным. Согласно такому метафизическому пониманию соотношения необходимости и случайности, наука имеет в качестве предмета своего изучения только необходимые явления, а всем случайным может пренебречь. Это значит, что все, что люди знают, объявляется необходимым, а все остальное – случайным.

Считая необходимым все то, что можно подвести под всеобщие законы, а случайным все то, что нельзя подвести под эти законы, сторонники этой точки зрения объясняют все непонятные для них явления сверхъестественными причинами. «При этом для существа самого дела совершенно безразлично, назову ли я причину необъяснимых явлений случаем или богом. Оба эти названия являются лишь выражением моего незнания и поэтому не относятся к ведению науки»¹.

Далее Энгельс приводит вторую, противоположную первой, точку зрения. Это – точка зрения Спинозы, французских материалистов и других, в дальнейшем перенесенная в естествознание. Они гораздо легче справляются с вопросом, просто отрицая существование какой бы то ни было объективной случайности. «Согласно этому воззрению, в природе господствует лишь простая, непосредственная необходимость»². Насмехаясь над сторонниками такого взгляда, Энгельс говорит, что, по их мнению, необходимым, например, является даже то, что меня блоха укусила именно в 4 часа, а не в 3 или в 5, и притом именно в правое плечо, а не в левую икру. Более того, по их мнению, этот факт должен был быть именно таким, так как даже газообразная масса, из которой в дальнейшем образовалась солнечная система, была устроена так, что блоха не могла укусить на одну минуту раньше или позже, или где-нибудь в другом месте; К этому привел весь ход предшествующих

---

¹ Ф.Энгельс. Диалектика природы. стр.172

² Там же, стр.173

событий. На законно возникающий вопрос: но почему же эти явления нам кажутся случайными? они отвечают: потому что мы до конца не знаем их причины. Есть один закон, это – закон всеобщей необходимости, которому подчинено и то, что мы. вследствие незнания их причин, называем случайностью. Средством для устранения нашего незнания, а, следовательно, и случайности является наука.

Энгельс указывает, что «с необходимостью этого рода мы тоже еще не выходим за пределы теологического взгляда на природу»¹. Если движение маленькой пылинки такого же рода явление, как закон тяготения или закон сохранения и превращения энергии, если тот факт, что блоха укусила меня в 4 часа, а не в 3 или в 5, явление однородное с движением всей солнечной системы, то, собственно, «не случайность поднимается до уровня необходимости, а необходимость деградирует до уровня случайности»². И если наука поставит перед собою задачу определить причину того, почему блоха укусила именно там и в такое то время, или почему хвост данной собаки 45-сантиметровый, а не 40 или 50, то эта наука подобна средневековой схоластически-христианской «науке», стремящейся выяснить сколько ангелов может поместиться на острие иголки. Это пустое занятие, не дающее науке ничего, так как каждое явление имеет бесконечное количество индивидуальных особенностей, черт, порою чисто случайных, и гнаться за выяснением причин такого рода явлений не входит в задачу науки.

Отрицание объективной случайности вытекает из отождествления причинности и необходимости.

Ввиду невозможности в рамках данной работы подробно остановиться на анализе вопроса о причинности, мы коснемся его лишь в связи с интересующим нас вопросом, а именно: в связи с соотношением необходимости и причинности.

Причинность является одной из форм универсальной связи, выражающей всеобщую мировую связь. При этом причинность

---

¹ Ф.Энгельс. Диалектика природы. 1950, стр.172

² К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, т. XIV, стр.603

выражает эту связь лишь частично, односторонне, неполно. Универсальная связь явлений выражается также в форме таких связей, каковыми являются необходимость, случайность, закономерность и т. д. «Причина и следствие, *ergo* лишь моменты всемирной взаимозависимости, связи (универсальной), взаимосцепления событий, лишь звенья в цепи развития материи»¹. «Всесторонность и всеобъемлющий характер... неполно...» выражается каузальностью².

Значит причинность так же, как и любая из указанных нами форм мировой связи – необходимость, случайность и т. д. – выражает лишь одну сторону всеобщей, универсальной взаимосвязи. Поэтому нельзя сводить все другие формы связи только к причинно-следственным, а также причинно-следственную связь – к простой последовательности событий во времени. Если бы причинность охватывала все стороны универсальной связи, то причинность и необходимость неизбежно должны были бы совпасть. Если же это так, то каждое явление, большое или малое, является необходимым, так как в причинной обусловленности любого явления не может быть сомнения. А каждое необходимое явление, по мнению сторонников этой точки зрения, осуществляется помимо воли и желания людей. Следовательно, люди бессильны изменить любую из цепей причинности, что неизбежно приводит к фатализму.

Поэтому нельзя отождествлять причинность и необходимость. То, что каждое явление причинно обусловлено, – это всеобщий закон, ибо беспричинного явления нет. Но не все причинно-следственные связи необходимы. Они могут быть как необходимыми, так и случайными. Причинная связь, вытекающая из внутреннего развития явления, и при наличии определенных условий, приводящая к определенным следствиям, что может быть сформулировано в виде закона, является необходимой. Всякое научное познание предполагает выявление именно таких причинно-следственных связей между явлениями.

---

¹ В.И. Ленин. Философские тетради, стр.134

² Там же, стр.135

Познание разлагает сложную сеть оплетающихся между собою явлений и предметов, выделяет различные цепи явлений, а в каждой из них – пару явлений, из которых одно выступает как причина, а другое – как следствие. Только абстрагируя из всеобщей связи отдельные явления, мы можем говорить об одном из них как о причине, а о другом из них как о следствии. Во всеобщей связи же каждое из них выступает и в той и в другой роли. Явление, выступающее здесь в каком-то отношении как причина, выступает там в другой связи как следствие, и так до бесконечности. Когда же мы говорим о необходимой и случайной причинно-следственной связи, мы имеем в виду конкретную связь между явлениями, рассматриваемую в определенном отношении. Только благодаря выделению такой необходимой причинно-следственной связи между явлениями, становится возможным практическое вмешательство людей в естественное течение вещей.

В.И. Ленин в связи с этим указывал: «Мы не можем представить, выразить, смерить, изобразить движения, не прервав непрерывного, не упростив, углубив, не разделив, не омертвив живого».

Из всего сказанного вовсе не следует, что случайные причинные связи не играют никакой роли в изменении и развитии явлений, и поэтому ими можно пренебречь. Бесспорно что порою и они играют весьма значительную роль. Но в противоположность необходимым причинным связям, они не обуславливаются всем закономерным ходом изменения и развития явления, а происходят в силу каких-то внешних обстоятельств, присутствие которых не является обязательным для естественного хода развития явления; Поэтому случайности иногда играют более или менее важную роль и их предвидение и учет бывают необходимы для практической деятельности людей.

Широко распространенное положение, что наука – враг случайности, вовсе не говорит о том, что наука не должна брать во внимание случайности и что она может пренебречь ими. В таком случае не было бы науки, так как чистой необходимости без случайности нет. Задача науки как раз в том и заключается,

чтобы не ограничиваться в процессе познания регистрацией случайных явлений, а пойти дальше и вскрыть необходимость, пробивающую себе путь сквозь все случайности, лежащие на поверхности явлений.

В свое время еще Гегель выступал, хотя и с идеалистических позиций, против такого воззрения, которое считает, что случайности в объективном мире нет, что она «чисто» субъективная категория. Гегель пишет: «Совершенно правильно, что задача науки и, в особенности философии, состоит вообще в том, чтобы познать необходимость, скрытую под видимостью случайности; это, однако, не следует понимать так, будто случайное принадлежит лишь области нашего субъективного представления и поэтому должно быть всецело устранено для того, чтобы мы могли достигнуть истины»¹.

Случайное, по Гегелю, это то, «что может быть и может также не быть, которое может быть таким, а также и другим, чье бытие или небытие, бытие такого или другого рода, имеет свое основание не в нем самом, а в другом»².

У Гегеля, случайность относится к области внешней действительности. Она лежит на поверхности явлений. Возможность появления случая определяется характером внешнего, составляющего сторону сущности действительности, так как действительность есть единство внутреннего и внешнего. Случайность лишена основания постольку, поскольку она не имеет основания во внутреннем, но, с другой стороны, она имеет основание постольку, поскольку не может быть явления без основания. Но ее основание не заключается во внутреннем развитии явления. Она возникает из внешнего столкновения, обстоятельств и поэтому имеет характер единичного факта. Каждый единичный факт, возникший из внешнего столкновения обстоятельств, обладает и моментом случайности.

Наконец, Гегель считает, что всякое случайное необходимо, а необходимость сама определяет себя как случайность. На первый взгляд может показаться нелепым утверждение, что

---

¹ Гегель. Сочинения, т I, стр.245

² Там же, стр.243

всякое случайное необходимо, ибо тогда случайность сводится к необходимости, и вообще бессмысленно говорить с случайности и необходимости как о чем-то отличном друг от друга. Но, говоря о том, что всякое случайное необходимо, Гегель вовсе не имеет в виду, что каждое случайное явление необходимо для данных условий, данных обстоятельств. В таком случае случайное и необходимое совпали бы. Утверждение «всякое случайное необходимо» означает лишь, что случайность является необходимой в том смысле, что она представляет форму проявления необходимости. Итак, тот факт, что необходимость должна проявляться в виде случайности является неизбежным, но в виде какой именно случайности осуществляется это проявление – зависит от того, какие воздействия претерпело данное явление от многочисленного ряда иных случайных факторов на протяжении всего хода его развития.

Учение диалектического материализма о случайности и необходимости является адекватным отражением определенных сторон взаимодействия вещей в объективной реальности. Диалектический материализм отвергает положение ряда метафизиков о том, что случайность есть выражение нашего незнания, а, следовательно, понимание случайности как чисто субъективной категории, не имеющей никакого прообраза в реальной действительности. Согласно диалектическому материализму, случайность так же, как и необходимость выражает объективные вне и независимо от нас существующие связи, которые отражаются нашим сознанием в виде категории случайности. Случайность не беспричинна, она, как и все явления, имеет свою причину. Случайность и необходимость не существуют в природе отдельно, они составляют два необходимых звена единого взаимодействия, два необходимых момента единого процесса. Они взаимно дополняют друг друга.

Необходимость составляет главное направление, тенденцию развития или изменения того или иного явления, которой, однако, сопутствуют те или иные отклонения, являющиеся случайными. Организм, например, рождается, развивается и, наконец, умирает. Это главная, необходимая линия, имеющая место в

жизни каждого организма. Но эта необходимость сопровождается бесчисленным количеством случайностей, которые в той или иной мере играют роль в ее осуществлении. Совершенно случайно, например, то, где и в каких условиях он рождается. Организм может родиться в неблагоприятную погоду и при других неблагоприятствующих условиях (отсутствие пищи и т.д.) и тогда он, не выдержав суровых условий (недостаток пищи, холод и т. д.), умрет.

Здесь случайность, т. е. смерть молодого организма, возникает в точке перекрещивания двух необходимых цепей явлений. Необходимым является рождение организма и дождливая, холодная погода, отсутствие пищи в данное время и в данном месте. Необходимые цепи явлений, приводящие, с одной стороны к рождению организма, а с другой – к определенным климатическим условиям, осуществляются в свою очередь через многочисленные случайности. Если мы, например, рассмотрим первую цепь явлений, приводящую к рождению организма, то мы увидим, что вовсе не обязательно, что бы он родился именно в такую-то минуту. Время рождения организма могло варьировать в определенных пределах, что зависело от образа жизни, питания, жизнеспособности материнской особи и т. д. Все эти многочисленные случайные факторы накладывают свою печать на процесс реализации необходимости, в результате чего последняя проявляется только через них.

С другой стороны, перекрещивание этих двух необходимых цепей явлений – рождения организма и определенных климатических условий – не было вызвано внутренним развитием их. Но тем не менее в этом случайном перекрещивании находит свое проявление необходимость, а именно необходимость смерти любого организма. Однако, эта необходимость реализуется всегда в форме случайности.

Таким образом, случайность и необходимость так тесно переплетены друг с другом, что одно и то же явление в одном отношении выступает как случайное, а в другом – как необходимое. Необходимость всегда пробивает себе путь через

многочисленные случайности. Случайность есть форма существования и проявления необходимости, ее дополнение.

После такой краткой характеристики необходимости и ее соотношения с категориями причинности, закономерности и случайности мы приступим к определению свободы и выяснению соотношения категорий необходимости и свободы.

КАТЕГОРИЯ СВОБОДЫ. СООТНОШЕНИЕ НЕОБХОДИМОСТИ И СВОБОДЫ

Диалектико-материалистическое понимание свободы отличается от домарксовского ее понимания не только своими частностями. Марксистское понимание свободы является качественно новым, как в постановке самого вопроса, так и в его решении. Энгельс так определяет свободу в работе «Анти-Дюринг»: «Свобода... состоит в основанном на познании необходимостей природы (Naturnotwendigkeiten) господстве над нами самими и над внешней природой, она поэтому является необходимым продуктом исторического развития»¹.

Это самое общее определение раскрывает перед нами основные аспекты свободы и указывает на ее исторический характер. Свобода, таким образом, есть основанное на познанной необходимости господство человека, во-первых, над силами природы, во-вторых, над силами общественной жизни, и в-третьих, над самим собою. Развитие свободы в этих трех направлениях наблюдается во всей истории человечества, независимо от того, как ставилась и разрешалась эта проблема в истории философии. Если в истории философии вопрос о свободе в большинстве случаев выступал как вопрос о свободе воли (на первый план выдвигалось обсуждение поступков, поведения индивида, при этом свобода или отождествлялась с произволом, с беспричинностью, или вовсе отрицалась) то от этого не менялся исторически необходимый и объективный процесс реализации свободы. Общественно-историческое развитие шло все дальше и дальше по пути к более полному осуществлению свободы. Если мы будем рассматривать свободу в единстве ее трех сторон, то перед нами откроется весьма интересная и на первый взгляд противоречивая картина. Рассматривая развитие общества только с точки зрения познания людьми природы и господства над нею, другими словами, только с точки зрения активной

---

¹ Ф.Энгельс. Анти-Дюринг. М., 1953, стр.107

познавательной-практической деятельности людей, направленной на подчинение природных сил, мы обнаруживаем, что каждый шаг в развитии науки, производства и т. д. есть шаг в развитии свободы. С прогрессом общества и науки люди все больше освобождаются от различных, чуждых им природных сил.

Познание человеком законов природы и господство над нею осуществляется в процессе развития общественного бытия. производственных отношений, развития производства. Поэтому господство человека над силами природы обязательно надо рассматривать в связи с конкретными общественно-производственными отношениями людей на данном этапе развития общества.

Первобытный человек был несвободен по отношению к природе, он был почти целиком и полностью в ее власти; природа господствовала над ним как слепая, непреодолимая сила. Но, с другой стороны, когда мы переходим к рассмотрению общественных и производственных отношений первобытнообщинного строя, обнаруживается нечто иное. В условиях первобытнообщинного строя в производстве господствовал принцип общего и обязательного труда, общественная собственность на орудия, средства производства и продукты производства. Следовательно, отсутствовала всякая эксплуатация человека человеком, существовали отношения сотрудничества и взаимопомощи участвовавших в трудовой деятельности людей; люди господствовали над продуктами своего труда, а не наоборот.

Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», характеризуя общественный строй ирокезов, писал: «Ирокезы были еще весьма далеки от власти над природой, но в известных, доступных для них границах они были господами своего производства»¹. Они не могли знать, найдут ли завтра средства к существованию и сколько их найдут, но когда эти средства бывали добыты, то не могло произойти никаких неожиданностей в распределении их. Не могло случиться, чтобы одни присвоили эти средства, а другие

---

¹ К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч.1, стр.91

лишились бы их. Правда, «производство вращалось в самых узких рамках, но продукт находился целиком во власти производителей. Это было громадным преимуществом варварского производства, преимуществом, которое с появлением цивилизации было утрачено. Задачей ближайших поколений будет обратное завоевание его, но уже на основе ныне приобретенного могучего господства человека над природой и на основе ставшего теперь возможным свободного товарищества (freien Association)»¹.

Диалектика развития общественной истории такова, что г увеличением власти человека над природой, с развитием производительных сил, в связи с ростом разделения труда, с появлением частной собственности на средства производства человек теряет власть «ад производством и над продуктом собственного труда. До тех пор пока продукты человеческого труда предназначались для удовлетворения его собственных потребностей, они были во власти их производителей. Как только эти продукты из средств непосредственного удовлетворит потребностей производителя превратились в средства обмена, человек потерял свою власть над ними. Отчуждая продукты своего труда путем обмена его с другими производителями, он уже не знает о дальнейшей их судьбе. Отсюда и возникает возможность использовать эти продукты в целях эксплуатации и угнетения их производителей. Мертвый накопленный труд – продукты производства, начинает господствовать над живым трудом, над людьми, производящими их. Труд производителя в его накопленном виде становится орудием эксплуатации и порабощения его самого.

Все это происходит благодаря развитию производительных сил общества, благодаря увеличению власти человека над природой. Как только становится возможным удовлетворить потребности одних за счет труда других, общество с необходимостью распадается на классы, один из которых постепенно становится обладателем всего богатства общества и, следовательно, всех возможностей для своего развития, а другой

---

¹ Там же.

лишается всего – и богатства, и возможностей свободного развития, т. е. попадает в зависимость от первого, угнетается им.

Следовательно, увеличивая свою власть над природой, люди стали рабами ими же созданных материальных ценностей, они потеряли власть над своим производством. И чем дальше развивается общество, чем шире становится господство людей над природными силами, тем более усиливается порабощение одних людей – большинства, другими людьми – меньшинством, тем сильнее становится господство мертвого труда над живым.

Однако любая познанная природная сила при использовании ее в общественных целях в той или иной мере освобождает общество от его естественного подавления стихийными силами природы. С развитием производства в эпоху, когда возникает классовое общество, прогресс его независимости от стихийных, слепых сил природы осуществляется все более быстрыми темпами. В то же время внутри общества происходит процесс разделения на антагонистические классы. Все произведенные продукты присваиваются лишь меньшинством, а остальные (большинство) вынуждены голодать и нищенствовать. Причину такого положения надо искать не в том, что якобы природа не дает достаточных средств для нормальной жизни всех членов общества (доказательств чего, кстати, служат многочисленные писания неомальтузианцев), а в существующей форме распределения продуктов производства. Производят одни, а присваивают другие. Вот источник всех бедствий в антагонистических классовых обществах.

Предоставленная в распоряжение общества свобода, благодаря возросшему господству людей над природными силами, встречает на своем пути более сильное препятствие – господствующие общественные отношения, которые обеспечивают: «свободу» для одних – меньшинства, и «несвободу», угнетение для других – большинства. Значит, для того, чтобы господство над природными силами было бы действительной свободой, свободой не для незначительной части общества, а свободой для всех его членов, необходимо, чтобы люди господствовали над общественно-экономическими силами,

порожденными самими людьми в процессе исторического развития.

В дальнейшем нам представится случай более глубоко осветить этот вопрос, поэтому, здесь мы, ограничимся сказанным и перейдем к анализу механизма превращения необходимости в свободу.

Свобода есть господство людей над силами внешнего мира и над самим собой. Но что значит господство людей над внешними силами и над самим собой и каким образом оно приобретается? Ответ на эти вопросы требует всестороннего и глубокого анализа процесса превращения необходимости в свободу.

Мы ни в какой мере не становимся господами внешнего мира, внушая себе мысль, что мы свободны. Человек может думать все, что угодно, только в этом его свобода безгранична: он может думать, что он создал материальный мир и продиктовал ему законы и в любой момент может его уничтожить и создать новый мир, соответствующий его настроению уничтожить его законы и установить новые. Однако это воображаемое «господство» человека над миром ровно ничего не меняет в самом объективном мире и ничего не приносит человеку. Мир развивается на основе собственных законов, а человек, если он пытается противопоставить свои интересы, объективному ходу развития мира, терпит поражение, если же, наоборот, человек сознательно или бессознательно согласовывает свои желания с законами развития материального мира, то добивается успеха. Успех человека в его практической деятельности ничуть не связан с его воображаемой свободой, воображаемым господством над внешним миром. На против, степень его успеха зависит от степени согласованности его целей и задач с объективным ходом развития, другими словами, успех практической деятельности человека и согласованность его интересов с законами внешнего мира прямо пропорциональны. Чем больше, человек будет действовать в соответствии с законами окружающего его мира, тем больше будет его успех и наоборот.

Ф. Энгельс пишет: «Не в воображаемой независимости от законов природы заключается свобода, а в познании эти? законов

и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определенных целей»¹.

Таким образом, господство над законами внешнего мир» и над самим собою означает не мысленное освобождение человека от объективных законов (такое воображаемое освобождение человека, основанное на пренебрежении этими законами, ни к чему не приведет, кроме поражения «освобожденного»), а в познании этих законов и использовании их в целях дальнейшего развития общества в целом.

Процессы познания и использования в практической деятельности познанного – две стороны единого процесса общественного развития. Их нельзя рассматривать как два самостоятельных, происходящих независимо друг от друга, процесса. Человек познает объективные, существующие вне его и независимо от него предметы, их связи и отношения только в той мере, в какой это необходимо для его практических нужд. Отражение внешнего мира в человеческом сознании является не следствием пассивного созерцания этого мира, а результатом взаимодействия человека и природы, активного воздействия человека на природу, материальную основу которого составляет та деятельность, посредством которой происходит обмен веществ между природой и человеком, т. е. Материально-производственная деятельность. Познавательная и практическая деятельность людей настолько сплетены, что их только условно можно рассматривать раздельно. В действительности же познание и практика выступают как дополнение друг друга, как взаимодвигающие силы. Практика ставит перед познанием новые задачи, претворяет в жизнь результаты познания. Она выступает справедливым судьей всего познанного, критерием его истинности или ложности. Познание в свою очередь открывает простор перед практикой и в то же время осуществляется только через практику.

В.И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» критикует русских махистов за то, что они не различали

---

¹ Ф.Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1953, стр.107

кантианскую непознаваемую вещь в себе и «вещь в себе» в ее диалектико-материалистическом понимании и поэтому обвиняли марксистов в кантианстве. Они не понимали, что в марксизме речь идет лишь о тех вещах в себе, которые еще не познаны людьми, но, безусловно, будут познаны с развитием знания, пауки.

Развитие как индивидуального, так и общечеловеческого сознания на каждом шагу показывает нам превращение непознанной «вещи в себе» в познанную «вещь для нас», превращение слепой, непознанной необходимости, «необходимости в себе» в познанную «необходимость для нас». «Гnoseологически нет решительно никакой разницы между тем и другим превращением, ибо основная точка зрения тут и там одна – именно: материалистическая, признание объективной реальности внешнего мира и законов внешней природы, причем и этот мир и эти законы вполне познаваемы для человека, но никогда не могут быть им познаны *до конца*»¹.

Возьмем следующий пример: развитие промышленности вообще, автомобильной промышленности в особенности, в конце XIX и в начале XX века выдвинуло острую потребность в каучуке. Известно, что в то время он добывался из каучукового дерева. Но, во-первых, естественный каучук не мог удовлетворить потребности быстро развивающейся автомобильной промышленности, во-вторых, плантации каучуконосных деревьев, главным образом, находились во владении Англии и Голландии, и поэтому, естественно, другие страны вынуждены были искать новые источники сырья. Ограниченные возможности расширения производства естественного каучука выдвинули вопрос о новых источниках этого сырья – искусственном каучуке. Понятно, что вначале нужно было произвести анализ естественного каучука, чтобы выяснить физико-химические свойства образующих его веществ и решить задачу получения его искусственного синтеза.

Впервые в 1879 году французский ученый Г. Бушарда получил из изопрена продукт, близкий по своим физико-

---

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 14, стр. 177.

химическим свойствам к натуральному каучуку. Огромная заслуга в деле получения искусственного каучука принадлежит русским ученым – Бутлерову, Фаворскому, Лебедеву. В 1908 году Лебедев начал полимеризацию бромистого винилла и эфиров акриловой кислоты и нашел, что дивинил и его ближайшие гомологи (изопрен и демитилдивинил) при температуре 100-150° склонны к полимеризации с образованием каучукоподобных продуктов. Спустя два года, он впервые получил из дивинила каучук и опубликовал работу: «Исследование в области полимеризации двух этиленовых углеводов».

После победы Великой Октябрьской социалистической революции вопрос о производстве искусственного каучука встал со всей остротой перед молодой республикой. В то время наша страна была почти полностью изолирована от капиталистического мира, и поэтому потребности промышленности мы вынуждены были удовлетворять за счет внутренних ресурсов. В 1926 году по объявленному конкурсу на лучшую работу о получении искусственного каучука прошла работа Лебедева, где были разработаны методы получения из спирта бутадиена, а из него путем полимеризации – каучука. И уже в 1931 году по этим методам была выпущена первая промышленная партия искусственного каучука. И вот тайна раскрыта. Вещь в себе стала вещью для нас. Слепая необходимость превратилась в познанную необходимость. Благодаря использованию этой познанной необходимости, люди обеспечили удовлетворение своих самых разнообразных потребностей. Ныне каучук нашел себе столь широкое применение, что очень трудно дать перечень всех областей жизни, где он используется. Однако люди добились этой победы не потому, что они по своему желанию установили законы образования каучука, а потому, что они путем анализа выяснили физико-химические свойства веществ, образующих каучук, условия, в которых происходит соединение этих веществ, и сами искусственно создали требуемые условия, направив тем самым синтезирование веществ, составляющих каучук, в том направлении, в котором оно должно было идти естественным

путем. Другими словами, люди познали законы образования искусственного каучука и применили их в своей практической деятельности.

Отсюда возникает вопрос: каким же образом происходит процесс превращения «слепой необходимости» в «познанную необходимость», «вещи в себе» в «вещь для нас»? Как и в какой мере человеческое сознание постигает предметы и явления окружающего нас мира? Являются ли человеческие знания полными, исчерпывающими, окончательными, дальше которых не может развиваться познание, является ли познание мгновенным актом человеческого сознания, которое сразу познает нужный предмет? Ответ на все эти вопросы даст нам: механизм превращения слепой необходимости в познанную необходимость, или, что то же самое, превращение необходимости в свободу¹.

«Познание, – пишет В. И. Ленин, – есть отражение человеком природы. Но это не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формирования, образования понятий, законов... и охватывает условно, приблизительно универсальную закономерность вечно движущейся и развивающейся природы»².

В. И. Ленин указывает на следующие моменты процесса отражения объективной действительности в голове человека. Во-первых, это не простое, зеркальное, механическое отражение, а чрезвычайно, сложный, живой диалектический процесс. Его сложность объясняется многообразием и сложностью форм связей и отношений отражаемого материального мира.

Во-вторых, это не непосредственное отражение. Безусловно, в отражении внешнего мира весьма важная роль принадлежит приобретаемым непосредственно чувственным данным, где единичное не дифференцировано от общего, случайное от

---

¹ Тут же следует оговориться, что подробный и всесторонний анализ вышепоставленных вопросов – предмет обширного и специального исследования. Данная же работа не ставит перед собою задачу дать такой анализ. Для нашей цели достаточно осветить общий путь познания законов.

² В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 156.

необходимого, несущественное от существенного, на основе которых осуществляется дальнейший прогресс человеческого знания. Такое непосредственное отражение окружающего мира присуще и животному. Однако человеческий чувственный опыт отличается от чувственного опыта животного тем, что в нем активно участвует мышление. Человеческое познание не ограничивается непосредственным отражением мира, ему присущи такие формы отражения, которые отсутствуют у животных, таковы формы отражения действительности в виде понятий, суждений, научных теорий и т. п.

В человеческом познании непосредственное и опосредствованное составляют два момента единого процесса отражения действительности.

И, наконец, процесс познания это не цельное, не полное отражение. «Человек не может охватить = отразить = отобразить природы *всей*, полностью, ее «непосредственной цельности», он может лишь *вечно* приближаться к этому, создавая абстракции, понятия, законы, научную картину мира и т.д. и т.п.»¹. Это объясняется прежде всего тем, что человеческое сознание не является чем-то вечно существующим и сотворенным какой-то сверхъестественной силой. Оно – продукт определенного уровня развития материи, ее определенным образом организованной формы – мозга. Как и всякое историческое явление сознание имеет свое начало – примитивное сознание первобытного человека, далее оно проходит путь восходящего развития и достигает современного уровня. Чем дальше, тем глубже оно проникает внутрь предметов и явлений внешнего мира, тем больше свойств и сторон открывает оно в них.

Любой предмет, любое явление имеет бесчисленное количество связей и сторон, каждая из которых проявляется в определенном взаимоотношении, обладает бесконечным множеством свойств и качеств. В силу того, что количество свойств, качеств и т.п. предметов бесконечно, предметы и явления никогда полностью не охватываются человеческим познанием. За каждой познанной стороной имеется множество

---

¹ В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 168.

других, пока еще не познанных сторон. Это, конечно, не означает, что они вообще не познаваемы. Наоборот, если они не познаны нами сейчас, то будут познаны нашими потомками. Словом, человеческое познание не может дать полной, цельной, исчерпывающей картины того или иного предмета и явления, но оно вечно приближается к этому.

Наконец, поскольку объективный мир находится в вечном движении, изменении и развитии, где постоянно уничтожаются одни предметы и появляются совершенно другие, где одни связи и отношения заменяются другими, постольку человеческое сознание (если оно хочет дать действительную картину мира) должно следовать за его развитием и иметь подвижные, гибкие, диалектические понятия, категории и т. д., способные отражать гибкость самого мира. «Познание есть вечное, бесконечное приближение мышления к объекту. Отражение природы в мысли человека надо понимать не «мертво», не «абстрактно», *не без движения, не без противоречия*, а в вечном *процессе* движения, возникновения противоречий и разрешения их»¹.

Выше нами было указано, что познание есть процесс ряда абстракций, образования категорий, законов и т. д. При этом огромную роль играют такие способности человеческого ума как отвлечение (абстракция) и обобщение. В процессе познания отвлечение и обобщение осуществляются в единстве. В основе отвлечения лежит способность различения, разделения, расчленения или анализа, в основе же обобщения – способность соединения или синтеза. Самое маленькое обобщение предполагает отвлечение, также как и, наоборот – отвлечение по сути дела есть осуществление обобщения.

Человек не способен познать предмет целиком сразу. Поскольку предмет имеет не одно, а много свойств, неразрывно связанных между собою, человек вынужден выделять интересующие его свойства и отвлекать их от всех других, не интересующих его. Такое отвлечение не дало бы нам ничего, если бы наряду с этой операцией, мы не осуществляли бы другую, не менее важную – обобщение. Одновременно с

---

¹ В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 153.

выделением какого-то свойства предмета или явления, человек сопоставляет его с другими свойствами предметов и явлений, находит между ними Сходство, общность и называет это общее свойство соответствующим именем. Но выступающее как общее для данного круга явлений свойство, является частным, если мы его будем рассматривать в системе других более широких классов явлений.

Яркой иллюстрацией этих положений является приведенный Энгельсом процесс открытия закона сохранения и превращения энергии.

Впервые перед людьми объективный процесс превращения одной формы энергии в другую предстает как единичный конкретный факт: человек в практической деятельности сталкивается с фактом, что трение данного определенного куска дерева о другой определенный кусок дерева дает тепло. Поскольку человека в данном случае интересует в этих предметах свойство трения вызывать тепло, то он «отвлекается» от их иных свойств, выделяя только это. Но он сталкивается не с одним таким фактом, а с многочисленными явлениями такого рода, и в каждом из них выделяет именно свойств? трения вызывать тепло, обобщает это свойство и выражает это - обобщение в следующем суждении: *трение есть источник теплоты*. Это суждение является общим, если предметом нашего исследования выступает трение как одна из форм механического движения. Оно и исторически первоначально было 'высказано как общее. Затем было выяснено, что любая форма механического движения способна производить теплоту. Это обобщение было сформулировано в 1842 году Майером. Джоулем и Кольдингом: *всякое механическое движение способно превратиться при помощи трения в теплоту*.

В дальнейшем человек наблюдает и открывает многочисленные факты превращения не только одной механической формы движения в теплоту, но и теплоты в механическое движение, электричества в теплоту, световых лучей в теплоту и т. д., что дает возможность высказать следующее всеобщее суждение: *любая форма движения*

способна при определенных для каждого случая условиях, превратиться прямо или косвенно в любую другую форму движения. Когда исследование выходит за рамки одного вида механического движения – трения, и объектом изучения становится движение вообще, то суждение о том, что трение – источник теплоты, выступает как единичное, хотя оно, как было указано, является общим по отношению к иному кругу явлений. Второе же суждение о том, что всякая форма механического движения превращается в теплоту, выступает как особенное. И, наконец, последнее суждение является всеобщим, охватывающим все явления движения без исключения. Этот закон есть абсолютный закон природы и дальнейшее развитие человеческого знания может лишь обогащать этот закон, подтверждать его все больше и больше.

Каждый из указанных этапов в открытии всеобщего абсолютного закона природы имел величайшее освободительное значение для человеческого общества, так как каждый из них непосредственно связан с тем или иным великим практическим открытием. Умение человека добывать огонь было связано с наличием у него обобщения – трение есть источник теплоты.

XIX век знаменуется открытием паровой машины и многими другими изобретениями, связанными с паровым двигателем, благодаря которым одна форма движения превращается в другую, и с которыми непосредственно связана формулировка закона сохранения и превращения энергии. Все дальнейшее развитие знания в этой области (открытие электричества, радиоактивности, внутриядерной энергии и т. д.) является подтверждением этого всеобщего закона.

Таким образом, «уже самое простое *обобщение*, первое и простейшее образование *понятий* (суждений, заключений etc.) означает познание человека все более и более глубокой *объективной* связи мира»¹, познание закономерностей объективного материального мира.

В. И. Ленин указывает, что абстракции, законы, категории, если они правильны, научны, а не вздорны, не отходят от истины

---

¹ В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 153.

при восхождении от непосредственного чувственного конкретного к абстрактному, а, наоборот, все ближе под ходят к ней, все глубже, вернее и полнее отражают ее. Познание есть «бесконечный процесс раскрытия *новых* сторон, отношений etc.»¹ реального мира, процесс углубления человека в вещи, явления, процесс, идущий «от явлений к сущности и от менее глубокой к более глубокой сущности»², идущий «от сосуществования к каузальности и от одной формы связи и взаимозависимости к другой, более глубокой, более общей»³.

Но одного познания необходимости недостаточно, чтобы люди освободились от внешних сил. Познание необходимости не есть еще свобода, хотя оно является обязательным условием свободы. Истинное познание вооружает человека в борьбе с природой за господство над ее силами, способствует развитию производительности труда, все большему увеличению богатства общества, словом постоянному улучшению благосостояния людей, ибо нельзя овладевать силами природы и общества, не зная законов их развития. Однако для действительной, реальной свободы, свободы в полном смысле этого слова, необходимо еще *практическое* использование познанного, практическое применение результатов познания, причем не всякое использование, а использование в целях прогресса общества, улучшения благосостояния людей.

Человек не ограничивается только познанием природы. Он идет дальше, смело приступает к практическому овладению ею на основе познанных закономерностей. Человек – единственное активное существо, которое, используя предметы самой природы, приспособленные им для этой цели – орудия труда, преобразует природу в своих интересах. Только благодаря этой преобразующей деятельности, человек постепенно освобождается от влияния природных сил.

Выше уже было указано, что теоретическую и практическую деятельность людей нельзя рассматривать как самостоятельные и

---

¹ Там же. стр.193

² Там же.

³ В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 193.

независящие друг от друга процессы. Они не мыслимы друг без друга, так как каждая из них обуславливает другую и осуществляется через другую. Их противопоставление правомерно только в пределах решения гносеологического вопроса о том, что является первичным, определяющим и что вторичным, производным. За пределами этого вопроса они взаимосвязаны и взаимозависимы, находятся в сложном диалектическом взаимодействии.

Возьмем конкретный пример из истории техники: Англия XVI–XVII веков испытывала большой недостаток в топливе. Значительная часть ее лесов, составлявших основной источник топлива, была уже вырублена, и поэтому леса не могли удовлетворить быстро растущую потребность производства в топливе. К тому же официальными законами запрещалась дальнейшая рубка лесов. Значит, единственным источником топлива оставались угольные шахты. Но и здесь дело обстояло не лучше. Действующие в то время насосы для выкачивания воды из шахты, приводимые в движение ручной силой и животными, не были в состоянии спасти шахты от затопления, в результате чего они одна за другой выходили из строя. Между тем, все другие отрасли промышленности, связанные с топливом, с каждым днем все больше нуждались в нем. Недостаток топлива тормозил развитие этих отраслей промышленности. Практика поставила перед учеными задачу: удовлетворить потребность промышленности в топливе. Необходимо было изобрести новый, более мощный, чем существующий, приводимый в движение ручной силой или силой животных двигатель, с помощью которого можно было бы выкачивать воду из угольных шахт.

После долгих исканий человеческий ум находит правильный путь. Французский физик, живший в то время в Англии, Дени Папин изобретает машину, которая, в отличие от предшествующих, приводится в движение не ручной силой или силой животных, а силой пара. Правда, машина Папина по своей конструкции и по мощности была малоудобна для практического применения, но в силу дальнейших усовершенствований (Севери, Ньюкомен, Ползунов и др., а также благодаря заслугам

англичанина Д. Уатта, придавшего паровой машине современную форму с помощью отдельного конденсатора) она превратилась в универсальный паровой двигатель, который впоследствии был применен в самых различных областях и для самых различных целей.

Так обстоит дело вообще. Практика в целом обуславливает развитие познания, двигает его вперед и выступает как средство разрешения задач познания. Но практика, которая ставит на повестку дня изобретение парового двигателя, и практика, применяющая изобретенный двигатель в массовом масштабе в различных областях жизни, и выступающая, тем самым, как критерий истинности наших знаний, не одно и то же. Во-первых, эти два этапа практической деятельности во времени не совпадают: практическое применение познанного происходит обязательно после того, как осуществился определенный процесс познания, тогда как практика в качестве основы познания участвует в нем с начала до конца; во-вторых, эти этапы практической деятельности различны по уровню своего развития. Жизненные потребности и практическое стремление к удовлетворению их ставят перед человеком задачу познать сущность, законы, причины тех явлений, которые могут непосредственно или окольным путем удовлетворить эти потребности. Здесь практика выступает как основа, как движущая сила познания¹.

Благодаря общественно-практической деятельности и наличию соответствующего уровня развития науки, человек выполняет поставленную перед познанием задачу – познает данное явление. Если остановиться на этом этапе и не идти дальше в направлении практического использования познанного, то последнее останется лишь достоянием отдельных личностей и никак не может стать достоянием всех членов общества, а, следовательно, не может стать средством его освобождения.

---

¹ В дальнейшем нам предстоит разобрать этот вопрос более подробно. Поэтому здесь мы остановимся на нем лишь постольку, поскольку это необходимо при разборе механизма превращения необходимости в свободу, ибо практика в этом процессе выступает как решающий фактор.

Значит результаты познания человека играют освободительную роль только тогда, когда они *целенаправленно используются в интересах всего общества*. Здесь практика выступает как объективный критерий человеческих знаний и как средство освобождения человека. В. И. Ленин пишет: «Деятельность человека, составившего себе объективную картину мира, *изменяет* внешнюю действительность, уничтожает ее определенность (= меняет те или иные ее стороны, качества), и таким образом отнимает у нее черты кажимости, внешности и ничтожности, делает ее само-в-себе и само-для-себя сущей (= объективно истинной)»¹.

Таким образом, процесс обретения свободы включает как познавательную, так и практическую деятельность людей. Без активного вмешательства людей в естественный ход природных и общественных сил приобретение свободы невозможно. Одними идейными мотивами, пожеланиями, короче говоря, мечтой нельзя добиться свободы, ее надо завоевать – как по отношению к природным силам, так и по отношению к силам общественным.

Сфера, в которой человек чувствует себя свободным, все более и более расширяется по мере роста его осведомленности о закономерностях окружающих его явлений. Но это расширение сферы свободы человека не может осуществляться только в результате познания человеком законов явлений внешней природы. Осуществление свободы главным образом зависит от успешного применения человеком познанных законов в целях достижения положительных – практических результатов.

Итак, свобода осуществляется в результате познания людьми законов внешнего мира и своего духовного состояния и в результате практического использования познанного в целях удовлетворения потребностей всего общества.

Свобода есть одна из форм существования, развития и проявления необходимости. Если свобода является одной из форм проявления необходимости, то, естественно, подразумевается наличие других форм ее проявления. Поэтому

---

¹ В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 189-190.

необходимо рассмотреть вопрос о различных формах проявления необходимости.

Если необходимость не познана, т. е. является вещью в себе, то она выступает в форме слепой, непознанной необходимости. В ее проявлении не участвует сознательное вмешательство людей. При этом необходимость проявляется через массу случайностей (случайность всегда есть форма проявления необходимости). Однако когда необходимость проявляется в слепой, непознанной форме, случайности существенным образом влияют на ход ее развития, на форму ее проявления, так как необходимость не познана и люди не могут ограничить действие случайностей.

Когда же необходимость познана, превращена из вещи в себе в вещь для нас, она проявляется в форме (как говорил Спиноза) «свободной необходимости». Выражение «свободная необходимость», используемое Спинозой для обозначения познанной необходимости, является весьма удачным, так как предполагает неразрывную связь свободы и необходимости. Не при этом следует подчеркнуть, что необходимость, будучи познанной, не исключает случайности как формы своего проявления. В случае познанной необходимости человек имеет возможность целесообразно регулировать осуществление необходимости, и тем самым ограничивать обратное действие случайностей на ход и форму проявления необходимости. Но так или иначе проявление необходимости не может быть свободно от воздействия случайностей в той или иной мере. Поэтому, когда речь идет о познании необходимости, то имеется в виду не только познание главной линии развития, его общей тенденции (хотя это и является главной целью познания), но и максимальный учет возможных случайных отклонений от этой основной тенденции развития.

Таким образом, свобода является формой существования, развития и проявления необходимости потому, что она вовсе не отрицает необходимость, а, наоборот, предполагает ее как свою основу. Люди, познавая необходимость и основываясь в своей деятельности на ней, не уничтожают ее. Свобода предполагает действие необходимости, но такой необходимости, которая из

слепого, непознанного процесса превращается в целесообразно направляемый людьми процесс. На этом этапе своего развития необходимость претерпевает двойное изменение: с одной стороны, суживается сфера ее стихийного действия, направленного на разрушение, а с другой – расширяется сфера сознательного, целенаправленного воздействия на нее. Но все это происходит не за счет изменения объективной природы необходимости, закона, а за счет ее познания.

Свобода есть единство объективного и субъективного факторов.

Метафизическое противопоставление свободы и необходимости исходит из непонимания единства объективного и субъективного в процессе реализации необходимости и свободы. Односторонне раздувая то одну (объективную), то другую (субъективную) стороны единого процесса реализации свободы, философы впадают то в одну крайность – фатализм, то в другую – волюнтаризм, а через волюнтаризм в субъективный идеализм. Чрезмерно преувеличивая объективный момент и совершенно пренебрегая субъективным, фаталисты фетишизируют законы объективного развития и считают, что человек ни в коей мере не может вмешиваться в действие этих законов, и поэтому ему ничего не остается кроме примирения с естественным ходом событий в окружающем мире. Ни великие исторические личности, ни тем более «слепые и неразумные» народные массы, с точки зрения фаталиста, не могут в какой бы то ни было мере воздействовать на ход объективного развития.

В конце XIX и в XX веке сторонники фатализма выступают с критикой марксистского взгляда на ход общественного развития. Марксизм, по их мнению, есть соединение противоречивых, взаимоисключающих моментов. С одной стороны, он признает объективность законов общественного развития, с другой – огромную роль сознательной деятельности людей в использовании этих законов в ходе практической деятельности. В действительности же, утверждают они, эти два момента не совместимы. Признание одного из них исключает признание второго. Фаталистического взгляда на исторический процесс

придерживались и многие теоретики II Интернационала, утверждая, что лишь развитие производительных сил есть единственное условие, обеспечивающее подготовку перехода от капитализма к социализму. Роль субъективного фактора – революционной деятельности масс и партии – в подготовке и осуществлении социалистической революции по существу ими отрицалась. Еще в более ярком виде это отрицание субъективного фактора проявилось у так называемых экономистов и «легальных марксистов». В настоящее время этой точки зрения придерживаются многие лидеры социалистических партий капиталистических стран. Такой взгляд на осуществление необходимости и реализацию свободы направлен к затушевыванию классовой борьбы, к обречению рабочего класса на бездействие и тем самым к защите устоев капитализма.

Марксизм-ленинизм рассматривает общественно-историческое развитие не как некий фатальный процесс, где люди выступают в качестве слепых орудий этого процесса, а как естественно-исторический процесс, совершаемый на основе познания объективных законов, при активном участии людей. «Марксизм, – писал Ленин, – отличается от всех других социалистических теорий замечательным соединением полной научной трезвости в анализе объективного положения вещей и объективного хода эволюции с самым решительным признанием значений революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс, – а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий, умеющих нащупать и реализовать связь с теми или иными классами»¹.

Так называемые «теории» стихийности, «мирного вращивания капитализма в социализм», «самотека» и другие, с которыми выступали против нашей партии «экономисты», бухаринцы являются проявлением фатализма. Судьбы этих «теорий» и их проповедников нам известны.

Другая крайность в непонимании единства объективного и субъективного – это волюнтаризм, субъективный идеализм. Они преувеличивают роль субъективного момента, роль сознательной

---

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 13, стр. 21-22.

деятельности человека. Тот факт, утверждают они, что человек выступает в своей деятельности как сознательное существо, говорит нам о том, что он не зависим ни от каких законов и полностью свободен в своей деятельности. В зависимости от собственного желания, от состояния своей воли он может распоряжаться законами внешнего мира по своему усмотрению. Весьма интересно, что такая свобода волюнтаризмом признается не за всеми людьми, не за всеми членами общества, а только за «избранными личностями», за «критически мыслящими личностями», за героями, между тем, как вся остальная масса людей характеризуется ими как «стадо овец». Они должны лишь исполнять указания «избранных героев» и выполнять веления их воли. Признание такой свободы сопровождается отрицанием объективной закономерности материального мира.

По существу такой точки зрения придерживаются и прагматисты (Джемс, Дьюи и др.). Отвергая монистический взгляд на мир, по которому, якобы, вселенная предстает как готовая, неизменная, не допускающая возможности свободного действия, прагматисты принимают плюрализм, согласно которому материальный мир не един, не подчинен своим законам, а расчленен на множество не связанных между собой субстанций и потому допускает причинно не обусловленное – свободное действие. Такая расчлененность мира ставит перед человеком задачу систематизировать, упорядочить его в соответствии со своими целями. Отсюда следует, что единство мира является продуктом объединяющей способности нашего мышления (это похоже на соответствующее утверждение Дюринга о единстве мира, давно раскритикованное Ф. Энгельсом в «Анти-Дюринге»); и то, что законы «внешнего мира» есть продукт человеческого сознания. Такое утверждение мы встречали еще у Канта и у эмпириокритиков – Маха, Авенариуса, Пирсона и др. Прагматисты не оригинальны. Если вкратце выразить сущность учения прагматизма о свободе и необходимости, то оно сводится к отрицанию объективной причинности, необходимости и признанию свободы, понимаемой как полный произвол.

Другие представители современного субъективного идеализма – экзистенциалисты, в иных выражениях повторяют ту же мысль. Их главный тезис состоит в утверждении, что существование предшествует сущности. Стало быть, человек сам выбирает свою сущность, является своим собственным произведением. Поэтому нельзя объяснять происхождение человеческой сущности и его жизнь ни чем иным, как его собственным желанием. Человек абсолютно свободен в выборе своей сущности и в определении линии своего собственного поведения.

Социальный смысл этих утверждений ясен: рабочий класс не должен искать причины своего бедственного положения в капиталистических отношениях, ибо он сам по собственному желанию определил свою сущность и выбрал себе соответствующий образ жизни.

Исходные положения волюнтаристов являются глубоко антинаучными. Если человек в своей деятельности выступает как сознательное существо (что признается экзистенциалистами), то не следует вывода о его свободе и независимости от природных и общественных условий. Если личность играет большую роль в истории (что также признается экзистенциалистами), то это не означает, что не существует исторической необходимости. Действительно, историческая необходимость предполагает активную деятельность людей, но человек может успешно действовать только в том случае, если его деятельность основывается на познании общественно-исторической необходимости (во всяком случае не противоречит ей, а совпадает с ней). При оценке общественной деятельности исторической личности мы должны исходить именно из этого принципа. В этих случаях важно выявить то, при каких обстоятельствах протекает эта деятельность и достигнет ли она успеха. Если историческая личность в своей деятельности опирается па законы общественного развития, исходит из главных требований развития общества и если ее деятельность не противоречит деятельности и потребностям народных масс, то несомненно она достигнет успеха, в противном случае ей не

миновать поражения. Поэтому при оценке деятельности отдельной личности, как бы она ни была совершенна и гениальна, нельзя забывать самого главного, а именно того, что успех ее деятельности зависит от деятельности народных масс. Как бы ни была велика роль личности в истории, нельзя забывать, что творцами истории являются народные массы.

Забвение этого главного стержневого положения марксизма и было одной из причин появления такого чуждого марксизму-ленинизму явления, как культ личности. Учитывая лишь положительные черты вождя, которыми обладал И.В.Сталин, некоторые наши ученые, работники идеологического фронта, забывая об исторической необходимости, о решающей роли народных масс в развитии общества, стали связывать все наши достижения лишь с именем И.В.Сталина.

Таким образом, мы видим, что общим как для фаталистов, так и волюнтаристов является то, что они, извращая, фальсифицируя действительность, стремятся превратить народные массы в безвольных рабов капитала, затушевывают их борьбу против эксплуатации. Общим для них является то, что они отрицают роль народа, как творца истории. «Если некоторые субъективисты, стремясь отвести «личности» как можно более широкую роль в истории, отказывались признать историческое движение человечества законосообразным процессом, то некоторые из них, новейших противников» стремясь как можно лучше оттенить законосообразный характер этого движения, по-видимому, готовы были забыть что история делается людьми и что поэтому деятельность личностей не может не иметь в ней значения. Они признала личность за *quantite negligeeable*»¹. (Нечто, не заслуживающее внимания. – Ред.).

Таковы последствия непонимания единства объективного и субъективного моментов в едином общественно-историческом развитии.

Перейдем теперь к характеристике историчности, конкретности и относительности понятия свободы. Все эти особенности свободы очень тесно связаны между собою.

---

¹ Г.В. Плеханов. К вопросу о роли личности в истории. М., 1944, стр.10-11

Понятие свободы (как и любое другое понятие) появляется как результат отвлечения от единичного, случайного, несущественного и выделения общего, повторяющегося, необходимого и существенного. Это не означает, однако, что при применении этого понятия, мы можем игнорировать специфичность тех конкретных случаев, к которым это понятие применяется. Чтобы не ошибиться в теории и чтобы не потерпеть поражения на практике, мы должны рассматривать свободу конкретно, т. е. в каждом случае выяснять вопрос о том, когда, где и чья была эта свобода. Если, например, речь идет о свободе в первобытнообщинном строе, то ее ни в коем случае нельзя отождествлять со свободой при феодализме. Более того, научный анализ вопроса о свободе требует, выяснения о свободе какого класса идет речь (если речь идет о классовом обществе). При этом всегда следует помнить, что свобода не представляет собою нечто готовое, раз навсегда определенное какой-то сверхприродной силой. Свобода всегда динамична, она представляет собой исторический процесс восходящего общественного развития (здесь мы отвлекаемся от противоречий, временных отклонений и отступлений от главной линии развития). Поэтому свободу на каждом этапе исторического развития следует рассматривать как результат предшествующего исторического развития и в то же время как начало будущего развития. В общем историческом развитии свобода всегда одновременно и процесс и результат. И, наконец, свободу нельзя рассматривать как нечто абсолютное, она всегда относительна. Ее относительность обуславливается, во-первых, чрезвычайной сложностью, многообразием связей и отношений предметов и явлений окружающего мира; и во-вторых исторической ограниченностью сферы возможного расширения теоретической и практической деятельности человека. Эти два момента являются причиной того, что каковы бы ни были достижения человеческого познания на каждом этапе исторического развития, абсолютное познание («абсолютная истина») осуществляется лишь в ходе непрерывного развития общества и познания. Реальное содержание свободы – познавательная и

практическая деятельность общества, направленная на улучшение благосостояния членов общества, никогда не может достигнуть абсолютного предела. Его абсолютный предел означал бы предел прогресса самой свободы. А поскольку познание и практическая деятельность находятся в постоянном движении и развитии, свободу нельзя рассматривать как абсолютную, законченную, неизменную. Она всегда находится в развитии и в каждый определенный исторический момент реализуется в большей степени, чем на предшествующем этапе.

Глава третья

ОБЩЕСТВЕННО ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАК ПРЕВРАЩЕНИЕ НЕОБХОДИМОСТИ В СВОБОДУ

В предшествующих двух главах речь шла о концепциях свободы и необходимости, т. е. о том, как в истории философской мысли представители различных направлений подходили к проблеме свободы и необходимости, другими словами, о верном или ложном понимании реального процесса превращения необходимости в свободу. Настоящая глава посвящается характеристике самого процесса превращения необходимости в свободу в действительности, в процессе исторического развития. Этот процесс, как было указано выше, охватывает познание, людьми реальной действительности и их практическую деятельность, направленную на преобразование внешнего мира на основе результатов познания. Разумеется, в пределах одной главы мы не в состоянии дать подробный анализ ни первого, ни второго процессов (деление на первое и второе носит условный характер, так как в действительности они составляют единый процесс, или две взаимодействующие стороны одного процесса). Для этого требуется коллективный труд специалистов различных областей науки, поэтому мы заранее ограничим себя и будем рассматривать не какой-то определенный период в развитии общества, а самый главный, основной, наиболее ярко выраженный процесс превращения необходимости в свободу на различных этапах общественного развития.

Изложение вопроса будет дано соответственно намеченным нами трем аспектам свободы: господство человека над природными силами; господство человека над общественно-экономическими силами и господство человека над самим собой.

Третий вопрос является предметом специального психологического, а отчасти морально-этического исследования. Поэтому мы коснемся его лишь в связи с первыми двумя сторонами свободы и покажем, что решение этого аспекта

проблемы свободы находится в тесной зависимости от первых двух.

НЕОБХОДИМОСТЬ И СВОБОДА В ДОСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВЕННО – ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФОРМАЦИЯХ

История человеческого общества есть история развития человека, история борьбы его против чуждых ему природных и общественных сил. История этой борьбы, вся общественная практика человека есть одновременно история превращения необходимости в свободу. Свобода, следовательно, есть постепенное преодоление сил, тормозящих развитие человеческого общества. Она не только является результатом борьбы человека с внешними силами, но и условием успешного ведения этой борьбы, так как уровень достигнутой свободы в определенный, конкретный период общественного развития открывает новые пути для дальнейшего освобождения человека.

«Никакого золотого века позади нас не было, и первобытный человек был совершенно подавлен трудностью существования, трудностью борьбы с природой»¹. Это замечательное высказывание В. И. Ленина, направленное против Булгакова, утверждавшего, что первобытный человек получал все необходимое как свободный дар природы, раскрывает действительную картину жизни первобытного человека.

Совершенно бесспорно, что в момент выхода из животного состояния человек пользовался только свободными дарами природы, все, что он получал, он черпал непосредственно из самой природы. Но возникает вопрос: находил ли он в природе в готовом виде все *необходимое*. Если мы ответим на это утвердительно, то мы поставим себя перед еще более трудными и даже неразрешимыми вопросами: чем же объясняется тогда то, что человек, находя в природе все необходимое для своего существования в готовом виде, все же не остался на уровне животного? В чем же стимул развития человека, его борьбы с природой? Объясняется ли стремление глубже познать действительность простым любопытством человека? Конечно,

---

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 13, стр. 21-22.

нет. Любопытство могло играть лишь случайную роль в развитии человека, в развитии его познания. Причина же развития человека определялась материальными потребностями. Те готовые продукты, которые природа предоставляла человеку как свободный дар, были далеко недостаточны для удовлетворения его потребностей, это вынуждало его искать новые пути борьбы с природой, чтобы взять у нее силой то, что она не дает добровольно.

Человек с самого начала своего существования отличается от животных своим активным отношением к природе. «Людей можно отличать от животных по сознанию, по религии, – вообще, по чему угодно. Сами они начинают - отличать себя от животных, как только начинают производить необходимые им средства к существованию...»¹.

Животные целиком находятся во власти природы. Их существование полностью зависит от ее капризов; ибо они ничего не могут иметь сверх того, что им дает природа, и дарами ее они пользуются именно в той форме, в какой они их получают.

Выделившиеся из животного царства люди первоначально были во многих отношениях столь же бессильны перед, силами природы, как и животные. «Какими люди первоначально выделились из животного (в более узком смысле слова) царства, такими они и вступили в историю: еще как полуживотные, еще дикие, беспомощные перед силами природы, не осознавшие еще своих собственных сил; поэтому они были бедны, как животные, и не намного выше их по своей производительности»².

Однако даже на этой ранней стадии своего развития характерной особенностью человека, выделявшей его из числа животных, было использование им в своей деятельности, направленной на преобразование природы, орудий труда. Первые орудия труда представляли собой главным образом природные предметы: камень, палка и т. д., которые использовались в различных целях: чтобы выкапывать корни растений, убивать животных. Вначале они применялись людьми в своей природной

---

¹ К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, т. IV, стр. 11.

² Ф.Энгельс. Анти-Дюринг, стр.167

форме, но с течением времени люди стали придавать им более целесообразный вид: оттачивали концы предметов, используемых как орудия, облегчали их, придавали им удобную для ношения форму. Обработанные природные предметы стали средством осуществления определенного взаимоотношения человека с природой. Природные предметы – орудия труда, пусть даже самые примитивные, выступали посредниками во взаимоотношении человека и других природных предметов – объектов, на которые направлялась опосредствованная через орудия труда человеческая деятельность – труд.

Первобытнообщинный строй, охватывающий очень длительный период в развитии человечества – с момента выделения человека из животного царства, т. е. с момента формирования человеческого общества, до появления антагонистических классов – прошел определенный, хотя и очень медленно осуществлявшийся путь восходящего развития. Первобытное общество времен позднего палеолита не было уже тем, чем оно было во времена раннего палеолита. И в отношении уровня развития орудий труда и в смысле производительной деятельности людей, их отношений между собой, а также между отдельными группами и племенами поздний палеолит стоит гораздо выше раннего и среднего палеолита. А. это значит, что взаимоотношения человека и природы в период позднего палеолита в корне отличается от взаимоотношений между человеком и природой в период раннего палеолита. Поэтому, когда речь идет о первобытнообщинном строе, об уровне господства первобытного человека над природными силами, не следует забывать о наличии различных этапов развития этого отрезка человеческой истории.

В течение всего начального периода развития общества, длившегося сотни тысячелетий, уровень развития производительных сил был крайне низким. Люди занимались, главным образом, собирательством всевозможных, имеющихся в природе в готовом виде, средств для существования, примитивно организованной охотой, не знали об огромной роли огня для жизни человека, не имели более или менее надежного убежища.

При таком низком уровне развития производительных сил каждый член первобытной орды не был в состоянии в отдельности вести борьбу с природными силами, т. е. не мог самостоятельно обеспечить своего существования. Следовательно, единственно возможным способом добывания средств существования и защиты от окружающих вражеских сил было коллективное выступление против последних. Поэтому первобытные люди вынуждены были объединяться в определенные группы. Общественного разделения труда на этой стадии еще не было, но существовало естественное разделение труда между полами – женщиной и мужчиной.

Какими же могли и должны были быть отношения между производителями на этой ступени развития общества? И в каком отношении мог находиться производитель к произведенному им продукту?

Участие каждого члена в деятельности общины было добровольным и обязательным. Добровольным потому, что никто другой не принуждал его участвовать в деятельности общины. Обязательным потому, что в противном случае ему угрожала опасность лишиться средств существования, так как своими силами он не мог противостоять природе. Поддерживая существование общины, каждый индивид в то же время поддерживал и свое существование. Это означает, что члены орды никем не принуждались к трудовой деятельности, а сами добровольно и сообща трудились. Далее, если учесть, что при таком крайне низком уровне производительных сил каждый мог производить ровно столько, сколько ему нужно было для поддержания своего существования, становится ясно, что эксплуатация, и, следовательно, эксплуататорских отношений между членами общества не могло быть. Каждый член орды вкладывал определенную долю труда в общественную трудовую деятельность и тем самым вступал с другими членами общества в отношения дружбы и взаимопомощи.

В условиях господства таких отношений продукт, произведенный производителем, (служил непосредственному удовлетворению его собственных потребностей. Путь,

проходимый продуктом труда, был очень прост и краток: производство непосредственное потребление. Никакого обмена и иных, сложных и скрытых от людей отношений, связанных с обменом, пока нет. Производитель господствует над своим продуктом. Продукт его труда не исчезает из его поля зрения и деятельности. Общий труд требует общей собственности на средства производства, равно как на продукты производства. Такая форма отношений господствовала за все время существования первобытного способа производства, вплоть до первого крупного общественного разделения труда, приведшего к распаду общества на враждебные классы. На всех ступенях доклассового общественного развития производство носило общественный характер, равным образом и потребление осуществлялось на основе прямого распределения продуктов среди членов общины. Правда, масштабы производства были весьма узки, но зато общественный характер производства делал производителя господином всего производственного процесса и продукта производства.

Величайшим событием последующего развития первобытного общества было «покорение» огня. Вне всякого сомнения, первобытный человек был знаком с огнем. Он видел огонь и сталкивался с ним в различных ситуациях: при лесных пожарах, при извержении вулканов и т. п. В своем естественном проявлении огонь выступал как разрушительная сила, приносящая людям смерть и бедствия. Поэтому люди вначале боялись его, старались избегать как злого духа. Однако огонь выступал не только как разрушительная сила. В нем проявлялись особенности, весьма полезные для людей. Люди не могли не заметить, например, что огонь согревает их тело и тем самым защищает их от непогоды. Употребляя остатки полубогоревших в результате пожара животных, они замечали, что огонь делает пищу (мясную в особенности) более удобоваримой. Эти и ряд других полезных особенностей огня заставили человека постепенно приблизиться к нему. И человек, не имея совершенно никакого представления о природе огня, зная только о факте его существования и о некоторых его полезных качествах, переносит

его в свои пещеры и пользуется им, искусственно поддерживая его многие десятки и сотни лет. Уже с этого момента огонь начинает играть чрезвычайно большую роль в жизни людей, в развитии производительных сил вообще, в прогрессе техники, в частности.

Трудно ответить на вопрос, кто и когда впервые искусственным образом получил огонь. Пожалуй, будет даже неверно, если мы припишем это кому-нибудь одному. Вероятнее всего, что искусственное получение огня является делом рук многих поколений, продуктом развития производственной деятельности всего общества.

Процесс изготовления орудий труда из камня и дерева обязательно должен был сопровождаться ударом и трением. Чтобы придать определенную целесообразную форму имеющемуся в природе камню или дереву, человек должен был откалывать их, отшлифовывать и оттачивать, а все эти операции могут быть осуществлены при помощи удара или трения. Удар же двух твердых предметов, например, кремня об камень, высекает искры, которые, попадая в благоприятную среду, дают огонь. Точно, также, если трение будет длиться достаточное время, то образовавшееся тепло может быть источником огня.

Сами того не сознавая, люди этим великим открытием впервые превратили одну форму энергии в другую – механическую в тепловую. «Практическое открытие превращения механического движения в теплоту так старо, что от него можно было бы считать начало человеческой истории. Какие бы достижения ни предшествовали этому открытию огня – в виде изобретения орудий и приручения животных, – но только научившись добывать огонь с помощью трения, люди впервые заставили служить себе некоторую неорганическую силу природы. Какое глубокое впечатление произвело на человечество это гигантское, почти неизмеримое по своему значению открытие, показывает еще теперешние народные суеверия»¹.

Роль огня в развитии общества, в подчинении природных сил интересам людей настолько велика, что очень трудно, вернее

---

¹ Ф.Энгельс. Диалектика природы, стр.80

невозможно, дать более или менее подробное описание ее на нескольких страницах. Достаточно указать, что с огнем теснейшим образом связаны все отрасли народного хозяйства: металлургическая промышленность, различные виды транспорта, машиностроительная промышленность и множество других отраслей.

Однако, наряду со всем этим, не следует забывать, что первоначальное покорение огня не было покорением в полном смысле этого слова. Покорение (в полном смысле слова) означает использование тех или иных сил в своих целях со знанием сути дела, сознанием сущности используемого. Между тем, в то время знание людей об огне было весьма ограниченным. Они знали о факте существования огня, а в дальнейшем и о способе его получения и о некоторых, конечно, далеко не всех, его особенностях, вполне удовлетворявших их потребности. Но они не знали самую природу огня, сущность данного явления. Люди могли лишь высказывать различные предположения о его сущности и происхождении. В течение многих тысячелетий человек приписывал огню божественное происхождение, и смотрел на него, как на проявление божественного гнева (при пожарах), или как на проявление доброты бога (во многих случаях, когда огонь использовался людьми в нужных целях).

Но, как мы уже видели, незнание истинной природы огня не мешало человеку использовать его в своих интересах. Следовательно, освобождение человека от природных сил происходит не только тогда, когда он использует ту или иную силу с полным знанием ее сущности, ее природы, но и тогда, когда его знание об этой силе ограничивается чисто практическим знанием, т. е. когда только на практике человек знакомится с отдельными, полезными для него особенностями используемой силы. Это характерно для эпох с низким уровнем развития знаний о мире.

Использование огня было связано с широким употреблением мяса как продукта питания. В свою очередь мясная пища привела к ряду полезных для человека последствий. Ф. Энгельс пишет: «Употребление мясной пищи привело к двум новым

достижениям, имеющим решающее значение: к пользованию огнем и к приручению животных. Первое еще более сократило процесс пищеварения, так как оно доставляло рту, так сказать, уже полупереваренную пищу; второе обогатило запасы мясной пищи, так как наряду с охотой оно открыло новый источник, откуда ее можно было черпать более регулярно, и доставило, кроме того, в виде молока и его продуктов новый, по своему составу по меньшей мере равноценный мясу, предмет питания. Таким образом, оба эти достижения уже непосредственно стали новыми средствами эмансипации для человека»¹.

Переход от охоты к приручению диких животных был крупным шагом в развитии первобытного общества. Этим по сути дела было положено начало первому крупному общественному разделению труда. В отличие от охоты, которая была полна всяких случайностей и опасностей для жизни охотника, прирученные животные постоянно обеспечивали, тех, кто ухаживал за ними, мясом, шерстью, молоком и другими продуктами. Но зато они требовали уже специального ухода. Если человек, занимающийся охотой, мог и должен был одновременно заниматься собиранием различных плодов и корней растений, то человек, ухаживающий за прирученными животными, освобождался от многих других забот, посвящая все свое время только этому делу. Таким образом, разведение скота и уход за ним стал особым занятием пастушеских племен, которые «выделились из остальной массы варваров: *первое крупное общественное разделение труда*»².

Разделение труда сделало возможным регулярный обмен продуктами производства, чего до сих пор не было, а если обмен и существовал, то носил чисто случайный характер.

Обмен продуктами требует не только развития скотоводства. Продукты скотоводства нельзя обменивать на точно такого же рода продукты, следовательно, требовалось развитие других отраслей хозяйства, таких, как земледелие, домашнее ремесло и др. К тому времени в области промышленной деятельности

---

¹ Ф.Энгельс. Диалектика природы, стр.138

² К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, т.XVI, ч.I, стр.135

имели огромное значение два крупных достижения: первое – ткацкий станок, второе – обработка металлов. Пер вое позволило людям выделывать одежду, второе сделало возможным производство металлических орудий труда (главным образом бронзовых и железных), которые в конце концов вытеснили каменные орудия из основных областей производства.

Такое, относительно быстрое развитие всех отраслей производства – скотоводства, земледелия, промышленной деятельности и т. д. – сделало, во-первых, человеческую рабочую силу способной производить гораздо больше продуктов, чем сам он употребляет для своего воспроизводства; во-вторых, «оно увеличивало ежедневное количество труда, выпадавшее па долю каждого члена рода, домашней общины или отдельной семьи»¹. Возникла необходимость в новой рабочей силе. Носители этой новой рабочей силы стали превращаться в рабов. «Первое крупное общественное разделение труда вместе с увеличением производительности труда, а следовательно и богатства, и с расширением поля производительной деятельности, при всех данных исторических условиях, с необходимостью влекло за собою рабство. Из первого крупного общественного разделения труда возникло и первое крупное разделение общества на два класса – господ и рабов, эксплуататоров и эксплуатируемых»².

Прежде чем приступить к характеристике общества с антагонистическими классами, подытожим сказанное нами о первобытнообщинном строе.

Для того, чтобы ясно представить себе уровень свободы всякого общества, в частности первобытного, необходимо показать не только уровень господства людей над природными силами, но и характер общественных отношений. Необходимость этого объясняется тем, что с прекращением животного состояния человека, с момента превращения человекообразных обезьян в человека, его господство «над природой всегда уже опосредствовано его существованием как члена общины, семьи,

---

¹ К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, т.XVI, ч.I, стр.137

² Там же.

рода и т. д., его отношением к другим людям»¹, т. е. его общественной природой, которая обуславливает его отношение к природе. Подобно тому, как степень преломления и дальнейшего направления световых лучей, пропускаемых через призму, зависит от особенностей и свойств вещества, из которого сделана призма, степень и направление влияния сознательно используемых в общественных целях природных сил зависит от характера общественных отношений, обуславливающих его, от характера той общественной среды, которая служит призмой для преломления этого влияния.

Отношения первобытных людей между собою способствовали дальнейшему усилению господства человека над природными силами, поскольку не было силы, противостоящей прогрессу человеческой власти над природой, то правомерно говорить, что «...каждый шаг вперед на пути культуры был шагом к свободе» (Энгельс).

Может возникнуть вопрос: почему же вышеприведенное, утверждение Энгельса правомерно только для первобытного строя (речь идет о досоциалистических общественных формациях), как же обстоит дело в классовых обществах? Ответ на этот вопрос требует выяснения, почему отношения между людьми в антагонистически классовых обществах, в отличие от отношений первобытных людей, способствовавших увеличению власти человека над природными силами, превратились в препятствие на пути развития, свободы вообще. Задача весьма трудная, но без ее решения нам не понять всю противоречивость и сложность развития свободы в классовых обществах.

В своем изложении мы дошли до появления регулярного обмена между отдельными производителями, как результата общественного разделения труда. В последующем развитии происходит дальнейшее разделение труда на земледелие и ремесло, в результате которого еще больше увеличивается производство продуктов, предназначенных непосредственно для обмена. Обмен продуктами, таким образом, превращается «в жизненную необходимость для общества» (Энгельс).

---

¹ К.Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. III, изд. 4-е, 1936, стр.285

Классовому обществу принадлежит определенная «заслуга» в деле общественного разделения труда. Оно присоединило к первому и второму общественному разделению труда третье, присущее только ему: выделило людей, занимающихся исключительно обменом продуктов, – класс купцов. Если первое и второе разделение труда разграничило людей, занятых в производстве, на производителей различных его отраслей, то новое, третье разделение труда порождает класс, который совершенно никакого участия в производстве не принимает, а выступает посредником между двумя производителями.

С появлением нового класса процесс обмена продуктами между производителями приобретает чрезвычайно запутанный, сложный и непонятный характер. К тому времени деньги уже активно выступают в роли мерил стоимости товаров, который в руках купцов является средством обмена товаров, произведенных различными производителями. Продукт, предназначенный для обмена, выходя из сферы распоряжения производителей, попадает в сферу многочисленных случайностей, каждая из которых определенным образом влияет на ход и исход обращения данного товара. Товар может попасть к потребителю через два, три обмена, а может и несколько раз переходить из рук в руки, прежде чем попадет в руки потребителя. Таким образом, и сфера распространения товара увеличивается. Он начинает путешествовать по всему свету. Но сфера, в которую попадает товар из рук производителя, только на первый взгляд кажется сплошной случайностью. Энгельс пишет по этому поводу: «Чем больше какая-нибудь общественная деятельность, целый ряд общественных процессов ускользает из-под сознательного контроля людей, выходит из-под их власти, чем более эта деятельность кажется предоставленной чистой случайности, тем с большей силой а необходимостью пробиваются сквозь эту случайность свойственные ей внутренние законы. Такие заколы господствуют и над случайностями товарного производства и товарообмена: отдельному производителю и участнику обмена они противостоят как чуждые, вначале даже неведомые силы, природа которых подлежит еще тщательному изучению и

исследованию. Эти экономические законы товарного производства видоизменяются на различных ступенях развития этой формы производства, но в общем и целом весь период цивилизации протекает под знаком их господства. И еще в настоящее время продукт господствует над производителями; и поныне общественное производство в целом регулируется не согласно сообща обдуманному плану, а слепыми законами, которые проявляются со стихийной силой, В1 конечном счете – в бурях периодических торговых кризисов»¹.

Товар, товарообмен и его законы, таким образом, ускользают из-под сознательного контроля человека, в результате чего по сути дела человек – производитель и продукт – товар меняются местами: продукт – товар выходит из-под власти человека и превращается в его господина. Человек с этого момента делает все то, что велит товар да законы его производства и обмена.

С развитием товарного производства, а, следовательно, и торговли, с появлением денег и в связи с этим – денежного ростовщичества, с развитием земельной собственности происходит очень быстрая концентрация и централизация богатства в руках немногочисленного класса с одной стороны, и обнищание масс – с другой. Общество окончательно распадается на классы, занимающие полярно-противоположное положение в общественном производстве. Между этими классами в процессах производства и распределения продуктов господствуют отношения, соответствующие данному уровню развития производительных сил. Маркс пишет, что общественные отношения, появляющиеся в истории и заменяющие друг друга, есть переходящие ступени бесконечного общественного развития от низшего к высшему. Каждая из этих ступеней является необходимой для своего времени и для условий, порождающих ее. Но она лишается своего значения, теряет необходимость как только возникают новые условия, развивающиеся в ее собственных недрах. В данном случае, новые условия, возникающие в недрах первобытного строя, требуют новых общественных отношений. Новые отношения могли быть

---

¹ К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, т.XVI, ч.I, стр.150

только отношениями господства и подчинения, отношениями эксплуатации.

Здесь мы видим чрезвычайно противоречивое развитие свободы в классовом обществе. С одной стороны, очень быстрое развитие производительности труда в различных отраслях производства – в скотоводстве, в земледелии, в промышленности и т. д., резкое увеличение продуктов потребления, что, безусловно, означает освобождение общества от многих природных сил, от многого бесполезно растрчиваемого труда; с другой – эксплуатация, отношения господства и подчинения, порожденные к тому времени и служащие основой развития классового общества, препятствовали непосредственному освобождающему действию постоянно развивающейся производительности труда. При таком крайне противоречивом развитии всякий прогресс в производстве классового общества означает одновременно регресс в положении угнетенного класса, т. е. огромного большинства; «всякое благо для одних необходимо является злом для других, всякое новое освобождение одного класса – новым угнетением для другого»¹.

С распадом общества на классы с противоположными интересами появляется неразрешимое противоречие между этими классами. Поскольку такой распад был исторической необходимостью на определенной ступени развития общества постольку и противоречие между этими классами было необходимым. Миновать это противоречие общество было не в силах, следовательно необходимо должно было возникнуть средство, регулирующее это противоречие, предотвращающее гибель общества в борьбе классов. Таким средством, такой силой оказалось государство с его различными органами.

Государство возникло как необходимый продукт определенной ступени общественно-исторического развития. Его первоначальная задача заключалась в умиротворении столкновений классов, в удержании общества в границах порядка. Ликвидировать противоречий государство не могло. Следовательно, оно должно было поддерживать тот класс,

---

¹ К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, т.XVI, ч.I, стр.150

который был заинтересован в сохранении основы, порождающей классовое противоречие, т. е. частную собственность на средства производства и на продукты производства, и подавлять всякое стремление класса, экономическое положение которого вынуждало его выступать против частной собственности. Государство, таким образом, с самого своего возникновения является средством подавления эксплуатируемых классов, является государством владельцев частной собственности.. В руках господствующего класса оно является мощным оружием эксплуатации и подавления большинства общества.

Мы остановились на трех основных моментах, ярко выявляющих противоречивый характер развития классового общества: товарообмен и его закономерности, классы и классовые отношения, образование государства. Вес они являются необходимыми продуктами определенной ступени исторического развития, которое с течением времени выходят из сферы контролируемого влияния людей и играют весьма значительную роль в определении характера и направления общественного развития.

Итак, мы видим, что, увеличивая производство и производительность труда – господство над природными силами, люди параллельно с этим превращаются в рабов им самими созданных материальных ценностей, окончательно теряют свою власть над производством. Однако даже в рамках антагонистических классовых отношений совершается относительный прогресс свободы. Он выражается, во-первых, в том, что сменяя устаревшие, утратившие свою историческую необходимость производственные отношения новыми, соответствующими изменившимся требованиям развития производительных сил, люди действовали в соответствии с потребностями дальнейшего развития производительных сил, обеспечивали широкий простор для их развития и, тем самым, увеличивали господство людей над природными силами. Во-вторых, в том, что в соответствии с характером развитых производительных сил изменялся способ эксплуатации непосредственных производителей. Хотя это осуществлялось в

интересах господствующего класса, но в то же время означало и относительное освобождение эксплуатируемых. Крепостной крестьянин уже не был рабом, полной собственностью рабовладельца. Он находился в неполной собственности феодала, так как дальнейшее развитие производительных сил требовало частичной заинтересованности производителя в своем труде.

При капитализме дело меняется. Капиталистические производительные силы требуют таких отношений, где обе стороны должны быть свободными: производитель «свободен» от средств производства и в продаже своей рабочей силы; капиталист же, в собственности которого находятся средства производства, свободен в том, чью и сколько рабочей силы он купит. Рабочий формально свободен, но его «свобода» от средств производства вынуждает его выйти на столь же «свободный» рынок и предложить капиталисту свою рабочую силу в качестве товара. : В процессе переговоров о купле и продаже рабочей силы, а в дальнейшем в процессе ее эксплуатации рабочий еще более попадает в экономическую зависимость от капиталиста.

Наряду со всем этим, неоспорим тот факт, что рабочий и по своему общественному положению, и по своему уровню развития стоит гораздо выше крепостного крестьянина.

Повторяем, что процесс осуществления свободы в классовом обществе был всегда лишь относительным освобождением для эксплуатируемых классов. Если (будем иметь в виду развитие производства, производительности труда в связи с переходом от одного общественно-экономического строя к другому, то становится совершенно ясно, (что эксплуатация производителя усиливается в «абсолютном смысле слова. Но, с другой стороны, у крестьянина, например, условия труда лучше, чем у раба, а у рабочего лучше, чем у крестьянина. Длительность рабочего времени также постепенно уменьшается. Значит, эксплуатируемые классы со сменой общественных формаций относительно освобождаются. Поскольку подробная характеристика производственных отношений и производительных сил каждой общественно-экономической формации невозможна в пределах данной работы, то мы,

ограничась вышеизложенной характеристикой противоречивого развития свободы в классовых обществах, приступим непосредственно к исследованию превращения необходимости в свободу при капитализме.

Однако, чтобы избежать односторонности, мы вынуждены здесь сделать маленькое отступление и продолжить свое исследование в другом направлении, а именно: рассмотреть развитие науки и взаимодействие науки и производства.

Освобождение руки от лазания, ходьбы и т. д. и появление ее специфической функции – использование орудий труда, означало появление новой человеческой деятельности – производства. Лишь благодаря этой своей деятельности «...человеку удалось наложить свою печать на природу: он не только переместил различные виды растений и животных, но изменил также внешний вид и климат своего местожительства изменил даже самые растения и животных до такой степени, что результаты его деятельности могут исчезнуть лишь вместе с общим омертвением земного шара»¹. Все современные сложнейшие машины, реактивные и атомные двигатели, крупнейшие электростанции и т. д., в конечном счете, предполагают управление человеческой рукой. Но одна рука, как бы она не была развита и совершенна, не в состоянии добиться столь грандиозных достижений. Только рука человека, управляемая головой, дала возможность изобрести и использовать эти мощнейшие орудия труда.

Господство человека над природными силами, начавшееся с развитием руки, с трудовой деятельности, постоянно расширяло его кругозор. Но вначале человеческое познание ограничивалось знанием лишь отдельных практически полезных явлений и сторон действительности. Это объяснялось тем, что для удовлетворения потребностей людей было достаточно такого чисто практического познания. Первобытный человек, например, всецело зависящий от природы, чтобы сохранить свою жизнь, ограничивался знанием того, где он может найти пищу, какие плоды и ягоды съедобны, а какие несъедобны, какие звери ему опасны и он должен их избегать, а на каких он может охотиться.

---

¹ Ф.Энгельс. Диалектика природы, стр.14.

Человека вначале вполне удовлетворяли такие особенности, огня, как его способность согреть, варить, и он совершенно не интересовался объяснением возникновения и сущности огня. Но как только естественная сила и форма полезных действий отдельных явлений перестают удовлетворять его потребности, человек начинает интересоваться условиями и причинами, возникновения этих полезных действий. Другими словами, начинается исследование закономерностей природных явлений, что ведет к возникновению науки. Люди уже не ограничиваются знанием непосредственного проявления того или иного явления, они стараются познать его глубинное, сущностное, что лежит за поверхностью явления. Одновременно с развитием познания законов природы, совершенствуются средства воздействия на природу. Все эти средства являются продуктом совместной деятельности руки и мозга человека. Рука без головы так же, как и голова без руки, не могут освободить человека от бремени тяжелого физического труда, для этого требуется их соединение и взаимодействие.

Чрезвычайно большую роль в развитии пауки сыграло возникновение частной собственности и распад общества на классы. Как известно, с распадом общества на классы, в руках одного класса концентрируется все богатство, что и дает возможность ему освободиться от физического труда и жить, за счет неоплачиваемого труда другого класса, не имеющего ничего, кроме собственной рабочей силы. Происходит разделение физического и умственного труда, каждый из которых становится занятием различных классов: физический труд – эксплуатируемого, умственный труд – эксплуатирующего. Но (из этого вовсе не следует, что с этого момента наука, которая была специальным занятием людей умственного труда, начала развиваться независимо от производства, так как «...с самого начала возникновения и развитие наук обусловлено производством»¹.

Если мы отвлечемся от воздействия господствующих производственных отношений на развитие науки и производства,

---

¹ Ф.Энгельс. Диалектика природы, стр.145.

то можно сказать, что в процессе развития наука и производство взаимно обуславливают друг друга. Безусловно, в общем развитии науки и производства, производственные отношения играют настолько большую роль, что без учета воздействия этих отношений – положительного или отрицательного – нельзя понять резких скачков или замедления в ходе развития науки и производства. Значит, отвлечение от воздействия производственных отношений должно носить условный характер и делается нами в целях облегчения понимания взаимодействия науки и производства в процессе развития.

Первые пастушеские и земледельческие народы вынуждены были заниматься астрономией для точной ориентировки во временах года, что являлось важным условием успеха их производственной деятельности. Астрономия же могла развиваться только с помощью математики. Следовательно, необходимым было и развитие математики. Дальнейшее развитие земледелия (особенно в тех странах, где не было достаточной влаги и посевы нуждались в искусственном орошении, например, в Египте), возникновение крупных городов, построек, развитие ремесла были невозможны без развития механики. Невозможно было бы построить ни египетских пирамид, ни римских и греческих зданий, в строительстве которых использовались камни весом в 50-100 тонн, ни крупных для того времени оросительных и судоходных каналов, ни больших судов, не зная закона рычага, не зная действия подвижного и постоянного блоков, закона Архимеда и т. д. Только знакомство с этими законами механики давало возможность людям поднимать огромные камни, выкачивать воду из глубоких колодцев для орошения посевов, переплывать реки и моря.

На первый взгляд кажется, что наука обуславливает развитие производства. На самом же деле наука обязана производству большим, чем производство науке. Если бы не было практической потребности в орошении посевов, в постройке крупных зданий и пр., то люди никогда не задумались бы над тем, как выкачивать воду, как поднимать камень весом в 50-100 тонн на такую-то высоту и т. д. Многие авторы рассказывают, что

Архимед открыл свой закон о положении твердого тела, погруженного в жидкость, совершенно случайно, когда он купался в бассейне. Для нас важно не то, как и где он открыл этот закон, а важно выяснение той причины, которая заставила его задуматься над этим вопросом, самому поставить ряд опытов, что и привело, в конце концов, к открытию закона. Этой причиной явилась потребность общества в постройке судов с большим водоизмещением для перевозки груза и пассажиров по водному пути.

Грандиозное развитие науки, начавшееся после мрачного средневековья, также обязано производству. Во-первых, постепенно развивающаяся промышленность к тому времени накопила достаточно фактов из области механики, химии и физики (ткачество, часовое и красильное дело, металлургия, алкоголь, очки и т. д.), которые дали возможность осуществить новые наблюдения, новые эксперименты и даже сконструировать новые инструменты. Во-вторых, «...географические открытия, – произведенные исключительно в погоне за наживой, т. е. в конечном счете под влиянием интересов производства, – доставили бесконечный, до того времени недоступный материал из области метеорологии, зоологии, ботаники и физиологии (человека)»¹.

Наконец, потребности капиталистического производства не могли быть осуществлены без параллельного развития науки.

Развитие науки и производительных сил эпохи раннего капитализма шло по сравнению с предшествующими эпохами семимильными шагами. Отдельные отрасли производства настолько переплетаются друг с другом, что развитие одной из них с необходимостью требовало развития другой. Производство этого периода полно многочисленными, более или менее значительными, открытиями, каждое из которых, двигая вперед общий уровень производства, одновременно вызывало новые открытия. Касаясь развития естественных наук XIX века, Ф. Энгельс особо подчеркивает три открытия, которые в свою очередь сыграли огромную роль в дальнейшем развитии

---

¹ Ф.Энгельс. Диалектика природы, стр.145.

общества. Первое – это открытие закона сохранения и превращения энергии. Второе – «открытие Шванном и Шлейденом органической клетки как той единицы, из размножения и дифференцирования которой возникают и вырастают все организмы, за исключением низших»¹. И, наконец, третье – это теория развития органического мира Дарвина. Каждое из этих великих открытий было результатом обобщения многочисленных фактов, относящихся к различным областям действительности и накопившихся в результате длительного развития общества. Эти открытия дали решающий толчок различным отраслям деятельности людей: промышленности, земледелию, животноводству, медицине и т. д.

У нас нет возможности подробно останавливаться на конкретном разборе положительных влияний всех этих открытий на развитие человеческой деятельности. Поэтому мы ограничимся характеристикой одного из них: закона сохранения и превращения энергии.

Выше мы указывали, что люди еще в древности, хотя и не были знакомы с законом сохранения и превращения энергии, добывая огонь путем трения двух предметов, уже пользовались одной из форм проявления этого закона. В дальнейшем развитии использование превращения механического движения в теплоту принимает широкое распространение, хотя процесс этого превращения еще не изучен. Однако, обратного превращения, т. е. превращения, тепловой энергии в механическую, люди еще не могли осуществить.

Сила пара была известна многим из древних ученых. Так Герон Александрийский построил механизм, приводимый в движение силой пара. Несмотря на это и на ряд других подобных случаев, люди не могли найти практического применения силы пара. Машина Герона Александрийского и другие подобные устройства остались вне производственного применения. Но главное было сделано. Людям уже было известно, что пар обладает силой, которая может привести в движение крупные машины. Однако этот факт надолго был забыт учеными, что

---

¹ Ф.Энгельс. Диалектика природы, стр.155.

объясняется отсутствием практической потребности в использовании силы пара. Производственные потребности общества вполне удовлетворялись силой рук рабов, крепостных крестьян и домашних животных. По истечении веков бурное развитие всех отраслей производства поставило на повестку дня вопрос о том, как найти более мощный источник энергии, ибо ручная сила и сила домашних животных уже не удовлетворяла требования развивающегося производства. Источник был известен, оставалось найти метод его использования. Другими словами, общество непосредственно подошло к рубежу открытия парового двигателя.

В паровом двигателе нуждались все отрасли производства: угольная промышленность нуждалась в нем, во-первых, для выкачивания воды из шахт, до этого осуществляемое насосами, приводимыми в движение ручной силой; во-вторых, для перевозки добытого угля к месту потребления. Существующие виды транспорта, главным образом гужевого, явно не удовлетворяли эту потребность. В этом нуждалась не только угольная промышленность, но и металлургия и многие другие отрасли производства.

До того, как в 1769 году англичанин Джеймс Уатт построил универсальный паровой двигатель и взял на него патент, ученые многих стран неустанно работали в этом направлении. Среди них особые места занимают имена француза Дени Папина, русского Ивана Ползунова, англичан Севери и Ньюкомена и многих др. В 1687 году в Лондоне французским учителем физики Дени Папином была построена первая машина, приводимая в движение силой пара. Но по своему устройству и мощности она была настолько примитивной и слабой, что ее нельзя было широко использовать в производстве. Несмотря на свою практическую неприменимость, машина Д. Папина стала основой, универсального парового двигателя. Впоследствии усовершенствованная Севери и Ньюкоменом она в течение 60-70 лет обслуживала шахты Англии.

Наконец, Джеймс Уатт построил универсальный паровой двигатель с отдельным конденсатором, который лег в основу всех

дальнейших открытий: паровоза, парохода, парового молота, ткацких станков и других изобретений.

Эти мощнейшие паровые машины позволили человеку с быстротой птицы перевозить нужный ему груз с одного конца земного шара на другой, переплывать моря и океаны. Горная железная дорога в Перу, построенная инженером Генри Мейгсом, яркое свидетельство того, какую громадную роль сыграло открытие паровоза в жизни общества. Расстояние между конечными пунктами этой дороги – Калао и Оройя – всего 220 километров, по Калао лежит на берегу Тихого океана, а Оройя – в горах на высоте 5850 метров. На расстоянии 48 километров от Калао начинается подъем и дорога представляет непрерывный ряд зигзагов, проходит по 30 туннелям и стольким же мостам.

В истории известно, что строительный материал замка Тадж-Махал, который был построен индийским царем Джахан-шахом в честь одной из его жен, был перевезен с Гималайских гор на верблюдах, лошадях и других домашних животных. Десятки лет продолжалась эта перевозка камня, гранита, мрамора и т. д., тысячи людей гибли от непосильного труда на пути от Гималайских гор до места строительства Железная дорога навсегда освободила человечество от подобной работы.

Не меньшую роль в развитии общества сыграло и изобретение парохода. Благодаря пароходу, были покорены океаны, моря и многоводные реки мира. Из непреодолимых стихий они превратились в удобный и беспрепятственный путь для транспортировки сырья, продуктов производства и перевозки пассажиров.

Изобретение парового двигателя с его дальнейшим усовершенствованием и применением в различных целях сыграло преобразующую, революционную роль в развитии общества.

Возможности дальнейшего расширения использования паровой машины в производстве были велики, но отнюдь не беспредельны. Потребности же развивающегося капиталистического производства росли с каждым днем. Поэтому, сыграв огромную роль в создании крупной заводской

промышленности, совершив переворот в области транспорта, паровая машина должна была «потесниться», уступить место другой покоренной людьми силой природы, превосходящей паровую машину своей мощностью. Эта новая сила – электричество.

Еще в глубокой древности люди были знакомы с таким явлением, как молния. Но они знали его лишь как факт, сама же природа этого явления, причины и законы его происхождения были им не известны. Поэтому каждое поколение по своему объясняло его происхождение: одни считали, что молния связана с божественной волей, другие принимали ее за злого духа, третьи считали ее проявлением божьего гнева.

Так естественная форма проявления электричества внушала людям только страх, ибо с нею были связаны смерть и разрушения.

С другой стороны, еще в древней Греции ученые (Фалес Милетский) были знакомы с удивительным свойством янтаря – притягивать к себе мельчайшие частицы при трении о шерстяную ткань. Чем же это объясняется? Может быть, янтарь обладает какой-то сверхъестественной силой, или при трении в нем пробуждается дух, вложенный в него богом? Фалес Милетский был далек от подобных ответов. Но и верного разъяснения природы этого странного явления он дать не мог. Вопрос оставался открытым. Христианское средневековье ничего не сделало для его разрешения. Лишь в XVII веке этот вопрос был снова поднят английским медиком У. Джильбертом.

Путь, по которому ученые неустанно шли к выяснению подлинной природы электричества, был долгим и трудным. Многих ждала неудача, многие умирали, не достигнув заветной цели, ибо вынуждены были оставить свою работу неоконченной за неимением средств и условий для ее продолжения. Но развитие человечества неуклонно шло вперед. Несмотря на огромные жертвы на пути прогресса; человек добивался своего.

Около двух с половиной веков ученые трудились над изучением свойств и законов электричества. Но познание законов электричества не могло быть самоцелью, люди

руководствовались не простым любопытством, а исходили из того, что электричество является природной силой, которую можно использовать в общественных целях. Следовательно, они не могли остановиться только на познании этого явления. Они должны были выявить методы его широкого производственного использования.

Почему же электричество почти вытеснило из производства паровую машину? Безусловно, в силу больших преимуществ над последней. В чем же состояли эти преимущества? Главное преимущество электричества заключается в том, что его можно легко, без особых потерь передавать от места производства к месту потребления. Эта особенность электричества делает его использование настолько удобным, что на всех заводах, фабриках, на транспорте и в связи (не всегда), во всех областях обыденной жизни (освещение, отопление и т. д.), в земледелии и в многочисленных других областях жизни применяется электроэнергия. Она стала силой, освободившей человека от рабства тяжелого труда, превращающей его только в контролера работ автоматически действующих машин приборов.

Если изобретение паровой машины было обратным превращением тепловой энергии в механическую, то изобретение электромагнитного генератора и электродвигателя, а также непосредственное использование электрической энергии (освещение, согревание и т.д.) позволило открыть закон сохранения и превращения энергии.

Таким образом, условно отвлекаясь от влияния общественных отношений на развитие производства и науки, мы попытались коротко рассмотреть взаимообусловленное развитие науки и производства и последствия непосредственного влияния их развития на освобождение общества.

Но, как мы уже говорили, это отвлечение может быть только условным. В действительности развитие науки и производства, их воздействие на взаимоотношения человека и природы не могут быть рассмотрены вне влияния на них общественных отношений, особенно классовых – антагонистических. Значит наше исследование не может быть полным, если мы не

рассмотрим производственные отношения (например, капиталистические), их противоречия и влияние на развитие общественной жизни.

Капитализм, как и все другие общественно-экономические формации, развивается на основе присущих ему объективных законов. Кроме общесоциологических законов, которым подчиняются все общественно-экономические формации, капитализм имеет свои специфические законы, вступающие в действие с момента появления капиталистического способа производства, т. е. с того момента, когда товарное производство становится господствующей формой хозяйства. Эти специфические законы капиталистического способа производства, в конечном счете вытекающие из капиталистических производственных отношений, являются той сферой, которая в различные периоды развития капитализма по различному преломляет непосредственные последствия господства человека над природными силами. Поэтому следует подробно остановиться на характеристике капиталистических производственных отношений и вытекающих из них законов.

Прежде чем говорить о действии законов развития капиталистического общества, необходимо указать на ту цель, которую ставит перед собой капиталистическое производство. Ибо, не указав ее, нельзя ясно представить противоречия объективного хода развития капиталистического общества и противоречия, возникающие между объективным ходом развития и стремлениями капиталистов. Основная цель капиталистического производства, вокруг которой вращаются все интересы капиталистов, заключается в извлечении прибыли. Единственное, что интересует капиталиста в процессе производства это – прибавочная стоимость. Для капиталиста совершенно безразлично, что он производит, предметы непосредственного потребления, или машины, орудия труда или военное снаряжение. Во всех этих товарах он видит только то, что они воплощают в себе прибавочную стоимость. Все другие особенности товара – потребительная стоимость и т. д. – интересуют капиталиста постольку, поскольку без них товар не

может реализоваться как прибавочная стоимость. Капиталист в первую очередь думает о количественной стороне прибавочной стоимости, о том, сколько он может получить прибыли от производства такого-то товара.

Возникает вопрос, является ли эта цель продуктом сознания, воли, желания отдельных капиталистов или она обуславливается объективным ходом развития, чему и должны подчиняться капиталисты, чтобы обеспечить свое существование? Эта цель вытекает из самой природы капиталистического способа производства. Существование капиталиста и его производства находится в прямой зависимости от указанной цели. Если капиталист откажется от своей цели, т. е. от прибыли, то он будет разорен, так как лишится возможности осуществить расширенное воспроизводство. А отсутствие расширенного воспроизводства означает гибель капитализма. Итак, мы видим, что цель – извлечение прибыли, воля; сознание и стремление каждого капиталиста необходимо обусловлены самой природой капиталистического способа производства.

Рассмотрим теперь, как осуществляется развитие капитализма на остоле объективных законов, как возникают противоречия капиталистического способа производства и как они разрешаются.

В капиталистическом способе производства так же, как и во всех других, производительные силы и производственные отношения составляют единство. Это единство требует рассмотрения каждой формации с точки зрения присущего ей способа производства, в неразрывной связи двух указанных сторон способа производства. Только в таком случае можно понять их внутреннее противоречивое развитие. Единство производственных сил и производственных отношений, составляющее основу существования всякого общества, заключается, во-первых, в том, что производительные силы и производственные отношения составляют две необходимые стороны процесса производства; во-вторых, в том, что определенный уровень производительных сил требует соответствующих их характеру производственных отношений.

В период развития капитализма прогрессивные в то время капиталистические производственные отношения соответствовали характеру производительных сил и тем самым способствовали быстрому развитию последних. Буржуазия не может существовать и развиваться дальше, не развивая гигантскими шагами производительные силы. Свободная конкуренция между капиталистами, т. е. сила, вдохновляющая капиталистов на дальнейшее развитие своего производства, превращает в обязательный закон развития капиталистического способа производства постоянное усовершенствование машин. Постоянное усовершенствование машин имеет следующие, на первый взгляд, противоречащие друг другу, но вполне законные при господстве капиталистических отношений последствия. Это приводит к более быстрому развитию производства и увеличению производительности труда. Применение машин и, в частности, их усовершенствование привело к тому, что человек который выступал в качестве движущей силы ручных орудий труда, превращается в контролера машины. Рабочая сила одного человека теперь дает в несколько раз больше продуктов, чем она могла дать три ручном способе производства. Казалось бы, применение машин облегчает тяжелый труд человека, улучшает материальное благосостояние трудящихся. Но здесь в полной своей силе выступают капиталистические производственные отношения. Они стоят между продуктами производства и их производителями, в силу чего, дальнейший путь продуктов к производителям крайне осложняется и, в конце концов, доходит до того, что машины выступают в совершенно противоположной роли. Маркс пишет, что «перед капиталистически применяемыми машинами вовсе не ставится» цель облегчить человеческий труд. «Подобно всем другим методам развития производительной силы труда, они (машины. – Д.А.) должны удешевлять товары, сокращать ту часть рабочего дня, которую рабочий употребляет на самого себя и, таким образом удлинять другую часть его рабочего дня, которую он даром отдает капиталисту. Машины – средство производства прибавочной стоимости»¹.

---

¹ К.Маркс. Капитал, т.1, стр.377

Капиталистическое применение машин обращает всю выгоду, от их эксплуатации против рабочих. Пользуясь тем, что машины требуют относительно меньше физического труда, чем ручной труд, капиталист ставит к машинам женщин и детей, труд которых оплачивается гораздо дешевле, чем труд мужчин. Пользуясь тем, что машины требуют гораздо меньше рабочих, капиталист увольняет их массами с фабрик и заводов, и, пользуясь огромным количеством безработных, сильнее эксплуатирует остальных: увеличивает рабочий день, превращает рабочего в простой механический придаток машин. Машины призванные облегчить условия труда рабочего, улучшить его благосостояние, превращаются в средство, усиливающее эксплуатацию рабочих, она «грозит задавить их» (Ленин).

Отсюда вытекает второе последствие применения и усовершенствования машин при капитализме – увеличение безработицы, нищеты, или, как говорит Маркс, промышленной резервной армии.

Бурное развитие капиталистических производительных сил, как наиболее подвижного, революционного элемента капиталистического способа производства, приводит их в противоречие с производственными отношениями, внутри которых они развиваются. Это противоречие выступает как главное противоречие капиталистического способа производства и проявляется в форме противоречия между общественным характером производства и частнокапиталистическим характером присвоения продуктов.

Капитализм в своем развитии концентрирует разбросанные мелкие средства производства, превращает их из индивидуальных в общественные, применяемые лишь совместно массой людей. Тем самым он превращает ограниченные, мелкие средства производства в мощные производительные силы.

В результате дальнейшей концентрации капитала все более и более уменьшается число капиталистов в каждой отрасли промышленности, но зато увеличивается число отдельных отраслей. Если в эпоху кустарничества разрозненные мелкие

производители сами выполняли работу нескольких, а порою даже всех отраслей той или иной области промышленности, то в эпоху капитализма отдельные отрасли специализируются и выделяются в самостоятельные. Общественная связь между производителями отдельных отраслей укрепляется, производители различных областей промышленности сплавиваются в одно целое. А сами отрасли промышленности становятся зависимыми друг от друга и обуславливают друг друга. Все области капиталистического производства сливаются в общественный производственный процесс. Средства производства и само производство превращаются по сути дела в общественные, но присвоение продуктов производства продолжает оставаться частным. Так как средства производства находятся в собственности капиталистов и производственный процесс на отдельных предприятиях находится в их распоряжении, продукты производства идут на расширение их частной собственности. Другими словами, характер производства становится в непримиримое противоречие с формой присвоения и требует ее ликвидации.

Это главное противоречие капиталистического способа производства лежит в основе всех других противоречий. Последние, по сути дела, представляют собою ту или иную форму проявления первого.

Закон так называемой «свободной» конкуренции находится в непосредственной связи с господствующей при капитализме формой присвоения (не будет преувеличением даже, если скажем, что вытекает из нее). Каждый капиталист стремится извлечь из производства как можно больше прибыли, и на этой почве сталкиваются их интересы. Каждый из них стремится вытеснить другого с мирового рынка, и с этой целью постоянно увеличивает свое производство. При этом на предприятиях отдельного капиталиста производство организовано планомерно. Владелец прекрасно знает, как на его предприятиях распределен труд и средства производства, сколько производится продуктов и т. д.

Совсем иначе обстоит дело в производстве вообще. Капиталист не только не считается с другим предпринимателем

той же отрасли промышленности или других отраслей, но, наоборот, они находятся в состоянии постоянной конкуренции. Они стремятся к тому, чтобы как можно больше произвести товаров, снизить их себестоимость различными путями и вывести из строя своего конкурента. Нет планового распределения труда и средств производства между отдельными отраслями производства. Регулятором общественного производства является стихийный спрос рывка и колебание рыночных цен. Словом, в общественном производстве господствует анархия. Наконец, увеличение производства и снижение (покупательной способности населения достигают такой степени, что произведенный товар перестает реализоваться, не находит себе потребителя. Общество задыхается от им же самим произведенного продукта. Наступает экономический кризис. Производитель не имеет возможности потребить продукт собственного труда, а капиталист, в собственности которого находятся эти продукты, уничтожает их, чтобы повысить цены на них. Уничтожается значительная часть производительных сил, останавливаются многие предприятия, резко увеличивается число безработных. И лишь только через определенное время застой в производстве заменяется постепенным движением вперед, а затем все повторяется сначала.

Буржуазия всеми силами стремится преодолеть кризисы путем уничтожения производительных сил, или путем захвата новых рынков и более основательной эксплуатации. Но этим она подготавливает еще более сокрушительные, еще более опасные кризисы, ускоряющие гибель капитализма. Капиталистическое общество развивается таким путем до тех пор, пока не взорвется сам способ производства – основа всего буржуазного строя.

С момента вступления капитализма в новую стадию своего развития, в стадию монополистического капитализма, противоречия, присущие капиталистическому строю, крайне обостряются. Свободная конкуренция, создавая крупное производство путем концентрирования производства и капитала, вытеснения мелкого производства и т. д., превращается в свою прямую противоположность – в монополию. Монополистов не

удовлетворяет средняя прибыль, они борются за максимальную прибыль, чтобы осуществлять более или менее регулярное расширенное воспроизводство. В борьбе за максимальную прибыль одни группы капиталистов разоряются, выходят из строя, а другие, наоборот, обогащаются за счет первых. Основной экономический закон современного капитализма указывает цель империалистического производства и средства, которыми пользуются капиталисты для достижения этой цели. Главные требования основного экономического закона современного капитализма таковы: «обеспечение максимальной капиталистической прибыли путем эксплуатации, разорения и обнищания большинства населения данной страны, путем закабаления и систематического ограбления народов других стран, особенно отсталых стран, наконец, путем войн и милитаризации народного хозяйства, используемых для обеспечения наивысших прибылей»¹.

Гнет монополистического капитализма, двигателем которого является максимальная прибыль получаемая путем все усиливающейся эксплуатации рабочего класса и ограбления колониальных народов, крайне обостряет все противоречия империализма: противоречие между буржуазией и рабочим классом, противоречие между империалистическими державами и народами колониальных и зависимых стран, а также противоречие между самими империалистическими державами и между монополистическими группами. Усиление этих противоречий неминуемо ведет мировую империалистическую систему к гибели.

В. И. Ленин в работе «Материалы по пересмотру партийной программы» указывает, что капитализм с начала XX века вступил на новую стадию своего развития. На этой стадии развития капитализма господствует вместо свободной конкуренции монополия. Банки, а также монополистические союзы капиталистов готовят создание аппарата для общественного регулирования процесса производства и

---

¹ И.Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952, стр.38.

распределения продуктов. В связи с ростом монополий растет дороговизна; и все более увеличивается угнетение рабочего класса. Бедствия, разорения и обнищание населения, порождаемые захватническими империалистическими войнами достигают крайнего предела. «...Все это делает из достигнутой ныне ступени развития капитализма эру пролетарской, социалистической революции»¹. Империализм, таким образом, является кануном социалистической революции.

Итак, противоречие между производительными силами и производственными отношениями настолько развивается, что дальнейшее развитие производительных сил в рамках существующих производственных отношений становится невозможным. Производственные отношения из формы развития производительных сил превращаются в их оковы.

Буржуазия не может противостоять развитию ею же созданных грандиозных производительных сил, последние не только не служат развитию буржуазных производственных отношений, но требуют их окончательного уничтожения. «...Подобно тому как мануфактура, на известной ступени развития, пришла в конфликт с феодальным строем производства, так и крупная промышленность вступила теперь уже в конфликт с пришедшим ему на смену буржуазным строем»². В условиях существования этого конфликта (причем этот конфликт не есть нечто такое, что возникает в головах людей; он является результатом объективного хода развития капиталистической действительности, независимо от воли и поведения людей, деятельностью которых создается) общество не может дальше развиваться. Закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил требует уничтожения старых отношений и замены их новыми, соответствующими уровню развития производительных сил отношениями. Наступает эпоха социального переворота.

---

¹ В.И. Ленин. Сочинения, т.24 стр. 431

² Ф.Энгельс. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии (К.Маркс и Ф.Энгельс. Избранные произведения, т. II, М., 1952, стр.374)

Такова краткая характеристика объективного, необходимого развития капиталистического общества. Как и в других, антагонистически классовых обществах, при капитализме, как мы уже видели, люди находятся под гнетом стихийно действующей общественно-исторической необходимости. Создав своей общественной деятельностью эту историческую, необходимость, люди потом не могут подчинить ее себе, наоборот, сами они подчиняются стихийному водовороту исторической необходимости. Освобождение от рабства этой необходимости, следовательно, предполагает сознательную деятельность людей.

Превращение необходимости в свободу, наряду с вышеизложенным объективным ходом развития и с теми предпосылками, которые подготовили социальный переворот, включает в себя еще и субъективный момент – сознательную деятельность масс, причем не просто сознательную деятельность, а активную борьбу, направленную на слом сопротивления отживающих классов. Это объясняется следующей особенностью общественных законов: в отличие от законов естествознания, познание которых и использование в практических целях идет более или менее гладко, познание и использование общественных законов встречает серьезное сопротивление со стороны господствующего класса. Это происходит потому, что познание, раскрывая перед народными массами подлинную сущность капиталистического строя, в то же время включает в себя «понимание его отрицания», «его необходимой гибели» (Маркс). Эксплуатируемые массы начинают осознавать, что капитализм такая же преходящая форма общественного строя, как и все предшествующие, что все стремления буржуазных идеологов обосновать вечность капитализма есть не что иное, как попытка продлить срок его существования путем обмана масс, что экономические законы капитализма являются не вечными законами природы, но законами историческими, возникающими и исчезающими. «Поэтому... ни один из этих законов, поскольку

он выражает чисто *буржуазные отношения*, не старше современного буржуазного общества»¹.

Действие отживающих сил общества, направленное на защиту старого строя, может препятствовать историческому развитию, временно сохранять старые отношения и не дать возможности осуществиться требованиям закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Но оно никак не может приостановить ход исторического развития. Эта попытка отживающих сил обречена на провал. Энгельс указывает, что каждый раз, когда наступают революционные потрясения, за ними всегда и всюду стоит известная общественная потребность, удовлетворение которой встречает сильнейшее сопротивление со стороны отживших учреждений. Но всякая попытка насильственного подавления этой потребности приводила к тому, что она (выступала с еще более возрастающей силой и в конце концов разрывала свои оковы.

Государство, действующее наперекор экономическому развитию, может потерпеть крупный урон и вызвать массовую растрату средств и сил общества, но в конце концов неизбежно потерпит крах. История учит, что там, где государственная власть вступает в антагонизм с экономическим развитием, становится препятствием экономическому развитию, возникает борьба между ними, оканчивающаяся ниспровержением государственной власти.

Несомненно, что то же самое должно случиться с буржуазными государствами, которые, почувствовав свой конец, всячески стремятся предотвратить свою гибель.

Маркс говорил, что та или иная общественно-историческая задача встает перед обществом только тогда, когда общество уже располагает средствами для ее осуществления, или таковые находятся в процессе становления. Внутреннее противоречивое развитие каждого явления порождает в то же время средства для разрешения этих противоречий. В противном случае не могло бы быть развития.

---

¹ К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, т.XVI, ч.I, стр.150

Историческая сила, которая призвана разрешать противоречия капиталистического общества, т. е. ликвидируя сопротивление отживающих классов, открыть широкие возможности для дальнейшего развития производительных сил, была порождена самим же капиталистическим строем. Этой силой является пролетариат, стоящий во главе, всех других угнетенных слоев населения, который, как единственно последовательный революционный класс, призван быть могильщиком капитализма.

Существование и развитие капитализма немислимо без рабочего класса. Пролетариат и богатство – это противоположности, составляющие одно целое. Но недостаточно указать на них, как на две стороны одного целого, важно знать, какое положение каждая из этих противоположностей занимает в обществе.

Частная собственность в лице своих владельцев ради сохранения своего существования вынуждена поддерживать существование своей противоположности, – пролетариата, как она является продуктом труда последнего.

Пролетариат же, напротив, «вынужден отвергнуть самого себя и тем самым и обуславливающую его противоположность, делающую его пролетариатом, – частную собственность»¹.

В «Капитале» Маркса дается подробнейший анализ развития богатства и пролетариата, их взаимодействие в процессе развития. При капитализме, с одной стороны, воспроизводится богатство, капитал, а с другой – нищета рабочего класса, причем эти противоположные полюсы воспроизводятся, в расширенном масштабе. На одном полюсе – в руках горстки капиталистов концентрируется богатство общества, на другом – творцы этого богатства – огромная масса наемных рабочих, которые ничего не имея, кроме рабочей силы, продают ее за ничтожное количество средств к существованию. «Накопление капитала есть увеличение пролетариата» (Маркс). С накоплением капитала и с возрастанием пролетариата в абсолютном смысле увеличивается и величина промышленной резервной армии. С ростом же

---

¹ К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, т. III, стр.55

промышленной резервной армии растет безработица, нищета. Этот абсолютный, *всеобщий закон капиталистического накопления* следующим образом формулируется Марксом: «Чем больше общественное богатство, функционирующий капитал, размеры и энергия его возрастания, а следовательно, чем больше абсолютная величина пролетариата и производительная сила его труда, тем больше промышленная резервная армия... ..Следовательно, относительная величина промышленной резервной армии возрастает вместе с возрастанием сил богатства. Но чем больше эта резервная армия по сравнению с активной рабочей армией, тем обширнее постоянное перенаселение, нищета которого обратно пропорциональна мукам его труда. Наконец, чем больше нищенские слои рабочего класса и промышленная резервная армия, тем больше официальный пауперизм»¹.

Таким образом, мы видим, что капитализм порождает не только противоречия, являющиеся объективными материальными предпосылками свержения капиталистического строя, но и ту силу, которая исторически призвана разрешить эти противоречия. Буржуазия выковывает не только то оружие, которое приносит ей смерть, но и живую силу - людей, которые направляют это оружие против самого капитализма. Правда, «частная собственность в своем экономическом движении сама, впрочем, толкает себя к собственной гибели, но только путем не зависимо от нее, бессознательного, против ее воли происходящего и природой самого дела обусловленного развития, путем порождения на свет пролетариата как пролетариата, – этой сознающей свою духовную и физическую нищету нищеты, этой сознающей свою отверженность и тем самым себя самое упраздняющей отверженности. Пролетариат приводит в исполнение приговор, который сама себе выносит частная собственность, порождением на свет пролетариата, точно также, как он приводит в исполнение приговор, который сам себе выносит наемный труд производством чужого богатства и собственной нищеты. Одержав победу, пролетариат никоим образом не становится абсолютной стороной общества, ибо он

---

¹ К.Маркс. Капитал, т. I, стр.650

одерживает победу, только упраздня самого себя и свою противоположность. С победой пролетариата исчезает как сам пролетариат, так и обуславливающая его противоположность – частная собственность»¹.

Эта всемирно-историческая роль принадлежит пролетариату не потому, что он обладает какой-то сверхъестественной силой, или же потому, что так определено богом. «Скорее наоборот. Так как отвлечение от всего человеческого, даже от *видимости* человеческого; нашло себе в оформившемся пролетариате практически совершенное выражение; так как в жизненных условиях пролетариата все жизненные условия современного общества достигли вершины бесчеловечности; так как в пролетариате человек потерял самого себя, но вместе с тем не только обрел теоретическое сознание этой потери, а непосредственно еще вынужден к возмущению, против этой бесчеловечности велением ничем не прикрашенной, неумолимой абсолютно властной нужды, этого практического выражения необходимости, – то поэтому пролетариат может и должен сам себя освободить. Но он не может освободить себя, не упразднив своих собственных жизненных условий. Он не может упразднить своих собственных жизненных условий, не упразднив всех бесчеловечных жизненных условий современного общества сосредоточившихся в его собственном положении»².

Следовательно, на классовую борьбу нельзя смотреть как на нечто случайное, не вытекающее из хода развития капиталистического строя. Она является необходимым результатом капиталистического развития его движущей силой. Непримируемая борьба, которую ведут угнетаемый и угнетающий классы, находящиеся в вечном антагонизме, двигает классовое общество вперед и всегда кончается сменой одного общественно-экономического строя другим путем социальной революции.

«С самого начала цивилизации, – пишет Маркс, – в основание производства ложится антагонизм званий, сословий, классов, наконец, – антагонизм труда накопленного и труда

---

¹ К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, т. III, стр.55

² К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, т. III, стр.56-57

непосредственного. Без антагонизма нет прогресса. До настоящего времени производительные силы развивались благодаря этому режиму антагонизма классов»¹.

Это единственная правильная точка зрения, которая и лежит в основе тактики пролетариата в борьбе с буржуазией. Утверждение же идеологов буржуазии того, что не революционная борьба рабочего класса является действительным двигателем общества, а солидарность всех элементов общества, составляет основу тактики класса капиталистов.

Борьба пролетариата против буржуазии проходит в своем развитии ряд этапов. Вначале она не представляла собой борьбы классов. Напротив, она велась в форме отдельных стихийных выступлений рабочих против капиталистов. Рабочие не знали еще подлинной причины своего положения. Они не осознавали ни своего угнетения, ни своей силы, у них не было еще пролетарского самосознания. Пролетариат тогда не был сплоченным классом.

Дальнейшее развитие капиталистического производства обуславливает физическое и духовное развитие класса пролетариев. Развитие крупной промышленности не только численно увеличивает пролетариат, но играет определяющую роль в его сплочении, объединяет его в мировом масштабе класс пролетариев. Это, во-первых. Во-вторых, развитые производительные силы требуют более умелого обращения, чем простые орудия труда, приводимые в движение человеческой силой. Появление новых сложных машин в корне меняет роль человека в производстве. Человек, выступавший в качестве движущей силы простых орудий труда, становится регулятором машин, и следовательно, должен обладать большими знаниями.

В результате пролетариат выделяется из всей остальной массы населения, превращается в единый, самостоятельный класс. Общность положения и интересов объединяет всех рабочих в едином фронте против буржуазии.

Пролетариат, как и всякий другой класс, нуждается в идеологии для борьбы со своими врагами. Он нуждается в ней

---

¹ К.Маркс. Нищета философии. М., 1941, стр.52

для того, чтобы выяснить свое положение, свои возможности, свои цели. Другими словами, пролетариат должен был познать самого себя, как самостоятельный класс, свое историческое призвание и методы осуществления задач, поставленных перед ним. Потребность вызывает средства для ее собственного удовлетворения. Появляется партия, выражающая интересы пролетариата. Вооруженная верным знанием объективных законов общественного развития, она освещает пролетариату путь к его самосознанию и путь выхода из угнетенного положения. С появлением пролетарской партии, с формированием пролетарского мировоззрения – марксизма-ленинизма, буржуазия сталкивается уже не с отдельными критиками отдельных доктрин так называемой буржуазной свободы (утописты), а с организованным авангардом класса пролетариев, с его цельным мировоззрением.

Благодаря единству вышеуказанного объективного и субъективного моментов, борьба пролетариата увенчалась успехом – был свергнут капитализм и построен социализм сначала в России, а затем и во многих других странах.

ПРЕВРАЩЕНИЕ НЕОБХОДИМОСТИ В СВОБОДУ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

Маркс пишет, что люди являются одновременно и авторами и актерами своей собственной драмы. Историческая необходимость отличается от природной необходимости тем, что она выступает как продукт общественной деятельности людей и осуществляется при их активной деятельности, тогда как при осуществлении природной необходимости люди выступают только как исполнители, как актеры, а творцом ее является сама природа. Люди всегда делали и сейчас делают свою историю. Но во всех досоциалистических, обществах они делали ее не «согласно общей воле или согласно общему плану». Поэтому их стремления, направленные к достижению личных целей, перекрещивались, и историческая необходимость, порожденная их непланомерной деятельностью, господствовала над ними как чуждая им сила, «дополнением к которой и формой проявления которой является случайность» (Энгельс).

Капитализм есть последний этап антагонистического классового общества, развитие которого обуславливалось классовыми антагонистическими противоречиями. С уничтожением капитализма перестают действовать все законы классового антагонистического общества вообще, специфические законы развития и функционирования капитализма, в частности. Новый общественный строй, пришедший на смену капитализму, – социализм, с его экономическими и социальными принципами обуславливает появление новых законов, вытекающих из новых условий общественно-экономического развития, в корне меняет роль и положение народных масс – действительных творцов истории, в этом развитии. С социализма, можно сказать, начинается действительная, сознательная история человечества, свободная от пагубного влияния случайностей. От всех предшествующих строев коммунизм отличается тем, что он совершает коренной переворот, в производственных и общественных отношениях. При коммунизме общественные явления возникают как продукт

сознательной планомерной деятельности самих людей. Деятельность людей, основанная на познании необходимых законов общественного развития, лишает ход исторического развития его стихийности.

Переход от капитализма к социализму «есть скачок человечества от царства необходимости в царство свободы» (Энгельс). Без дальнейшего раскрытия сути этого положения, без анализа этого скачка по отношению к прошлому и самого характера скачка, нельзя себе ясно представить царства свободы. Ведь при капитализме также имеет место использование природных сил в практической деятельности, причем порою в очень широком масштабе. Почему же тогда мы называем переход от капитализма к социализму скачком из царства необходимости в царство свободы? Не противоречит ли приведенное положение Энгельса другому его высказыванию, гласящему, что «каждый шаг вперед по пути культуры был шагом к свободе»? Может быть, правомерно будет говорить о скачке лишь в одном отношении, а именно в отношении господства людей над общественными силами? Это кажущаяся противоречивость положений Энгельса может возникнуть, если мы не учтем коренного развития общественных отношений, составляющих основу классового общества, и общественных отношений, составляющих основу социализма. Вышеупомянутые положения Энгельса не только не противоречат, но, напротив, дополняют друг друга. Если мы свободу будем рассматривать неодносторонне, т. е. не только как свободу от природных сил, или как свободу от общественных сил, а как единый процесс, охватывающий в своем развитии и те и другие, то станет понятно, что положения Энгельса характеризуют свободу с разных сторон и дают полное и правильное представление о ее историческом развитии; при этом перед нами откроется картина противоречивости самого скачка из царства необходимости в царство свободы.

Общественные отношения являются той средой, где преломляется влияние господства людей над природными силами и воздействует на их жизненные условия. Это означает,,

что ту основу, которая дает нам возможность назвать социализм царством свободы, надо искать в социалистических производственных отношениях. Именно они в корне меняют характер исторической необходимости, а следовательно, и характер сознательной деятельности людей; именно они открывают широкий простор развитию производительных сил, изменяют направление своего влияния на жизненные условия людей.

Основой социалистических производственных отношений, является общественная собственность на средства производства. При социализме каждый производитель находится в одинаковых отношениях к средствам производства и к продуктам общественного труда. Отсюда вытекает ряд характерных моментов социалистических производственных отношений.

Воздействие развивающихся производительных сил на жизненные условия общества преломляется сквозь призму капиталистических производственных отношений таким образом, что развитие производительных сил, вопреки своему назначению (т. е. улучшение благосостояния трудящихся масс), приводит к последствиям двоякого рода: с одной стороны, оно все больше обогащает владельцев средств производства, не принимающих непосредственного участия в производственном процессе, а с другой, все больше разоряет непосредственных производителей – законных владельцев всего произведенного.

При социализме производители одинаково заинтересованы в развитии самого процесса производства и в получении максимального количества товаров. Поэтому они всячески стремятся способствовать развитию производства, а отношения, в которые они вступают в процессе производства выступают как главный стимул развития производительных сил. Последние служат тому, кому они должны служить по своей природе – силе, приводящей их в действие – производителям.

Капиталистические производственные отношения способствуют развитию производительных сил лишь до определенного времени, а потом становятся препятствием на пути их развития. При социализме развитие производства не

связано с интересами какой-то одной части общества, так как не существует классовых антагонизмов. Поэтому производственные отношения не могут превратиться в оковы производительных сил. Тенденция отставания производственных отношений от развития производительных сил, несомненно, остается и при социализме. Но господство общественной собственности и общность интересов всего общества, дают людям возможность своевременно устранять противоречия путем ликвидации указанного отставания. Поэтому социалистические производственные отношения дают полный простор для непрерывного, прогрессивного развития производительных сил.

Антагонистические классовые общественные отношения, являясь продуктом общественной деятельности людей, выходят из-под их контроля, и господствуют над ними. Закономерность общественного развития, проявляющаяся в виде внешней и чуждой людям необходимости, представляется им «не как их собственная объединенная сила, но как некая чуждая, вне их стоящая сила, о происхождении и целях которой они ничего не знают, которую, следовательно, они уже не могут овладеть, которая, напротив, должна пройти свой особенный, не зависящий от воли и поведения людей, а даже эту волю и это поведение направляющий, ряд фаз и ступеней развития»¹.

Интересы господствующего класса как раз этого и требовали. Идеологи буржуазии всячески стремились проповедовать среди масс, внушать им, что буржуазные отношения совершенно независимы от них и поэтому, мол, нет смысла бороться с ними. Именно поэтому всякая попытка, направленная на выяснение подлинной природы капиталистических отношений и других общественных явлений, основывающихся на них, встречает резкое сопротивление господствующих классов, защитников этих отношений. При социализме, на: оборот, общественные отношения выступают именно как отношения людей, сообща трудящихся и сообща потребляющих продукты своего труда. Люди не видят в них никакой таинственности, так как они господствуют над всеми общественными явлениями. Здесь уже

---

¹ К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, т. IV, стр.24-25

не может быть никакого сопротивления выяснению подлинной природы общественных явлений, так как интересы дружественных классов социалистического общества – рабочих и крестьян – целиком совпадают с необходимостью познания объективных законов общественного развития¹.

Таким образом, историческая необходимость в классовых антагонистических обществах слепо господствует над людьми. Свобода же в этих общественно-экономических формациях фактически является «свободой» господствующего меньшинства. Социалистические же общественные отношения, находясь под контролем свободных от эксплуатации людей, направляют освободительное действие развития производительных сил на действительное освобождение людей от тяжелого труда и на улучшение жизненных условий. Значит, утверждение Энгельса о том, что переход от капитализма к социализму есть скачок из царства необходимости в царство свободы вовсе не противоречит его второму утверждению, приведенному нами выше.

Это положение Энгельса будет исходным пунктом и основой для дальнейшего нашего исследования.

Известно, что с превращением необходимости в свободу она не перестанет быть необходимостью, а только проявляется не в прежней слепой необходимости, а в новой форме, в форме познанной необходимости, свободы. Значит, говоря о социализме как о царстве свободы, мы вовсе не имеем в виду, что в условиях социализма нет исторической необходимости и все зависит от свободной деятельности людей. Независимо от условий и от среды, в которой совершается человеческая деятельность, последняя может завершиться успехом только в том случае, если она не противоречит объективной необходимости. Другое дело, что в одном случае соответствие человеческой деятельности с объективной необходимостью может осуществляться стихийно, случайным образом, а в другом случае оно бывает вполне сознательным, предусматривается субъектом деятельности. В обоих случаях речь идет о практической человеческой

---

¹ К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, т.IV, стр.24-25.

деятельности, осуществляющейся на основе объективной исторической необходимости. Однако, историческая необходимость при социализме приобретает совершенно иной характер. Новые социальные условия и социалистические производственные отношения порождают новые, соответствующие их характеру, общественные законы – законы развития социализма. Поэтому естественно, что в основе практической деятельности людей, в условиях социализма лежат эти новые законы, новая историческая необходимость.

История общества вообще отличается от истории развития природы тем, что в ней «действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти ставящие себе определенные цели»¹, тогда как в природе действуют одни слепые, бессознательные силы, на основе которых зиждятся ее законы. В обществе ничего не делается без осознанного намерения, без цели. Но что же из себя представляют цели человека? Являются ли они продуктом его личного желания и воли, или же они обуславливаются объективными историческими законами? В определении и осуществлении целей человека участвуют и первое и второе, но при этом решающим, конечно, является объективная необходимость.

Цель человека определяется его материальными потребностями, законами общественного развития. Все цели причинно обусловлены, и в этом они находят оправдание для своего времени. Цель – не простое представление о существующем, цель – мысль, идея, представление людей о результатах своей деятельности, о будущем, к которому они стремятся. В цели выражена в той или иной форме неудовлетворенность настоящим, и поэтому человек стремится, изменив существующее, достигнуть желаемого, составляющего содержание его цели.

В определении характера общественных и индивидуальных целей общественные отношения играют весьма значительную роль. Без выяснения этого нельзя решить вопрос о том, в чем

---

¹ Ф.Энгельс. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. Госполитиздат, 1948, стр.41)

выражается изменение характера субъективной деятельности в условиях социализма.

В классовых антагонистических обществах не может быть единой общественной цели. Различие положений общественных классов не может не влиять на различие характера выдвигаемых представителями этих классов целей. Целью экономически господствующих классов является обеспечение максимальной прибыли, и она вытекает из природы капиталистического способа производства. Целью эксплуатируемых классов – освобождение от гнета существующего строя. Столкновение этих диаметрально противоположных целей, а следовательно, и стремлений этих классов не может не отразиться на производственной деятельности общества в целом. В результате в истории общества создается такое же положение, как и в природе. «Действия имеют известную желательную цель; но результаты, на деле вытекающие из этих действий, вовсе нежелательны. А если вначале они, по-видимому, и соответствуют желаемой цели, то в конце концов они несут с собой далеко не то, что было желательно»¹. Нет сомнения, что цель этих двух классов определяется их потребностями, их положением в производстве. Но столь же несомненно, что эта цель должна была завершиться успехом, которая соответствовала закономерности дальнейшего общественного развития.

Таким образом, человеческая деятельность при капитализме могла руководствоваться следующими тремя мотивами.

1. Направление человеческой деятельности стихийно могло соответствовать направлению объективных законов, выражающих главную тенденцию в развитии действительности. В таком случае человек достигал поставленной перед ним цели. Тем не менее, это не означало, что человек был свободен в своей деятельности, что последняя основывалась на познанных законах.

2. Человеческая деятельность идет наперекор объективной необходимости. В этом случае человек не достигает

---

¹ Ф.Энгельс. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. стр.41)

поставленных перед ним целей. Объективная необходимость вовсе не считается с тем, что желает человек и к чему он стремится. Она непреклонно идет вперед и сметает со своего пути все, что становится для нее препятствием.

3. Человек не видит главного в общественной жизни, теряется среди многочисленных и разнообразных проявлений общественной необходимости, не может найти выхода из тупика, в который он попал и поэтому топчется на месте. Понятно, что и в этом случае он обречен на поражение.

При социализме картина меняется. Социалистические общественные отношения, пришедшие на смену капиталистическим, окончательно уничтожили основу существования классов – частную собственность, и установили общественную собственность на средства производства и на производственные продукты.

В силу общности интересов членов социалистического общества цели и стремления индивида совпадают с общественными целями и стремлениями. Стремление каждого человека к достижению индивидуальной цели означает в то же время стремление к достижению общественной цели, ибо общественная цель складывается из индивидуальных целей людей. Для того чтобы сознательно достичь поставленной перед обществом цели, люди должны познать законы развития, создать условия, нужные для превращения тенденции развития из возможности в действительность. В отличие от капитализма, где эти стремления трудящихся встречают серьезное сопротивление со стороны господствующего класса, при социализме, где интересы общества совпадают с объективным ходом развития общества, люди, благодаря верному знанию законов развития, ускоряют этот процесс и при этом экономят значительное количество сил и средств, которые, они бы затратили при стихийном развитии. Словом, человеческая деятельность при социализме не стихийно следует объективной необходимости, а на основе ее познания активно выступает как преобразователь природы и общественной жизни.

В результате происходит коренное изменение соотношения поставленной цели и достигнутого результата. Достижение поставленной цели зависит от того, насколько правильно, со знанием существа дела используются имеющиеся для этого средства. Если деятельность людей осуществляется вслепую, не учитывая законы развития данного конкретного явления, и более того, не учитывая возможные случайные отклонения этого предмета от основного направления его развития, то само собою понятно, что шансов на успех будет очень мало. Если же, наоборот, человек сознательно руководствуется тенденцией развития предмета, учитывает возможные случайные отклонения от основной линии развития, и даже создает нужные условия для развития, то, несомненно, он достигает поставленной цели. Здесь непосредственно сталкиваемся с вопросом: почему именно при социализме стало возможным сознательное использование в практических целях законов общественно-экономического развития? И почему это невозможно было в антагонистически классовых обществах?

У некоторых авторов (А. Румянцев, И. Кон и др.) самая постановка вопроса иная. Они считают, что в антагонистических классовых обществах в той или иной мере возможно познание и использование общественных законов. При этом у них главным образом речь идет о познании и использовании закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. «Но, – пишет А. Румянцев, – и в досоциалистических формациях люди открывали экономические законы, в определенных пределах познавали их и использовали в той или иной мере в интересах общества. Так, например, в практике своей экономической жизни люди открыли несоответствие феодальных производственных отношений характеру производительных сил, следовательно, и необходимость замены их капиталистическими. Применив закон обязательного соответствия производственных отношений

характеру производительных сил, общество создало капиталистические производственные отношения...»¹.

Не может быть никакого спора в отношении самого факта использования буржуазией закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил в борьбе с феодализмом. Буржуазные революции XVII–XVIII веков не оставляют в этом никакого сомнения. Но это еще не является доказательством того, что буржуазия использовала этот закон сознательно и, следовательно, действовала свободно. В борьбе с устаревшими феодальными отношениями буржуазия использовала закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил вовсе не потому, что она осознала историческую необходимость этого. Она делала это под принудительным воздействием стихийных социальных сил. Общественные явления, которые обуславливали взаимоотношения классов общества, заставляли буржуазию действовать так, а не иначе, так как таково было требование объективного хода развития истории. Создавшаяся обстановка подсказывала буржуазии, что для нее выход из существующего положения – только в уничтожении старых отношений. И буржуазия включилась в борьбу против феодализма только потому, что это было в ее интересах. Итак, поскольку интересы буржуазии того времени совпадали с необходимыми требованиями объективного общественного развития, она стихийно, борясь за свои интересы, руководствовалась этими необходимыми требованиями.

Далее следует указать, что так обстоит дело не только с использованием закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил.

В досоциалистических формациях вообще не может быть сознательного использования какого-либо общественного закона². Так как все классовые общества, в которых главенствуют

---

¹ А.Румянцев. О характере экономических законов при социализме. «Вопросы экономики», 1952, №11, стр.23-24.

² Во избежание споров отметим, что здесь речь идет не об использовании этого закона пролетариатом в борьбе с буржуазией.

отношения господства и подчинения, базируются на единой основе – частной собственности, то новые производственные отношения всегда зарождаются в недрах старого строя. Поэтому при смене одного общественного строя другим, от класса – носителя новых производственных отношений требовалось, чтобы он привел политическое господство в соответствие с уже появившимися новыми общественными отношениями. А эта задача вполне выполнима без всякого знания законов общественного развития.

Совершенно иначе обстоит дело, когда речь идет о смене капитализма – общественного строя, основанного на частной собственности, социализмом – общественным строем, основывающимся на общественной собственности. Здесь уже речь идет не просто о приведении в соответствие политической власти с новыми производственными отношениями, а о коренном уничтожении основы классовых отношений – частной собственности. Следовательно, новые производственные отношения должны быть порождены при активнейшей сознательной субъективной деятельности того класса, который призван быть носителем этих отношений – пролетариата и трудящегося крестьянства. А сознательная деятельность в первую очередь предполагает знание закономерностей общественного развития.

Это первый фактор, которым объясняется возможность сознательного использования законов общественного развития при социализме.

Далее это объясняется природой социалистических производственных отношений, природой отношений людей к процессу производства и к произведенным продуктам. Социалистические отношения исключают всякую эксплуатацию человека человеком. Люди одинаково заинтересованы в развитии производства. А быстрое и успешное развитие производства может быть осуществлено только в том случае, если оно основывается на объективно верном знании законов как естествознания, так и общественной жизни.

Теперь перейдем к характеристике главной цели социалистического производства и основных средств, используемых для достижения этой цели. Другими словами, мы охарактеризуем то главное, основное в социалистическом производстве, что определяет его законы и сферу их действия. Это – основной экономический закон социализма, существенные черты и требования которого следующие: «обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники»¹. Цель социалистического производства – обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества – в отличие от цели капиталистического производства, не ограничивается интересами какой-то части общества а охватывает интересы всего общества. Общественная собственность на средства производства требует, чтобы цель, поставленная перед общественным производством, включала интересы каждого члена общества к чтобы результат производства в равной мере использовался для удовлетворения потребностей всех членов общества. Целью развития социалистического производства является наиболее полное удовлетворение потребностей общества, потребностей людей социалистического общества.

Сама цель социалистического производства уже говори? о том, каковы должны быть средства для ее достижения. Если цель, поставленная перед производством, выражает интересы всего общества, то само собою разумеется, что достижение ее не может осуществляться в ущерб интересам какой-то части общества, ибо это противоречило бы формулировке самой цели. Значит, средства достижения общественной цели не противоречат интересам общества, а потому они сознательно поддерживаются всеми членами общества. В числе средств для достижения цели социалистического производства мы не можем видеть ни эксплуатации, разорения и обнищания производителей данной

---

¹ И.Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр.40

страны, ни систематического ограбления народов других стран, особенно народов отсталых стран, ни войны и милитаризации народного хозяйства. Все эти средства используются лишь при господстве частной собственности на средства производства. При социализме же максимальное удовлетворение постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества может быть обеспечено путем быстрого роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники. Этот рост, это совершенствование производства не прерывается периодическими экономическими кризисами. Производство развивается, минуя все случайности и неожиданности, на основе сознательно применяемых экономических и естественных закономерностей.

Первым, и, пожалуй, самым основным условием быстрого развития социалистического производства является то, что производство свободно от регулирующего воздействия стихийных рыночных отношений и, следовательно, оно свободно от конкуренции и анархии, свободно от влияния стихийных продуктов капиталистической формы собственности. Для обеспечения непрерывного роста и совершенствования *общественного производства* в интересах максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества необходимо планомерное пропорциональное ведение всех областей народного хозяйства, планомерное распределение и использование средств производства и рабочей силы. Другими словами, в основе развития общественного производства должен быть объективный закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства, пришедший на смену конкуренции и анархии производства при капитализме. Только планомерное ведение всех отраслей народного хозяйства обеспечивает бесперебойное, непрерывающееся развитие производства и столь же бесперебойное обеспечение потребностей общества.

Закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства вступает в силу только с появлением

общественной собственности на средства производства и означает определенную пропорцию (соответствие) в развитии различных отраслей общественного производства и определенное соотношение производства и потребления¹.

Обобществление средств производства объединяет все отрасли производства в единый экономический организм, оплачивает рабочую силу отдельных предприятий в единую общественную рабочую силу и, тем самым, делает возможной планомерную организацию общественного производства, планомерное распределение средств производства и рабочей силы между отдельными отраслями производства. Но это лишь возможность. Для превращения этой возможности в действительность необходимо, чтобы этот закон был положен в основу деятельности социалистических планирующих органов, в основу деятельности партии и правительства. Насколько полнее будут использованы требования объективного закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства, настолько успешней будет деятельность партии и правительства по планированию народного хозяйства, и. пропорциональное развитие общественного производства.

В противовес капитализму, где регулятором производства является закон стоимости, при социализме регулятором производства, распределения средств производства и труда между различными отраслями являются потребности общества; учет же потребностей общества имеет чрезвычайно большое значение для деятельности планирующих органов.

Для ясности приведем следующее сравнение: капиталист интересуется непосредственной прибылью, которую он должен

---

¹ Производство является средством обеспечения максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей общества. В свою очередь непрерывный рост этих потребностей и систематический подъем материального благосостояния народных масс служат мощным стимулом развития производства, постоянно растущим источником расширения производства. В отличие от капитализма при социализме непосредственной целью производства является потребление, а потребление в свою очередь является движущим мотивом производства. Поэтому при социализме между ними не может быть разрыва.

получить от эксплуатации данного предприятия. Не интересуясь тем, каковы потребности общества, конкурируя со своими соперниками, каждый капиталист старается вложить свой капитал в более рентабельные отрасли производства, в результате чего происходит постоянное переливание капитала из одних отраслей производства, малорентабельных для данного случая, в другие отрасли, имеющие большую рентабельность. В итоге получается так, что одни отрасли общественного производства в своем развитии далеко опережают потребности общества, а другие сильно отстают, хотя продукция вторых не менее необходима для общества, чем продукция первых.

При социализме же организация производства строится на строгом учете всего многообразия потребностей общества. Коммунистическая партия и Советское правительство учитывают общественные потребности, и поэтому развитие одних отраслей производства не может осуществляться в ущерб другим. Все отрасли производства развиваются пропорционально их значению в общественном развитии. Так, партия и правительство с самого начала существования социалистического строя выдвинули задачу всемерного развития тяжелой промышленности. Если бы перед социалистическим производством стояла цель извлечения непосредственной прибыли, то задача быстрого развития тяжелой промышленности была бы бессмысленной, так как развитие легкой промышленности и дешевле и рентабельнее, чем тяжелой. Но зная, что перед социалистическим производством стоит цель обеспечения максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества и что это возможно лишь только путем быстрого развития тяжелой промышленности, ибо она лежит в основе развития легкой промышленности и сельского хозяйства, партия и правительство поставили указанную задачу перед советским народом. Вот почему у нас рентабельность не может служить помехой сооружению малорентабельных предприятий, которые, несмотря на это, имеют огромное значение для народного хозяйства. Вот почему у нас капитал и рабочая сила не

переливаются из малорентабельных, а нередко и нерентабельных предприятий, в рентабельные.

Отсюда, казалось бы, следует вывод, что закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства уничтожает принцип рентабельности. Но это только видимость. Если в понятие рентабельность вложить более широкий смысл, выходящий за рамки буржуазного понимания рентабельности, т. е. если рентабельность взять не с точки зрения отдельных предприятий или отдельных отраслей производства, определяя ее результатом ежегодного производства, а с точки зрения всего общественного производства и в разрезе более длительного времени, скажем, 10-15 лет, то станет ясно, что закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства не только не уничтожает принцип рентабельности, но, напротив, заменяет временную непрочную рентабельность, какой она была при капитализме, «высшей формой прочной и постоянной рентабельности...», избавляя нас от периодических экономических кризисов, разрушающих народное хозяйство и наносящих обществу колоссальный материальный ущерб...»¹. Если даже ряд предприятий тяжелой промышленности в настоящее время малорентабельны, это не может быть причиной прекращения их сооружения. Малорентабельность их в настоящее время легко покрывается чрезвычайно большим значением в народном хозяйстве и их продукцией, которую они дадут спустя некоторое время.

Только благодаря правильному использованию требований закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства партией и правительством в их деятельности, направленной на развитие общественного производства, советский народ за невиданно короткий срок смог создать свою тяжелую промышленность и тем самым заложить мощную техническую базу для легкой промышленности и сельского хозяйства. Только благодаря этому, наша страна превратилась из отсталой аграрной страны в крупную индустриальную державу с

---

¹ И.Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр.24-25

передовым сельским хозяйством, оснащенным новейшей техникой.

Другим законом развития социалистического общества, который был положен в основу деятельности Коммунистической партии и Советского правительства, является закон постоянного повышения производительности труда. В.И. Ленин указывал, что «производительность труда, это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создает новую, гораздо более высокую производительность труда»¹.

Закон постоянного повышения производительности труда также исходит из основного экономического закона социализма и служит удовлетворению его главных требований.

Что же такое производительность труда, какими путями ее можно повышать и какова разница между повышением производительности при капитализме и при социализме? Каковы последствия, цель, пути и средства повышения производительности труда при капитализме и при социализме?

Маркс в «Капитале» указывает, что под повышением производительности труда следует понимать всякое изменение в процессе труда, направленное на сокращение общественно необходимого рабочего времени для производства того или иного товара, другими словами, всякое изменение в процессе труда, приводящее к тому, что меньшее количество труда приобретает способность производить большее количество потребительной стоимости. Такое общее определение с одинаковым успехом может быть использовано для характеристики повышения производительности труда и при капитализме и при социализме, поскольку здесь речь не идет о мотивах, вызывающих эти изменения и о характере самих изменений. И если мы оторвем определение Маркса от анализа цели, ради которой происходят эти изменения, направленные на повышение производительности

---

¹ В.И. Ленин. Сочинения, т.29, стр.394

труда, то допустим грубейшее искажение определения Маркса. Тем более, что в этом и заключается коренное отличие повышения производительности труда при капитализме от повышения ее при социализме.

Закон постоянного повышения производительности труда является средством достижения главной цели, стоящей перед общественным производством и выраженной в основном экономическом законе капитализма и социализма. Следовательно, при капитализме он служит обеспечению максимальной прибыли капиталистам, а при социализме – обеспечению максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и духовных потребностей всего общества. Отсюда нетрудно понять, что мотивы, вызывающие повышение производительности труда, непосредственно вытекают из главной цели производства.

Одной из причин, толкающих капиталиста на повышение производительности труда является конкуренция. Постоянное опасение быть вытесненным другими капиталистами с мирового рынка заставляет каждого капиталиста постоянно думать о том, каким образом можно повысить производительность труда с тем, чтобы снизить себестоимость товара. При этом характер цели обуславливает то, что капиталист совершенно не считается с тем, противоречит предпринимаемая мера по повышению производительности труда интересам большинства общества или нет.

Далее, такой причиной является также эксплуатация наемного труда. Известно, что рабочая сила при капитализме выступает в качестве товара, владельцем которого является рабочий. Поскольку это так, то понятно, что, повышая производительность труда, капиталист тем самым снижает стоимость рабочей силы и этим увеличивает свою прибыль. «При капиталистическом производстве, – пишет Маркс, – развитие производительной силы труда стремится сократить ту часть рабочего дня, которую рабочий употребляет на самого себя, и

именно таким путем удлинить другую часть рабочего дня, в течение которой рабочий даром работает на капиталистов»¹.

При капиталистическом строе повышение производительности труда служит для рабочего не средством постоянного, непрерывного повышения его благосостояния, а, напротив, источником все возрастающей нищеты, безработицы и голода.

Конкуренция и стремление сохранить свои позиции вынуждают капиталиста постоянно, всеми мерами повышать выработку каждого рабочего. При этом капиталиста интересует только одна сторона вопроса, а именно – насколько предпринимаемая мера может повысить его прибыль, другая же сторона – соответствует эта мера интересам большинства общества, или она противоречит им – совершенно его не интересует.

Чтобы повысить выработку каждого рабочего, капиталисты используют такие меры, как удлинение рабочего дня, интенсификация и организация труда; расширение применения машин и увеличение механизации труда.

Следует провести различие между первыми двумя способами (удлинение рабочего дня и интенсификация труда) и двумя другими (организация труда и применение техники – механизация). Первые два по сути дела означают увеличение затраты рабочей силы и, следовательно, увеличение напряженности труда. За весь рабочий день человек должен работать с превышающим его максимальные возможности напряжением, чтобы успеть за машинами, работающими с максимальной быстротой. В результате человек к концу дня лишается сил и, таким образом, уже физически не имеет возможности заниматься чем-либо другим. Он отказывается от всех развлечений и стремится только как-нибудь восстановить свои силы, чтобы завтра опять лишиться их.

Капиталистические методы интенсификации труда превращают человека в механический придаток машины, который должен работать с такой же регулярностью и быстротой,

---

¹ К.Маркс. Капитал, т.1, стр.327

как и сама машина, ибо отставание человека нарушило бы весь процесс производства данного цеха. Но человек не машина. Его организм нуждается в нормальном отдыхе, в восстановлении своих сил. И поэтому чрезмерно быстрый темп на производстве, невероятная напряженность труда и, наконец, отсутствие нормальных условий жизни очень быстро выводят рабочего из строя, калечат его, лишают его возможности всестороннего развития, словом делают его физически и духовно искалеченным существом.

Поэтому эти две меры нельзя назвать мерами повышения производительности труда, хотя для капиталиста все, что способствует снижению стоимости товара, означает повышение производительности труда. Их можно назвать скорее мерами повышения напряженности труда.

Две последующие меры – организация и механизация труда могут быть применены без увеличения затраты человеческой рабочей силы. Напротив, при благоприятствующих социальных отношениях, они могут служить и служат облегчению человеческого труда, сокращению рабочего дня. При капитализме же бывает наоборот. Обратимся к фактам: несмотря на то, что за последние 7-8 лет во Франции выработка на одного рабочего значительно возросла, а издержки производства товаров значительно понизились, за это время не произошло более или менее заметного снижения цен, те незначительные снижения, которые имели место, далеко отставали от повышения выработки на одного рабочего. Например, в области производства автомобилей на заводах Рено количество часов (необходимых для производства одного автомобиля) снизилось с 698 в 1948 до 367 в январе 1955 года: на заводах Пежо – с 457 в 1950 до 264 в 1954 году. Почти то же самое можно увидеть и в других отраслях промышленности – производстве угля, металлургии и т. д. Отсюда вывод: в условиях господства капиталистических производственных отношений, в условиях господства монополий нет и не может быть непосредственной связи между ростом производительности труда и уровнем продажных цен.

С января 1952 по январь 1954 года, несмотря на уменьшение общего объема производства на 6,4 процента, производительность труда выросла на 12 процентов. Этому уровню повышения производительности труда, например, на заводах Рено соответствует увеличение прибыли на 46 процентов. За это время не наблюдается более или менее значительного увеличения заработной платы рабочих. К тому же число занятых рабочих уменьшилось на 11,2 процента, т. е. с 38 115 до 33 695 человек. Отсюда следует, что в капиталистических условиях уровень заработной платы рабочих не определяется ростом производительности труда. Уровень заработной платы зависит от существующего соотношения общественных сил, от результатов борьбы рабочих против капитала. И, наконец, из приведенных фактов следует, что при капитализме нет и не может быть прямого соответствия между изменениями производительности труда и жизненным уровнем трудящихся масс.

Результатом всего этого является то, что, во-первых, рабочий, не получая достаточно средств для восстановления своих сил, работая в очень трудных условиях, в 35-40 лет уже лишается трудоспособности и, во-вторых, что его жизнь бывает окружена опасностями в процессе труда, что очень часто приводит к несчастным случаям. В этом отношении весьма интересные факты имеются в материалах семинара, организованного редакцией французского журнала «Экономия политик» в 1955 году¹.

В своем выступлении д-р Ле Гийян приводит цифровые данные о несчастных случаях на производстве во Франции. Если число несчастных случаев в 1948 году достигало 1 млн. 605 тыс., то в 1951 году оно увеличилось до 1 млн. 804 тыс., а в 1953 достигло 1 млн. 829 тыс. Из них соответственно в 1948 году 37 500 случаев, в 1951 – 50 453, а в 1953 – 63 790 случаев, которые

---

¹ См.об. «Производительность – против рабочего класса в странах капитала. М., 1956. Данные, приводимые на предыдущей странице и далее, взяты из этого сборника.

были такими тяжелыми, что повлекли за собой смерть или постоянную инвалидность.

Приведем слова одного американского врача, «объясняющего» причины несчастных случаев па производстве (кстати, это не только слова д-ра Александера, а мнение, разделяемое большинством идеологов буржуазии США): «Современная психиатрия считает, что большинство несчастных случаев происходит вовсе не случайно, оно по большей части вызвано *предрасположением* к ним, свойственным тем, кто явился их жертвой»¹ (курсив мой. – Д.А.). Оказывается несчастные случаи на производстве связаны не с недостаточностью мер охраны труда, не с невероятно высокими темпами работы на производстве, вызванными мерами, предпринятыми капиталистами в целях повышения выработки каждого рабочего, а с тем, что рабочие бессознательно предрасположены к ним; другими словами, это означает, что рабочие сами бросаются под колеса машин, или сами подставляют свои руки под станок и т. д. Но, нет. Это только мнение д-ра Александера и его собратьев, преданных служителей своих хозяев. В действительности же значительная часть несчастных случаев на производстве вызывается не «психологическими предрасположениями», неловкостью, рассеянностью или нетрезвым состоянием потерпевших, а нарушением высшей нервной деятельности, которое связано с переутомлением людей. И, «когда трудящиеся осознают, – пишет д-р Ле Гийян, – что повышение производительности труда служит для их обмана не только в экономическом отношении (о чем говорили мы раньше. – Д.А.), но и что так называемая научная организация труда и непрерывно увеличивающиеся на ее основе нормы выработки и темпы работы являются коренной причиной сотен заболеваний, в том числе нервных, которые убивают жизнерадостность, разрушают личную или семейную

---

¹ Там же, стр.68.

жизнь и здоровье трудящихся, – тогда станет возможным, и мы в это верим – сделать большой шаг по пути их освобождения»¹.

Подытоживая все вышеизложенное, мы можем сказать, словами Маркса, что «ни усовершенствование машин, ни применение науки к производству, ни изобретение в области средств сношений, ни новые колонии, ни эмиграция, ни новые рынки, ни свободная торговля, ни все это, вместе взятое, не устранил нищеты трудящихся масс; на современной (капиталистической.– Д. А.) порочной основе всякое новое развитие производительных сил труда должно углублять общественные противоположности и обострять общественные антагонизмы. Во всех странах Европы для всякого непредубежденного человека это стало очевидной истиной, которую отрицают только те, кто заинтересован в том, чтобы убаюкивать людей ложными надеждами»².

Хотя мы и несколько отклонились от нашей главной цели – от анализа проявления закона постоянного повышения производительности труда при социализме и использовании этого закона Коммунистической партией и Советским правительством в своей деятельности, направленной на построение коммунистического общества, но имея представление о том, какими методами повышается производительность труда при капитализме и каковы его последствия, мы сможем легко показать различие социалистических методов от капиталистических и ту непосредственную связь, которая имеется между повышением производительности труда и жизненными условиями социалистических людей.

В работах классиков марксизма-ленинизма имеются неоднократные указания на то, что свобода возможна, лишь в том обществе, которое имеет организацию производства, исключаящую всякую эксплуатацию человека человеком, в обществе, где организация производства такова, что никто не

---

¹ Сб. «Производительность – против рабочего класса в странах капитала», М., 1956, стр.69.

² К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, т. XIII, ч. I, стр.9.

может свалить свою долю общественного труда на другого, где общественный труд превращается в естественное условие существования человека. При такой организации общественного производства производительный труд, являющийся средством порабощения его носителей-производителей в классовых обществах, делается средством освобождения человечества. Такой труд предоставляет каждой личности все возможности для всестороннего ее развития, для проявления всех ее способностей – как физических, так и духовных.

Таким обществом является социалистическое общество. Освободить (в широком смысле этого слова) общество означает создать хорошую биологическую и общественную среду для каждого его члена. Под биологической средой понимается изобилие хорошей и приятной пищи, свобода от излишнего тепла и холода, хорошие условия труда и т. д. Общественная среда включает более важные моменты, чем биологическая: место человека в обществе, обеспечение его гражданских прав, признание и одобрение его поступков со стороны других членов общества, убеждение в том, что, делая ту или иную работу для себя, ты делаешь ее одновременно для общества, испытание прочности в семейных отношениях, участие в общественной жизни и т. п. Материальную основу создания благоприятствующей биологической и общественной среды составляет производство, его две стороны – производительные силы и производственные отношения.

Биологическая и общественная среда взаимодополняют и взаимопредполагают друг друга. Создание хорошей общественной среды предполагает и хорошую биологическую, само же создание хорошей биологической среды, т. е. коллективный труд трудящихся, направленный на улучшение их собственного благосостояния, означает создание хорошей общественной среды, – отношения дружбы и товарищества, взаимоуважения и взаимопризнания, и, наконец, отношения взаимопомощи людей социалистического общества. Другими словами, развитие социалистического производства лежит в

основе правовых и моральных норм, которые в свою очередь благоприятно действуют на развитие производства.

Социализм может доказать свое преимущество и тем самым победить капитализм только тогда, когда он создает производительность труда, намного превышающую таковую при капитализме, когда он создает изобилие (Всего необходимого для нормальной жизни общества. Такова была установка партии и Советского правительства с самого начала существования первого представителя социалистического мира – Советского Союза. Советский народ, руководимый Коммунистической партией, в основе деятельности которой лежат объективные законы общественного развития вообще, законы развития социалистического общества, в частности, с честью выполнил эту задачу.

Общественная собственность на средства производства, составляющая основу социалистического производства, в корне изменила основные требования закона постоянного повышения производительности труда. Новые условия, условия господства общественной формы собственности, уничтожили такие меры повышения производительности труда, как удлинение рабочего дня, интенсификация труда, и совершенно по новому претворили в жизнь такие меры, как организация и механизация труда. Теперь все это делается не с точки зрения интересов незначительной части общества, сконцентрировавшей в своих руках средства производства, а в соответствии с интересами всего общества.

Особо важное значение в повышении производительности труда при социализме приобретает применение на производстве новейшей техники и постоянное усовершенствование старой. Машины, несмотря на то, что они совершают те же механические операции, что и при капитализме, совершенно изменили свои функции по отношению к человеку. Из средства извлечения прибавочной стоимости, из средства еще большего угнетения человека, они превращаются в его друга, становятся самым мощным средством облегчения человеческого труда и увеличения количества производимого продукта. Они больше не

являются капиталом отдельных людей, а составляют собственность всех членов общества и, следовательно, служат средством удовлетворения потребностей всего общества. Впервые машина становится тем, чем она должна быть по своей природе – орудием труда.

В. И. Ленин пишет: «Впервые после столетий труда на чужих, подневольной работы на эксплуататоров является возможность работы на себя, и притом работы, опирающейся на все завоевания новейшей техники и культуры»¹.

Технический прогресс в СССР идет по следующим направлениям: 1) электрификация, 2) комплексная механизация, 3) химизация, 4) автоматизация. Вопрос о техническом прогрессе и росте производительности труда с большой остротой был поставлен на XXI съезде КПСС. В докладе к съезду Н. С. Хрущев указал, что «успешно решить задачи семилетнего плана можно только на основе широкого внедрения новой техники, **комплексной механизации и автоматизации** производственных процессов, **специализации и кооперирования** во всех отраслях народного хозяйства»². Осуществление комплексной механизации и автоматизации освободит ручной труд от трудоемких работ, даст людям больше свободного времени, необходимого для их всестороннего развития. Механизация и автоматизация производственных процессов имеет не только большое экономическое, но и социальное значение. Наряду с повышением производительности труда, повышается и культурно-технический уровень рабочих, что означает ликвидацию различий между умственным и физическим трудом.

В семилетнем плане развития народного хозяйства СССР, принятом XXI съездом КПСС, большое внимание уделено развитию химической промышленности. «Развитие химической промышленности дает возможность наиболее эффективно использовать природные богатства страны и является

---

¹ В.И. Ленин. Сочинения, т.26, стр.368.

² Н.С. Хрущев. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959-1965 годы. Госполитиздат, стр.31

необходимым условием дальнейшего технического прогресса во всех отраслях народного хозяйства»¹. Продукты химической промышленности составляют высококачественное сырье для выпуска товаров народного потребления. Они и стоят дешево и превосходят по своим свойствам природные материалы. Особо широкое применение в различных отраслях народного хозяйства и повседневной жизни людей найдут пластические массы и другие синтетические материалы.

Вопрос об электрификации страны всегда стоял в центре внимания нашей партии. Еще в 20-е годы В. И. Ленин говорил: коммунизм – это Советская власть плюс электрификация всей страны, ибо электрификация является энергетической основой всех отраслей народного хозяйства. Наша партия неотступно придерживалась этой линии, считала своей первоочередной задачей электрификацию всего народного хозяйства. В настоящее время «мы вступаем в решающую стадию осуществления идеи великого Ленина о сплошной электрификации страны. Годовая выработка электроэнергии к концу семилетки должна возрасти до 500-520 миллиардов киловатт-часов...»².

Не менее важное значение в повышении производительности труда имеет социалистическая организация общественного труда. Правильная организация труда дает возможность избежать огромной растраты сил и средств, сконцентрировать силы и, таким образом, избавиться от их распыления.

Наконец, особенно большая роль в увеличении производительности труда принадлежит повышению культурно-технического уровня рабочих. Для того, чтобы неуклонно и; быстрыми темпами развивать социалистическое производство, повысить производительность труда при социализме, необходим дальнейший подъем культурно-технического уровня рабочих и крестьян, культурный рост всех советских людей, что в свою очередь, происходит на основе мощного развития

---

¹ Н.С. Хрущев. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959-1965 годы. Госполитиздат, стр.24

² Там же, стр.26.

социалистического производства на базе высшей техники. С одной стороны, технический прогресс – механизация и автоматизация производства, появление все более сложных машин и приборов сокращает потребность в рабочей силе (кстати, эта особенность технического прогресса при капитализме приводит к сокращению количества рабочих данного предприятия, а при социализме – к сокращению рабочего дня), с другой стороны, требует повышения квалификации рабочего, его культурно-технического уровня. С повышением культурно-технического уровня рабочего стирается противоположность между умственным и физическим трудом и, следовательно, в корне меняется роль представителей физического труда в производстве. Из простых исполнителей указаний людей умственного труда, они превращаются в инициаторов, в новаторов. Изобретением новых машин и усовершенствованием старых, вопросами усовершенствования методов производства занимаются у нас не только ученые, но и вся масса производителей, коллектив предприятия. Предложенное изобретение или рационализаторское предложение обсуждается всем коллективом и в результате по сути дела является созданием коллектива.

Число изобретателей и рационализаторов в СССР в 1950 году составляло 555 тыс. человек. В 1953 оно увеличилось до 874 тыс., а в 1955 году оно составляло 1 млн. 138 тыс. человек. Число изобретений, технических усовершенствований и рационализаторских предложений в 1955 году составляло 2 млн. 080 тыс., из которых 1 млн. 160 тыс. были внедрены в производство в том же году.

«За 1950-1958 годы было внедрено в народное хозяйство около десяти миллионов изобретений и рационализаторских предложений, способствующих развитию техники, снижению себестоимости продукции и улучшению условий труда миллионов грядущих. За последние три года экономия,

полученная от внедрения в производство этих предложений, составила около 24 миллиардов рублей»¹.

Уничтожение противоположности между умственным и физическим трудом открывает перед каждым членом социалистического общества широкие возможности для его всестороннего развития, для максимального проявления его физических и духовных способностей. Для этого созданы все условия: заочные институты, где обучаются без отрыва от производства, курсы усовершенствования при производственных предприятиях, вечерние школы для рабочей молодежи и т. д. и т. д.

Итак, все указанные нами моменты закона постоянного повышения производительности труда были познаны нашей партией и правительством и положены в основу их деятельности. И лишь только благодаря правильному использованию основных требований этого закона и руководству партии и правительства, советский народ за очень короткий срок добился невиданных в капиталистическом мире результатов.

Среднегодовая производительность труда в СССР возросла в 1955 году по сравнению с 1913 годом примерно в 8 раз в промышленности и в 4,3 раза на транспорте при сокращении продолжительности рабочего дня там и здесь².

«В 1958 году по сравнению с 1913 годом производительность труда рабочих в промышленности возросла примерно в 10 раз, — и это при значительном сокращении продолжительности рабочего дня»³.

Закон постоянного повышения производительности труда вытекает, как было указано выше, из требований основного экономического закона социализма и поэтому его результаты должны служить удовлетворению этих требований, т. е. при социализме должна осуществляться непосредственная связь

---

¹ Н.С. Хрущев. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959-1965 годы. Госполитиздат, стр.12.

² См. об. «Народное хозяйство СССР», 1956, стр.34.

³ Н.С. Хрущев. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959-1965 годы. Госполитиздат, стр.8.

между ростом производительности труда и улучшением материального и духовного благосостояния людей. Другими словами, должна быть непосредственная связь между ростом производительности труда и сокращением рабочего дня и ростом реальной заработной платы. Удовлетворение же постоянно растущих духовных потребностей общества связано с этими двумя моментами: с сокращением рабочего дня и ростом реальной заработной платы. Осуществление этих-двух принципов предоставляет человеку достаточно свободного времени, которое он может использовать для удовлетворения своих духовных потребностей.

Яснее всего об этом говорят факты: семилетний план, утвержденный XXI съездом, намечает повышение реальных доходов рабочих и служащих (в расчете на одного работающего) на 40 процентов и увеличение доходов колхозников также не менее чем на 40 процентов. Минимальная заработная плата (низкооплачиваемый труд) за семилетку поднимется с 270-350 рублей до 500-600 рублей в месяц. Предусматривается также значительное увеличение размеров пенсий.

Большую роль в деле улучшения благосостояния советского народа, в деле их все большего освобождения будут играть мероприятия по сокращению рабочего дня и рабочей недели. В резолюциях XXI съезда КПСС говорится: «Завершить в 1960 году перевод рабочих и служащих на семичасовой рабочий день, а рабочих ведущих профессий в угольной и горнорудной промышленности, занятых на подземных работах., – на шестичасовой рабочий день. Осуществить в 1962 году перевод рабочих и служащих с семичасовым рабочим днем на 40-часовую рабочую неделю. Начиная с 1964 года приступить к постепенному переводу работников, занятых на подземных работах и в производствах с вредными условиями труда, на 30-часовую рабочую неделю и всех остальных работников на 35-часовую неделю с двумя выходными днями в неделю при 6-7-часовом рабочем дне»¹.

---

¹ Резолюция XXI съезда КПСС. Госполитиздат, 1959, стр.23.

С осуществлением всех этих мероприятий, говорит Н. С. Хрущев, «будут созданы еще более благоприятные условия для всестороннего развития духовной культуры, для всестороннего развития личности граждан социалистического общества»¹.

«...Чем меньше времени требуется обществу на производство пшеницы, скота и т.д. – говорил Маркс, – тем больше времени оно выигрывает для другого производства, материального или духовного»².

В нашей стране ныне осуществляется это основное условие развития личности – свободное время. Чем больше свободного времени у советских людей, тем выше уровень их физического и духовного развития.

Наконец, скажем несколько слов о новом отношении к труду при социализме и об изменении самого характера труда. Отношение людей к труду определяется тем, в какой мере они заинтересованы в результатах своего труда. Если рабочие в процессе труда выступают как носители рабочей силы, «принадлежащей» капиталисту, то, естественно, они будут враждебно относиться к труду. Труд в этом случае не будет для них добровольным делом, а будет чем-то выполняемым ими под внешним принуждением. Поэтому рабочие используют любую возможность для освобождения от этого принуждения. А если сами трудящиеся являются организаторами и исполнителями трудовых операций, а, следовательно, сами же являются хозяевами продуктов труда, то, конечно, они будут относиться к нему как к своему собственному делу и будут стараться облегчить условия труда. Это и приводит к изменению характера труда. Постоянно проводимый технический прогресс также меняет условия и характер труда. Труд из тяжелого бремени превращается в дело чести, в необходимое условие развития членов общества. Миллионы людей освобождаются от тяжелых, вредных и грязных работ, и машины, контролируемые ими, заменяют их в этом деле. Люди, господствующие над силами

---

¹ Н.С. Хрущев. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1957 годы. Госполитиздат, стр.8-9.

² Архив Маркса и Энгельса, т.IV, стр.119.

общественной жизни, превращают в своих покорных слуг все природные силы, познание и использование которых находится в сфере возможностей теоретической и практической деятельности человека.

Выдающиеся успехи советских ученых и всего советского народа за последнее время является ярким доказательством нового отношения к труду. Успешный запуск первых в мире искусственных спутников земли нашими учеными привел в восторг все прогрессивное человечество. Даже наши враги вынуждены были утверждать, что это явилось началом новой эры в истории покорения человеком природы – эры освоения космического пространства. Вслед за этим советскими учеными, инженерами, конструкторами осуществлен успешный пуск многоступенчатой ракеты в сторону Луны. А совсем недавно новая ракета донесла до Луны советский вымпел. Впервые в истории науки и техники в Советском Союзе сооружен атомный ледокол, названный именем великого Ленина.

Свобода при социализме стала реальной, ибо жизнь человека – члена социалистического общества не зависит от произвола других, так как никто не вынужден продавать свой труд ради обеспечения своего существования. Личность при социализме перестала быть источником выгоды для других, она не является уже орудием, в руках других людей, служащим их обогащению.

Во всех досоциалистических формах коллективности личная свобода существовала лишь для индивидов, принадлежавших к господствующему классу. Коллективность людей социалистического общества, наоборот, являясь объединением равноправных индивидов, берет на себя контроль над условиями существования всех членов общества. Социалистическая коллективность представляет собой такое объединение индивидов, которое контролирует свободное развитие каждого. При такой «действительной коллективности индивиды добиваются в своей ассоциации и с помощью этой ассоциации также и своей свободы»¹, личной свободы.

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. IV. стр. 65.

Осуществленная в странах социализма свобода полностью подтверждает гениальное предвидение Маркса. «Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства. Как дикарь, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться цивилизованный, должен во всех общественных формах и при всех возможных способах производства. С его развитием расширяется это царство естественной необходимости, потому что расширяются его потребности; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что социализированный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он как слепая сила господствовал над ними; совершают его с наименьшей затратой силы и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее, это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческой силы, которая является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе. Сокращение рабочего дня – основное условие»¹.

Как мы видели уже, на современном уровне развития социалистического строя осуществляется целый ряд мероприятий, направленных на то, чтобы все больше расширить свободу людей. Но некоторые принципы первой, социалистической фазы коммунистического общества не позволяют нам всецело осуществлять царство свободы. Известно, например, что при социализме господствует принцип распределения по труду. Это значит, что основная часть материальных и духовных благ общества распределяется между

---

¹ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 833.

его членами в соответствии с их трудовым вкладом в общественное производство. Такой метод распределения вытекает из самой сути социалистического способа производства на первой фазе его развития и является наиболее правомерным и разумным. Вместе с тем мы должны сказать, что он несколько ограничивает свободу людей, ибо труд является обязательностью каждого члена общества («Кто не работает, тот не ест»). Но на первой фазе другого принципа и не может быть. Во-первых, у нас еще нет изобилия продуктов; во-вторых, сознательность определенной части людей не достигла такого уровня, чтобы воспринимать труд как необходимую жизненную потребность. Когда мы создадим изобилие продуктов, как говорит Маркс, когда материальные блага пойдут полным потоком и когда люди будут рассматривать труд как жизненную потребность, тогда можно будет осуществить новый принцип: «от каждого по способностям, каждому по потребностям». С этого момента прекратится работа, диктуемая нуждой (в широком смысле этого слова) и свобода людей получит полное свое развитие по всем трем аспектам.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	8
Глава первая. К истории домарксовского решения.....	14
Проблемы необходимости и свободы	
общая постановка вопроса.....	14
Проблема свободы в философии Спинозы	33
Детерминизм Гольбаха	48
Трансцендентальная свобода у Канта	58
Гегелевское диалектическое	
решение проблемы необходимости и свободы.....	68
Глава вторая. Свобода и необходимость – категории	
материалистической диалектики	81
Гносеологические и социальные предпосылки марксистского	
решения проблемы свободы и необходимости.....	84
Категория необходимости и ее соотношение с другими	
категориями диалектики	92
Категория свободы.	
Соотношение необходимости и свободы	110
Глава третья. Общественно историческое развитие как	
превращение необходимости в свободу.....	135
Необходимость и свобода в досоциалистических общественно –	
экономических формациях	138
Превращение необходимости в свободу при социализм	178

ДЖАМИЛЬ ТЕЙМУР ОГЛЫ АХМЕДЛИ
СВОБОДА И НЕОБХОДИМОСТЬ

Редактор издательства *А. Джафарова*
Техн. редактор *Ш. Агаева*
Корректор *Г. Дондаров*

Подписано к печати 2/Ш.1960 г.
Формат бумаги 60х921/16. Бум. лист 5,25.
Печ. лист 10,5. Учет. изд. лист 10,35. ФГ 13131.
Заказ 646. Тираж 1000.
Цена 8 руб. 60 коп.
Типография «Красный Восток» Министерства культуры
Азербайджанской ССР Баку. ул. Ази Асланова, 80.

AZƏRBAYCAN SSR ELMLƏR AKADEMİYASI
FƏLSƏFƏ BÖLMƏSİ
С. Т. ƏHMƏDLİ
AZADLIQ VƏ ZƏRURƏT
Azərbaycan SSR Elmlər Akademiyası Nəşriyyatı